
ДОКЛАДЫ
КОМИССИИ ИЗБР.
СОВЕТ. ИМП. УНИВ.
СВ. ВЛАДИМИРА.

ДОКЛАДЫ КОМИССІИ,

ИЗБРАННОЙ

СОВѢТОМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Св. Владиміра

для разработки отвѣтовъ на вопросы, предложенные Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія относительно устройства Университетовъ.

КІЕВЪ.
Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра
Акціон. О-ва печатн. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул.
1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра

Ректоръ *Ѳ. Фортинскій.*

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Приложенія.

Совѣтъ Университета Св. Владиміра, обсудивъ въ 11 засѣданіяхъ, бывшихъ въ маѣ текущаго 1901 г., предложенные ему г. Министромъ Нар. Просв. 18 вопросовъ, касающіеся устройства Университетовъ, въ своемъ заключительномъ засѣданіи 23 мая назначилъ изъ своей среды комиссію изъ 12 профессоровъ, по 3 отъ каждаго факультета, подъ предсѣдательствомъ ректора, для объединенія, согласованія и болѣе точнаго формулированія высказанныхъ въ Совѣтѣ мнѣній и заключеній по означеннымъ 18 вопросамъ. Въ составъ этой комиссіи вошли: а) отъ Историко-Филологическаго факультета профессора Фортинскій, Флоринскій и Иконниковъ; б) отъ Физико-Математическаго—Бобрецкій, Реформатскій и Армашевскій; в) отъ Юридическаго—Гуляевъ, Цытовичъ и Ясnопольскій и наконецъ г) отъ Медицинскаго—Сикорскій, Высоковичъ и Павловскій.

Комиссія начала свою дѣятельность съ того, что въ предварительномъ собраніи раздѣлила между своими сочленами обязанность подготовить письменный докладъ съ отвѣтомъ въ немъ на одинъ или два изъ предложенныхъ министерствомъ вопросовъ, за исключеніемъ 6-го, на который, по опредѣленію Совѣта, отвѣтъ умѣстнѣе дать отдѣльнымъ факультетамъ. Каждый изъ докладовъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія, прочитывался въ общемъ собраніи комиссіи, при чемъ члены ея дѣлали докладчику самыя разнообразныя замѣчанія и указанія примѣнительно къ тому, какъ данный вопросъ обсуждался и рѣшался въ Совѣтѣ. На основаніи всѣхъ этихъ замѣчаній и указаній, докладчикъ частію исправлялъ, а частію даже передѣлывалъ свой рефератъ и снова прочитывалъ его въ общемъ собраніи комиссіи. Обыкновенно вторая редакція докладовъ признавалась удовлетворительною и вызывала только немногія редакціонныя поправки. На такую обработку докладовъ ко-

миссіи потребовалось въ теченіе іюня, іюля и августа мѣсяцевъ 12 собраній. Въ виду того, что общія собранія комиссіи затянулись почти на 3 мѣсяца, у членовъ ея явилось опасеніе, не окажется ли между первыми и послѣдними докладами въ чемъ либо несоотвѣтствіе или даже противорѣчіе. Для устраненія подобныхъ погрѣшностей, комиссія поручила тремъ своимъ сочленамъ, профессорамъ Фортинскому, Иконникову и Гуляеву, еще разъ прочесть доклады всѣ вмѣстѣ проредактировать ихъ и, такимъ образомъ, подготовить окончательно къ печати. Указанная тройная редакція представляемыхъ нынѣ въ Совѣтъ докладовъ даетъ смѣлость комиссіи надѣяться, что она съ должнымъ вниманіемъ и осторожностію выполнила возложенную на нее задачу.

ВОПРОСЫ,

КАСАЮЩІЕСЯ УСТРОЙСТВА УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

---

1) Какъ должны быть поставлены должности ректора и декановъ? Въ частности, какія неудобства представляетъ ректоръ по назначенію Правительства и какія преимущества можетъ имѣть ректоръ, избираемый профессорскою коллегіей?

2) Какія измѣненія желательны въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства факультетовъ, правленія и совѣта?

3) Не слѣдуетъ-ли отмѣнить особую плату въ пользу преподавателей?

4) Въ какомъ размѣрѣ должно быть увеличено штатное содержаніе профессоровъ, при которомъ они, не обременяя себя посторонними университету занятіями, получили-бы возможность отдавать свое время и силы научнымъ и преподавательскимъ трудамъ и не только читать лекціи, но и дѣятельно вести практическія занятія со студентами?

5) Въ случаѣ увеличенія штатнаго содержанія профессоровъ до указаннаго размѣра, возможно-ли допускать занятіе ими другихъ должностей внѣ университета или службу ихъ по вольному найму въ другихъ учрежденіяхъ? Если возможно, то—какія должности и какія занятія по вольному найму совмѣстимы съ званіемъ и обязанностями профессора? Въ связи съ этимъ, желательно-ли сохранить ст. 467 общаго устава университетовъ (Св. Зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 г.), или она требуетъ измѣненія и въ какомъ смыслѣ?

6) Какія мѣры должны быть приняты, чтобы установить живой и дѣятельный контроль факультетовъ надъ полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія отдѣльныхъ преподавателей?

7) Не нужны-ли на многолюдныхъ курсахъ помощники профессоровъ, въ особенности для веденія практическихъ занятій со студентами? Если нужны, то какое служебное положеніе должны

занимать эти помощники и въ какихъ отношеніяхъ находиться, какъ къ профессорамъ, при которыхъ они состоятъ, такъ и къ факультету?

8) Какія измѣненія желательны въ положеніи приватъ-доцентовъ, чтобы обезпечить университеты достойными лицами для замѣщенія свободныхъ каѳедръ? Не слѣдуетъ-ли ограничить число приватъ-доцентовъ и точнѣе опредѣлить ихъ права, обязанности, отвѣтственность и служебное положеніе?

9) Какія вообще мѣры должны быть приняты для правильнаго и успѣшнаго приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію?

10) Какія мѣры могли-бы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровень получаемаго ими университетскаго образованія?

11) Не слѣдуетъ-ли возстановить курсовые экзамены съ допущеніемъ къ нимъ экстерновъ, гдѣ это, по характеру занятій, возможно? Точно также не слѣдуетъ-ли допустить экстерновъ къ одновременному экзамену по всѣмъ факультетскимъ предметамъ для полученія диплома объ окончаніи университетскаго курса?

12) Нужно-ли предоставлять служебныя права окончившимъ университетскій курсъ?

13) Нужно-ли сохранить государственные экзамены и, если нужно, то въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ?

14) Какія мѣры желательны для сближенія профессоровъ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ?

15) Не слѣдуетъ-ли допустить студенческія организаціи и собранія студентовъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ? Если слѣдуетъ, то какія и на какихъ условіяхъ? Не признаются-ли полезными курсовые старосты, какъ посредники между студентами, профессорами и университетской администраціей?

16) Не слѣдуетъ-ли возстановить университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ?

17) Не слѣдуетъ-ли, независимо отъ сего, ввести особый студенческій (товарищескій) судъ, спеціально для разбора поступковъ студентовъ, противныхъ правиламъ чести? Если слѣдуетъ, то каковы должны быть организація сего суда, контроль надъ нимъ и его отношеніе къ университетскому начальству?

18) Какія измѣненія желательно ввести въ постановку университетской инспекціи?

Докладъ І-й.

1) Какъ должны быть поставлены должности ректора и декановъ? Въ частности, какія неудобства представляетъ ректоръ по назначенію Правительства и какія преимущества можетъ имѣть ректоръ, избираемый профессорскою коллегіей?

2) Какія измѣненія желательны въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства факультетовъ, Правленія и Совѣта?

Для лучшаго выясненія вопросовъ: 1) о наиболѣе нормальной постановкѣ въ Университетахъ главныхъ представителей администраціи—ректора и декановъ и 2) о возможно болѣе правильномъ распредѣленіи компетенціи между Совѣтомъ, Правленіемъ и факультетами, необходимо прежде всего сдѣлать, хотя бы самую краткую, историческую справку о ходѣ развитія этихъ вопросовъ у насъ въ теченіе XIX вѣка.

Хотя первый русскій Университетъ—Московскій основанъ еще въ половинѣ XVIII в., но онъ до начала XIX в. находился какъ бы въ безпочвенномъ положеніи; у него напр., при основаніи не было ни профессоровъ, ни студентовъ; первыхъ пришлось выписывать изъ за границы, а вторыхъ набирать изъ семинаристовъ, и лишь потомъ стали учреждать гимназіи сперва при самомъ Университетѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, но очень немногихъ городахъ. Но даже и въ эту отдаленную пору первый русскій Университетъ пользовался значительною самостоятельностію; такъ, онъ былъ подчиненъ прямо Правительствующему Сенату и обладалъ самостоятельнымъ судомъ, простиравшимся на профессоровъ и студентовъ.

Собственно исторія русскихъ Университетовъ въ связи со всею системою русскаго просвѣщенія начинается только со времени учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія, на которое между про-

чимъ возложена была забота и объ открытіи новыхъ Университетовъ. По уставу 1804 г., введенному одновременно въ старый Московскій университетъ и въ два новыхъ—Харьковскій и Казанскій, Университеты сдѣланы были центрами просвѣщенія въ приписанныхъ къ нимъ учебныхъ округахъ: не переставая быть высшими учебными заведеніями, Университеты стали служить тогда органами управленія всѣхъ среднихъ и низшихъ школъ. Для завѣдыванія дѣлами этихъ школъ въ каждомъ Университетѣ учрежденъ былъ особый комитетъ, состоявшій изъ ректора и шести избираемыхъ Совѣтомъ профессоровъ. Внутреннее устройство самаго Университета было коллегіальное и основано было на началѣ полной автономіи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся университетской корпораціи. Хотя Университеты, состоя подъ главнымъ начальствомъ Министра Народн. Просвѣщенія, и поручались особому вѣдѣнію попечителей учебныхъ округовъ, но эти послѣдніе сами въ сущности были только членами Главнаго Правленія Училищъ, находившагося въ Петербургѣ при министерствѣ, и не будучи обязаны жить въ своихъ округахъ, не могли входить во всѣ мелочи университетской жизни. Попечитель не взыскивалъ за проступки лицъ, входившихъ въ составъ Университета: онъ утверждалъ даже не всѣ постановленія Совѣта, и его свѣдѣнія объ Университетѣ основывались почти исключительно на представляемыхъ ему годовыхъ и полугодовыхъ вѣдомостяхъ, ежемѣсячныхъ рапортахъ, да копіяхъ съ протоколовъ Совѣта; только въ хозяйственномъ отношеніи попечитель имѣлъ возможность внимательно наблюдать за правильнымъ употребленіемъ университетскихъ суммъ при посредствѣ особаго, имъ назначаемаго, но изъ профессоровъ, непремѣннаго засѣдателя Правленія. Но средоточіе университетскаго самоуправленія по уставу 1804 г. составляло не Правленіе, а Совѣтъ. Въ составъ Совѣта входили всѣ профессора, имъ самимъ избираемые на вакантныя каѳедры. Совѣтъ могъ удалить недостойнаго профессора по приговору, основанному на $^2/_3$ голосовъ; Совѣтъ же избиралъ изъ своей среды ректора сперва на одинъ годъ, а потомъ на 3 года. Ректоръ созывалъ Совѣтъ не менѣе раза въ мѣсяцъ, предсѣдательствовалъ въ немъ, приводилъ въ исполненіе его постановленія и вообще, въ качествѣ представителя университетской корпораціи, наблюдалъ за тѣмъ, чтобы всѣ и каждый исполняли свои обязанности. Больного или отсутствующаго ректора замѣнялъ его предмѣстникъ, считавшійся проректоромъ. Дѣла въ Совѣтѣ обыкновенно рѣшались открытою подачею голосовъ, но выборъ на должности производился баллотировкою; Совѣтъ самъ изъ своей среды выбиралъ секретаря,

который велъ журналъ засѣданій Совѣта и всю переписку отъ его имени. Совѣтъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ все главное управленіе Университетомъ и ему подчинялись низшіе органы, каковыми по учебной части служили факультеты, а по хозяйственной, полицейской и судебной Правленіе. Факультетъ, подъ предсѣдательствомъ избираемаго Совѣтомъ декана, занимался распредѣленіемъ лекцій, производствомъ испытанія на ученыя степени, но все это подлежало утвержденію Совѣта. Правленіе, состоявшее изъ ректора, декановъ и назначаемаго попечителемъ непремѣннаго члена, въ хозяйственномъ отношеніи, хотя и распоряжалось всѣми суммами, заключало контракты и подряды, но ежегодно представляло Совѣту свой отчетъ, который и провѣрялся особою, избранною Совѣтомъ, ревизіонною коммиссіею; въ полицейскомъ отношеніи Правленіе, хотя и наблюдало за благочиніемъ въ Университетѣ и поведеніемъ студентовъ, но руководилось при этомъ правилами, составленными Совѣтомъ, а для надзора за казеннокоштными студентами назначался особый инспекторъ изъ профессоровъ, но по выбору Совѣта. Если дѣло доходило до суда, то въ составъ Правленія входилъ синдикъ, назначаемый опять Совѣтомъ изъ своей среды, а въ болѣе важныхъ случаяхъ Совѣтъ самъ превращался въ высшую судебную инстанцію, на приговоры которой можно было жаловаться только Правительствующему Сенату.

Уставъ 1804 г. безъ особыхъ затрудненій примѣнялся къ тремъ вышеназваннымъ Университетамъ, а равно и къ позже основанному Петербургскому до двадцатыхъ годовъ XIX в. Недовѣріе, проявившееся на франкфуртскомъ сеймѣ 1819 г. по отношенію къ нѣмецкимъ Университетамъ и вызвавшее лишеніе ихъ юрисдикціи и подчиненіе суровому надзору въ учебномъ и полицейскомъ отношеніи, отразилось въ томъ же смыслѣ и на русскихъ Университетахъ. Попечители, удовольствовавшіеся прежде номинальнымъ надзоромъ надъ Университетами, стали производить теперь въ нихъ суровыя ревизіи въ учебномъ и административномъ отношеніи, при чемъ удаляли ректора, профессоровъ, вмѣшивались въ преподаваніе и прочее.

Съ вступленіемъ Императора Николая I на престолъ учрежденъ былъ особый комитетъ по устройству учебныхъ заведеній, плодомъ дѣятельности котораго явились уставъ гимназій 1828 года и университетскій уставъ 1835 г. По этому послѣднему уставу Университеты прежде всего перестали служить центромъ учебныхъ округовъ и завѣдывать средними и низшими школами; далѣе, такъ какъ попечители теперь обязаны были жить въ своихъ округахъ,

то подъ ихъ вѣдѣніе, наряду съ средними и низшими учебными заведеніями, попали и Университеты, лишившіеся при этомъ значительной доли своего прежняго самоуправленія. Болѣе всего подвергся ограниченіямъ, конечно, Совѣтъ. Хотя Совѣтъ и продолжалъ по уставу 1835 г. состоять изъ всѣхъ профессоровъ, имъ самимъ избираемыхъ, по прежнему самъ избиралъ ректора, но его компетенція простиралась уже только на дѣла учебныя и ученыя, но и тутъ всѣ его журналы и даже раздача ученыхъ степеней должны были идти на утвержденіе попечителя. Преподаваніе въ Университетахъ было поставлено подъ суровый контроль: отъ каждаго профессора потребовали представленія программы преподаванія, которая подвергалась тройной цензурѣ: декана, ректора и попечителя. Хозяйственная сторона всецѣло отошла къ Правленію, которое разсматривалось въ уставѣ 1835 г. не какъ низшій подчиненный Совѣту органъ университетскаго управленія, а какъ вполнѣ независимый отъ него, но за то подчиненный попечителю, который назначалъ теперь въ составъ Правленія особаго синдика, но не изъ профессоровъ, а изъ постороннихъ лицъ. Правленіе не было обязано представлять Совѣту ни смѣты, ни отчета, ни рапортовъ о состояніи суммъ, и Совѣтъ не могъ имѣть никакого опредѣленнаго представленія ни о количествѣ университетскихъ средствъ, ни о правильности ихъ расходованія. Особый университетскій судъ былъ отмѣненъ университетскимъ уставомъ 1835 г., и всѣ дѣла объ имуществѣ и проступкахъ лицъ, принадлежащихъ къ Университету, отошли въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ установленій. Даже дисциплинарная власть надъ студентами въ значительной степени изъята была изъ рукъ Университета и предоставлена, помимо ректора, Совѣта и Правленія, особому инспектору, назначаемому изъ постороннихъ лицъ и подчиненнаго непосредственно попечителю. При такой организаціи Университетовъ попечитель поставленъ былъ въ необходимость постоянно вмѣшиваться въ разнообразныя университетскія дѣла и входить во всѣ мелочи студенческаго быта; за то и всякія неурядицы въ Университетахъ падали на отвѣтственность попечителя и въ глазахъ высшаго начальства служили признакомъ его слабаго надзора за Университетомъ и студентами. Для усиленія этого надзора послѣ событій 1848 г. нѣкоторые Университеты подчинены были власти военныхъ генералъ-губернаторовъ и всѣ вмѣстѣ были лишены права выбирать своихъ ректоровъ, принимать въ студенты болѣе 300 человѣкъ и посылать за границу молодыхъ людей, готовящихся къ профессурѣ для усовершенствованія въ наукахъ. Впрочемъ, такое исключительное положеніе Университе-

товъ продолжалось только до конца Крымской войны, и съ вступленіемъ на престолъ Александра II въ Университетахъ постепенно было возстановлено значеніе устава 1835 г.

При Александрѣ II, на ряду съ другими реформами, возбужденъ былъ вопросъ и о преобразованіи Университетовъ. Министерство Нар. Пр. отнеслось къ этому дѣлу съ особою осторожностію. Прежде всего оно потребовало отъ самихъ Университетовъ заявленій объ ихъ нуждахъ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ. На основаніи этихъ заявленій особая комиссія выработала проектъ новаго университетскаго устава. Проектъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе университетскихъ совѣтовъ и нѣкоторыхъ выдающихся лицъ гражданскаго и духовнаго званія, русскихъ и иностранныхъ. Представленные ими отзывы, будучи предварительно напечатаны, переданы были на обсужденіе ученаго комитета, составъ котораго былъ увеличенъ различными свѣдущими людьми. Члены ученаго комитета распредѣлили между собою обязанность сдѣлать сводъ мнѣній, высказанныхъ различными лицами и учрежденіями, по тому или другому отдѣлу проекта и представить свои выводъ изъ нихъ въ формѣ предложенія окончательной редакціи соотвѣтствующихъ статей университетскаго устава, которая и разсматривалась потомъ на общемъ собраніи усиленнаго въ своемъ составѣ ученаго комитета. Такимъ образомъ, проектъ устава 1863 г. еще разъ подвергся внимательному пересмотру, и Министерство Народнаго Просвѣщенія, представляя его въ Государственный Совѣтъ, въ своей объяснительной запискѣ, конечно, вполнѣ сознательно заявило, что „для улучшенія положенія Университетовъ оно считаетъ необходимымъ дать имъ большую самостоятельность въ дѣлахъ ихъ внутренняго управленія". Такъ какъ при дѣйствіи устава 1835 г. внутреннее самоуправленіе Университетовъ всего больше страдало отъ вмѣшательства попечителя, то составители проекта устава 1863 г. въ объяснительной запискѣ къ нему съ особою подробностію остановились на этомъ пунктѣ и доказывали, что они, расширяя университетское самоуправленіе, вовсе не имѣли въ виду принизить власть попечителя, а лишь поставить ее въ болѣе правильныя и опредѣленныя отношенія къ Университету. За попечителемъ по § 26 были оставлены: высшій надзоръ за дѣятельностію Университетовъ въ предѣлахъ устава, право veto, если Университетъ преступалъ эти предѣлы, и возможность способствовать преуспѣянію Университета путемъ соотвѣтствующихъ представленій въ министерство, возбуждаемыхъ по иниціативѣ Университета или же самого попечителя, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ попечитель былъ

уполномоченъ дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали его власть, съ обязанностію только о подобныхъ случаяхъ доводить до свѣдѣнія Министра. Истиннымъ средоточіемъ университетскаго самоуправленія, какъ и при уставѣ 1804 г., становится Совѣтъ, который не только избираетъ или же представляетъ къ увольненію всѣхъ представителей университетской администраціи: ректора, проректора или инспектора, декановъ, членовъ университетскаго суда, но и весь преподавательскій персоналъ: профессоровъ, доцентовъ, лекторовъ и даже стипендіатовъ, оставляемыхъ для приготовленія къ профессурѣ;—Совѣтъ же избираетъ всѣхъ служащихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, т. е. лаборантовъ, консерваторовъ, ординаторовъ, прозекторовъ и ихъ помощниковъ, библіотекаря и его помощниковъ;—всѣхъ служащихъ въ университетской канцеляріи, т. е. секретарей, бухгалтера, казначея, архиваріуса, или же по хозяйству—экзекутора, смотрителя клиникъ, архитектора. Помимо того, что Совѣтъ принималъ участие въ назначеніи и увольненіи всѣхъ служащихъ въ Университетѣ лицъ, онъ въ то же время руководилъ ихъ дѣятельностію и наблюдалъ за нею: Совѣтъ напр., утверждалъ порядокъ факультетскаго преподаванія, присужденіе факультетами ученыхъ степеней, медалей, стипендій, премій, изданіе сочиненій; онъ же составлялъ инструкціи для дѣйствій проректора или инспектора, экзекутора, смотрителя клиникъ, правила для студентовъ, правила о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ; Совѣтъ разсматривалъ составленную правленіемъ смѣту, вопросы о раздѣленіи факультетовъ на отдѣленія, о раздѣленіи или соединеніи каѳедръ, объ учрежденіи ученыхъ обществъ, о выборѣ почетныхъ членовъ и пр. Словомъ, ни одно сколько нибудь важное дѣло въ учебномъ, ученомъ, хозяйственномъ, судебномъ или дисциплинарномъ отношеніи не миновало Совѣта и находило въ немъ или окончательное рѣшеніе или же вызывало его заключеніе и представленіе къ высшему начальству на разрѣшеніе или же утвержденіе. Хотя факультеты, правленіе, университетскій судъ и инспекція въ общихъ положеніяхъ устава 1863 г. (§ 5) выставляются, на ряду съ Совѣтомъ, какъ составныя части университетскаго управленія безъ прямого указанія на ихъ подчиненное положеніе по отношенію къ Совѣту, что было прямо отмѣчено въ уставѣ 1804 г., тѣмъ не менѣе на практикѣ это подчиненіе устанавливалось какъ бы само собою. Такъ, у факультета напр., почти не было дѣлъ, которыя онъ рѣшалъ бы окончательно, не представляя на утвержденіе Совѣта; даже своего декана факультетъ выбиралъ въ присутствіи Совѣта, и если бы при этомъ никто не былъ

избранъ, то Совѣтъ избиралъ факультету декана; равнымъ образомъ и Правленіе, хотя и распоряжалось средствами Университета, но въ предѣлахъ смѣты, утвержденной Совѣтомъ, и къ тому-жъ было обязано сообщать Совѣту мѣсячныя вѣдомости о состояніи суммъ, а на всѣ экстренные расходы, напр.: на новыя сооруженія, на изданіе сочиненій обязательно испрашивалось сперва разрѣшеніе Совѣта; наконецъ, и университетскій судъ, помимо того, что онъ избирался Совѣтомъ и руководился его инструкціей, въ болѣе важныхъ случаяхъ представлялъ свои приговоры объ увольненіи или исключеніи студентовъ изъ Университета опять-таки на утвержденіе Совѣта. При такомъ положеніи дѣла и ректоръ, хотя на него и возлагалось уставомъ ближайшее управленіе Университетомъ, на дѣлѣ являлся только исполнителемъ постановленій Совѣта: онъ не только по изданнымъ отъ Совѣта правиламъ принималъ въ Университетъ студентовъ, переводилъ ихъ съ факультета на факультетъ, налагалъ на нихъ дисциплинарныя взысканія, но и обязанъ былъ обо всемъ этомъ доводить до свѣдѣнія Совѣта; даже въ качествѣ председателя Совѣта онъ долженъ былъ руководиться особою инструкціею, выработанною самимъ Совѣтомъ. Начальническая власть ректора проявлялась только, помимо экстренныхъ случаевъ, въ сношеніяхъ съ посторонними вѣдомствами, въ предсѣдательствѣ на засѣданіяхъ Совѣта и Правленія, въ разрѣшеніи отпусковъ, въ представленіи служащихъ въ Университетѣ къ наградамъ; замѣчанія онъ могъ дѣлать однимъ чиновникамъ, а о неисправности или неправильности дѣйствій преподавателей могъ только сообщить факультету и Совѣту и лишь въ важнѣйшихъ случаяхъ—попечителю. Какъ ни обдуманно былъ составленъ уставъ 1863 г., но въ примѣненіи его на практикѣ все-таки оказались тѣ или иныя неудобства, что и подало поводъ въ семидесятыхъ годахъ къ возбужденію вопроса о необходимости его измѣненія. Если при дѣйствіи устава 1835 г., когда попечитель обязанъ былъ вникать во всѣ университетскія дѣла, неурядицы въ Университетахъ обыкновенно объясняли слабостію его надзора, то при уставѣ 1863 г., наоборотъ, всѣ недочеты въ дѣйствіяхъ Университета и особенно студенческія волненія, съ которыми Университеты, впрочемъ, справлялись, хотя и не безъ труда, приписывали широкой университетской автономіи и невозможности для зависимой отъ Совѣта инспекціи поддерживать дисциплину среди студентовъ. Составители проекта устава 1884 г. прямо заявляли: „продолжительный опытъ примѣненія къ Университетамъ установленнаго по уставу 1863 г. порядка, который въ сущности сводился къ автономіи университетскихъ Совѣтовъ, вы-

яснилъ съ полною очевидностію всѣ его слабыя стороны. Не говоря уже о неудобствахъ, присущихъ вообще коллегіальному завѣдыванію административно-хозяйственными дѣлами и состоящихъ въ отсутствіи твердости въ распоряженіяхъ и яснаго сознанія отвѣтственности за оныя, распредѣляющейся между всѣми членами коллегіи, порядокъ сей, по мнѣнію Министерства Нар. Пр., содѣйствовалъ развитію партій, интригъ и раздоровъ въ средѣ Совѣтовъ, а также замѣтному отчужденію сихъ ученыхъ собраній отъ правительства и учебныхъ властей". Для устраненія всего этого спроектировано было, съ одной стороны, усилить власть министра и попечителя надъ Университетами, а съ другой, ослабить въ этихъ послѣднихъ самоуправленіе. Министру предполагалось предоставить право, не только назначать Университетамъ всѣхъ профессоровъ, всѣхъ главнѣйшихъ представителей университетской администраціи, но и издавать для Университетовъ всевозможныя правила и инструкціи по части учебной, ученой, хозяйственной и дисциплинарной; а попечителя имѣлось въ виду сдѣлать прямымъ начальникомъ Университета, имѣющимъ право не только контролировать университетскую дѣятельность въ предѣлахъ устава, но и принимать въ ней непосредственное участіе, то путемъ созыва Совѣта, Правленія и факультетовъ, то посредствомъ передачи ректору и инспектору обязательныхъ для нихъ письменныхъ предложеній и даже устныхъ распоряженій. Одновременно съ этимъ Университеты должны были лишиться своей автономіи, выражавшейся по уставу 1863 г. въ правѣ профессорской корпораціи на самопополненіе, въ избраніи Совѣтомъ всѣхъ служащихъ въ Университетѣ, въ составленіи для нихъ, а равно и для студентовъ, всякихъ инструкцій и правилъ, а равно и въ наблюденіи за ихъ выполненіемъ. Все это такъ или иначе должно перейти къ министру и попечителю.

Хотя проектъ устава 1884 г. и подвергся суровой критикѣ въ соединенныхъ департаментахъ экономіи и законовъ и въ особенности въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, гдѣ значительное большинство настаивало на сохраненіи за Университетами самоуправленія, тѣмъ не менѣе проектъ Министерства, съ нѣкоторыми измѣненіями, защищаемыми меньшинствомъ, удостоился Высочайшаго утвержденія и былъ введенъ въ Университеты.

Пользуясь предоставленною ему по уставу 1884 г. по отношенію къ Университетамъ властію распорядительною и учредительною, Министръ Нар. Пр. въ нѣсколько лѣтъ совершенно измѣнилъ физіономію Университетовъ. Хотя по уставу 1884 г. принципіально выборъ профессоровъ и не былъ отмѣненъ, но онъ былъ постав-

лежъ въ зависимость отъ разрѣшенія министра объявить конкурсъ на вакантную каѳедру или профессуру въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; но такое разрѣшеніе систематически не давалось во все время управленія министерствомъ графа Делянова, при которомъ былъ изданъ нынѣ дѣйствующій уставъ. А такъ какъ по уставу 1884 г. число каѳедръ и профессуръ въ Университетѣ было увеличено и при томъ установленъ 30 л. срокъ службы профессора, по истеченіи котораго занимаемая имъ каѳедра объявляется вакантною, то въ короткое время Университеты наполнились профессорами или прямо назначенными министромъ или же повышенными изъ приватъ-доцентовъ по представленіямъ попечителей, при чемъ за недостаткомъ полноправныхъ кандидатовъ, т. е. имѣющихъ степень доктора, нерѣдко были и магистры исправляющими должность экстраординарнаго и даже ординарнаго профессора. На ряду съ перемѣною въ составѣ профессоровъ совершалась замѣна выборныхъ представителей университетской администраціи администраторами по назначенію или рекомендаціи. Министръ самъ избиралъ Университету ректора и утверждалъ представляемыхъ ему попечителемъ декановъ и инспектора; даже секретари факультетовъ и тѣ стали получать свою должность по представленію декана. Въ то же время факультеты получили отъ министерства для руководства учебные планы, экзаменныя требованія, программы и правила испытаній въ коммиссіяхъ; имъ даже было указано, какъ нужно составлять обозрѣніе и росписаніе лекцій. Еще болѣе произошло перемѣнъ въ Университетѣ по отношенію къ студентамъ. На основаніи изданныхъ министромъ правилъ былъ измѣненъ и усложненъ порядокъ пріема въ студенты и особенно ихъ перехода изъ факультета въ факультетъ и изъ Университета въ Университетъ; вмѣсто общей платы за ученье, они должны были дѣлать отдѣльно взносъ въ пользу Университета и платить гонораръ профессорамъ, что сопровождалось сложною процедурою подписки на лекціи, придуманною тоже въ министерствѣ; во время пребыванія въ Университетѣ студенты должны теперь носить форму и обязательно посѣщать лекціи и практическія занятія, иначе имъ грозили дисциплинарныя взысканія, лишеніе льготъ и даже незачетъ семестра. Для наблюденія за студентами въ Университетѣ и даже внѣ онаго организована была обширная инспекція, подчиненная попечителю и снабженная широкими полномочіями по изданной отъ министра инструкціи.

Однако же практика скоро показала неудобство многихъ новыхъ порядковъ, заведенныхъ въ Университетахъ министерствомъ на основаніи устава 1884 г.; такъ, учебные планы, рекомендован-

ные министерствомъ факультетамъ, оказались настолько одностороннними и неудобоисполнимыми, что по отношенію къ факультетамъ филологическому и юридическому ихъ понадобилось вскорѣ замѣнить новыми, выработанными уже въ Университетахъ; равнымъ образомъ министерство само скоро признало непосильность для студентовъ сдавать экзаменъ разомъ за 4 года факультетскаго обученія и возстановило полукурсовыя испытанія, подраздѣливъ ихъ на 2 и даже на 3 части, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, должны были подвергнуться перемѣнѣ правила о зачетѣ полугодій, экзаменныя требованія и программы, правила о назначеніи студентамъ стипендій, пособій и освобожденія отъ платы и даже инструкція о способѣ составленія обозрѣнія и росписанія лекцій. Вслѣдъ за тѣмъ признаны были неудобства введеннаго министерствомъ гонорара, и Университетамъ было предложено высказаться по этому вопросу; въ послѣднее время министерство усомнилось въ цѣлесообразности изданныхъ имъ для студентовъ правилъ и инструкціи для инспекціи и опять предложило обсудить вопросъ о нихъ самимъ Университетамъ; наконецъ, за послѣдніе 3—4 года министерство перестало практиковать систему назначенія профессоровъ и предпочитаетъ поручать ихъ выборъ самимъ Университетамъ по конкурсу. Все это показываетъ, что новые порядки, заведенные съ 1884 г. въ Университетахъ, послужили далеко имъ не на пользу. Лишенные самоуправленія Университеты не могли сами остановить начинавшагося въ нихъ разстройства въ учебномъ, административномъ и особенно въ дисциплинарномъ отношеніи. Ярче всего это разстройство Университетовъ проявилось въ студенческихъ волненіяхъ, которыя никогда не повторялись такъ часто и не достигали такихъ размѣровъ, какъ за послѣдніе годы, и какъ ни велики были полномочія инспекціи, попечителя, министра по отношенію къ студентамъ, всѣ принимаемыя противъ нихъ полицейско-административныя и даже военныя мѣры не имѣли успѣха.

Изъ приведенной исторической справки слѣдуетъ, что въ теченіе XIX в. въ Университетахъ дѣйствовало 4 устава; изъ нихъ два 1804 и 1863 г. построены были на началѣ признанія за Университетами самоуправленія и два 1835 г. и 1884 г. на ослабленіи этого самоуправленія и на широкомъ подчиненіи Университетовъ власти попечителя; первые два устава указывали на довѣріе правительства къ Университетамъ и ихъ самоуправленію; вторые были именно плодомъ недовѣрія къ Университетамъ и стремленія подчинить ихъ детальному надзору Министра Нар. Пр. посредствомъ попечителя, какъ его органа въ учебномъ округѣ. Если въ Уни-

верситетахъ при дѣйствіи уставовъ 1804 и 1863 г. и не все шло такъ, какъ бы желалось, во всякомъ случаѣ, въ нихъ не замѣчалось такого общаго разстройства, какое несомнѣнно проявилось въ двадцатыхъ, сороковыхъ, пятидесятыхъ годахъ и въ особенности въ концѣ XIX и въ началѣ XX в. Если въ семидесятыхъ годахъ при дѣйствіи устава 1863 г. и бывали неурядицы въ Университетахъ, то значительными онѣ представлялись не столько по существу, сколько по той гласности, какую онѣ пріобрѣтали, благодаря печатанію полныхъ совѣтскихъ протоколовъ; тогда какъ безпорядки при дѣйствіи устава 1884 г. оставались неизвѣстными до тѣхъ поръ, пока они не прорывались изъ Университетовъ на улицу. Уже одно это общее наблюденіе склоняетъ скорѣе въ пользу предоставленія Университетамъ самоуправленія, чѣмъ къ подчиненію ихъ почти подъ дискреціонную власть министра и попечителя. Потомъ, подъ Университетомъ, какъ учрежденіемъ, гдѣ разрабатывается и преподается наука, не смотря на распаденіе его на факультеты, всегда понималось нѣчто единое и цѣльное, что одинаково подчеркнуто во всѣхъ уставахъ; но такое пониманіе Университета само собою указываетъ на необходимость для него коллегіальнаго строя съ возможно большею долею самоуправленія. Если какая коллегія можетъ представлять нравственныя гарантіи того, что она не будетъ злоупотреблять своимъ самоуправленіемъ, то, конечно, коллегія профессорская, состоящая изъ людей, успѣвшихъ наглядно заявить о своихъ дарованіяхъ, о своей любви къ наукѣ, о способности къ упорному и систематическому труду. Какъ наука, культивируемая въ Университетахъ, можетъ успѣшно развиваться только при полной свободѣ изслѣдованія, такъ и воздѣлывающіе эту науку профессора тогда только съ успѣхомъ могутъ заниматься своимъ дѣломъ, когда они будутъ пользоваться академическою свободою, проявляющеюся не только въ свободѣ изслѣдованія и преподаванія, но и въ самоуправленіи.

Университетское самоуправленіе прежде всего должно выражаться въ правѣ избранія самимъ Университетомъ своего представителя-ректора. Такой выборъ Университетомъ ректора допускался при всѣхъ уставахъ, кромѣ нынѣ дѣйствующаго; но даже и въ первоначальномъ проектѣ устава 1884 года, не смотря на то, что онъ составлялся подъ вліяніемъ нескрываемаго недовѣрія къ Университетамъ, все же не имѣлось въ виду лишить Университеты этого ихъ исконнаго права. Слѣды такого настроенія сохранились въ уставѣ въ удержаніи четырехлѣтняго срока для ректуры. Срочность ректуры, будучи умѣстною при существова-

ніи выборовъ, конечно, дисгармонируетъ съ системою назначенія и даже какъ бы указываетъ на недовѣріе министерства къ своему избраннику. Да иначе и не могло быть: выборный ректоръ имѣетъ несомнѣнныя преимущества предъ назначеннымъ. Коллегія профессоровъ лучше знаетъ своихъ сочленовъ и скорѣе выберетъ себѣ достойнаго представителя, чѣмъ можетъ это сдѣлать Министръ Нар. Пр., живущій вдали отъ Университета и потому вынужденный при назначеніи ректора руководиться далеко не всегда безпристрастными указаніями попечителя. Не было примѣра, чтобы выборный ректоръ не былъ утверждаемъ въ своей должности и въ своей дѣятельности проявлялъ бы наклонность идти несогласно съ видами правительства, за что и подвергся бы со стороны министерства давленію въ смыслѣ выхода въ отставку, тогда какъ съ назначаемыми ректорами это бывало, что опять указываетъ на большую возможность ошибокъ при назначеніи ректоровъ, чѣмъ при ихъ выборѣ. Въ какой степени выборные ректоры считались безопасными для правительства, можно судить хотя бы по тому факту, что при введеніи устава 1884 г. министерство, такъ открыто заявлявшее о своемъ недовѣріи къ Университетамъ, все же признало возможнымъ утвердить въ должности ректора всѣхъ, раньше избранныхъ въ нее Совѣтомъ. Все это ясно указываетъ на преимущества выборнаго ректора предъ назначеннымъ; но главное назначенный ректоръ никогда не будетъ пользоваться тѣмъ нравственнымъ авторитетомъ въ глазахъ профессоровъ и студентовъ, какимъ располагаетъ выборный ректоръ; а такой авторитетъ и нравственная поддержка со стороны профессоровъ особенно необходимы ректору во время студенческихъ волненій.

Но если ректору слѣдуетъ быть выборнымъ, за то должны быть точно опредѣлены условія и срокъ избранія. По всѣмъ уставамъ ректоръ избирался всегда изъ ординарныхъ профессоровъ, и ни одинъ изъ Университетовъ никогда не отступалъ отъ этого правила; тогда какъ при системѣ назначенія допускалась не разъ фикція возведенія въ ректоры лица, только исправлявшаго должность ординарнаго профессора, какъ будто бы при штатѣ въ 50 ординарныхъ профессоровъ по уставу 1884 г. нельзя было найти среди нихъ ни одного достойнаго! При дѣйствіи устава 1863 г., когда количество ординарныхъ профессоровъ въ Университетѣ было значительно меньше, при выборѣ ректора обыкновенно подвергали баллотировкѣ всѣхъ наличныхъ ординарныхъ профессоровъ; на будущее же время, въ виду увеличенія количества ординарныхъ профессоровъ еще сверхштатными, для ускоренія и вмѣстѣ улучшенія системы выбо-

ровъ въ ректоры, слѣдовало бы прибѣгнуть сперва къ намѣченію кандидатовъ подачей записокъ, а потомъ уже изъ намѣченныхъ, получившихъ наибольшее число голосовъ по запискамъ, выбирать ректора баллотировкою. При такой двойной системѣ баллотировки, будетъ менѣе ошибокъ въ выборѣ достойнаго лица въ ректоры.

Срокъ, на который слѣдуетъ избирать ректора, не долженъ быть слишкомъ краткимъ, иначе ректоръ не успѣетъ освоиться съ дѣлами, да и къ выборамъ профессора будутъ относиться равнодушно, но и не слишкомъ длиннымъ, чтобы не отвлекать профессора на долгое время отъ его прямыхъ обязанностей заниматься наукою. Лучше всего будетъ оставить четырехлѣтній срокъ, установленный уставами 1863 и 1884 г. Но при этомъ слѣдовало бы отмѣнить возможность избранія въ ректоры одного и того же лица на два четырехлѣтія подъ рядъ. Возможность такого переизбранія неизбѣжно поведетъ къ отвлеченію ректора отъ научныхъ занятій и вмѣстѣ создастъ почву для нанесенія ему обиды, если переизбраніе не состоится. Наоборотъ, устраненіе непрерывности занятія должности ректора на два четырехлѣтія подъ рядъ, вѣроятно, ослабитъ возможность происковъ и интригъ, неизбѣжныхъ въ большей или меньшей степени при всѣхъ выборахъ, и вмѣстѣ сохранитъ за Университетомъ возможность воспользоваться услугами достойнаго профессора, какъ ректора, на одинъ изъ послѣдующихъ сроковъ.

Если должность ректора, какъ представителя всего Университета, должна быть выборная, то тѣмъ болѣе должность декановъ, какъ ученыхъ представителей факультетовъ. Но такъ какъ деканскія обязанности гораздо проще ректорскихъ, то и срокъ для ихъ выполненія можетъ быть безъ ущерба для дѣла ограниченъ 2 годами. Разъ деканъ ученый представитель факультета, то онъ долженъ быть избираемъ только изъ полноправныхъ профессоровъ, т. е. изъ ординарныхъ. Можетъ быть и по отношенію къ должности декана слѣдовало бы отмѣнить возможность выбора въ нее на два срока подъ рядъ одного и того же лица, хотя самый принципъ переизбранія въ одинъ изъ послѣдующихъ сроковъ и тутъ долженъ быть сохраненъ: тогда въ факультетахъ получилось бы большее число лицъ, знакомыхъ не только съ факультетскими учеными и учебными дѣлами, но и съ общеуниверситетскими хозяйственными и административными, съ которыми они освоились бы, какъ деканы, въ качествѣ членовъ Правленія, а у Совѣта оказалось бы значительное число кандидатовъ, болѣе или менѣе подготовленныхъ и способныхъ къ исполненію должности ректора.

Исходя изъ положенія о необходимости предоставленія Уни-

верситетамъ самоуправленія, которое, между прочимъ, должно выразиться въ выборѣ ректора и декановъ, легко придти и къ вытекающему изъ него другому положенію — о необходимости для Университетовъ коллегіальнаго устройства, безъ котораго невозможны и самые выборы. Такое коллегіальное устройство должно быть дано всѣмъ главнымъ органамъ университетскаго управленія: факультетамъ, совѣту, правленію и университетскому суду, если онъ будетъ возстановленъ.

Изъ всѣхъ университетскихъ коллегій наибольшее значеніе слѣдуетъ предоставить, конечно, Совѣту, какъ обнимавшему собою всегда всѣхъ профессоровъ; такимъ преобладающимъ значеніемъ въ Университетѣ Совѣтъ и пользовался при уставахъ 1804 и 1863 г. Однако, если припомнить, что по уставу 1804 г. всѣ органы университетскаго управленія разсматривались, сравнительно съ Совѣтомъ, какъ низшіе и ему подчиненные, а при дѣйствіи устава 1863 г., хотя въ законѣ факультеты, правленіе, судъ и поставлены были на ряду съ Совѣтомъ, какъ составныя части университетскаго управленія, но фактически почти во всемъ ему подчинялись, то нельзя не признать, что сосредоточеніе въ Совѣтѣ почти всѣхъ дѣлъ учебныхъ, ученыхъ, хозяйственныхъ, дисциплинарныхъ и судебныхъ, съ одной стороны, лишало самостоятельности факультеты, судъ и правленіе, хотя они состояли изъ тѣхъ же профессоровъ, а Правленіе даже изъ лучшихъ выборныхъ представителей отъ факультетовъ и Совѣта, а съ другой — безъ надобности обременяло Совѣтъ множествомъ мелкихъ текущихъ дѣлъ, которыя лишь тормозили университетское дѣлопроизводство, такъ какъ при уставѣ 1863 г. Совѣтъ обыкновенно собирался не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Если такъ было при дѣйствіи устава 1863 г., когда Совѣтъ состоялъ изъ 30—40 человѣкъ, то еще труднѣе стало ему функціонировать при уставѣ 1884 г., по которому увеличенъ былъ составъ штатныхъ профессоровъ, и въ Совѣтъ, на ряду съ штатными профессорами, включены были и сверхштатные, такъ что въ послѣднее время общее число членовъ Совѣта было постоянно свыше 70. Такой многочисленный Совѣтъ, какъ показалъ опытъ, даже трудно созвать въ должномъ количествѣ, и потребовалось исконное правило, по которому засѣданіе Совѣта признавалось состоявшимся, если въ него являлось не менѣе $^{2}/_{3}$ общаго числа его членовъ

замѣнить другимъ, допускающимъ возможность засѣданія Совѣта и при наличности въ немъ половины числа его членовъ. Такъ какъ впереди слѣдуетъ ожидать скорѣе увеличенія числа членовъ Совѣта, вслѣдствіе учрежденія новыхъ каѳедръ и профессуръ, чѣмъ ихъ сокращенія, то уже одно это обстоятельство, на ряду съ не

обходимостію предоставить больше самостоятельности факультетамъ и Правленію, дѣлаетъ необходимымъ пересмотръ вопроса о болѣе правильномъ распредѣленіи между ними компетенціи.

Исходя изъ положенія, что Совѣтъ, какъ состоящій изъ всѣхъ профессоровъ, долженъ представлять центръ университетскаго управленія и придавать Университету, не смотря на его распаденіе на нѣсколько коллегій, извѣстное единство, легко придти къ заключенію, что въ Совѣтѣ должно быть сосредоточено рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, имѣющихъ принципіальное значеніе; тогда всѣ текущія дѣла, рѣшаемыя по принципамъ, правиламъ и инструкціямъ, выработаннымъ въ Совѣтѣ, легко могутъ быть предоставлены вѣдѣнію другихъ органовъ университетскаго управленія. Съ этой точки зрѣнія въ учебномъ и ученомъ отношеніи, факультеты, какъ состоящіе изъ профессоровъ и преподавателей по той или иной группѣ наукъ, конечно, должны пользоваться значительною долею самостоятельности, болѣе широкою, чѣмъ какая была имъ предоставлена, не только по уставу 1863 г., но даже и по уставу 1884 г., а именно: факультетамъ слѣдуетъ предоставить обсуждать и рѣшать окончательно: а) изысканіе мѣръ къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ, б) составленіе программъ на конкурсы для занятія вакантныхъ каѳедръ, в) составленіе учебныхъ плановъ и программъ факультетскаго преподаванія и наблюденія за ихъ выполненіемъ, г) одобреніе къ печати сочиненій, изготовленныхъ профессорами, преподавателями, студентами и профессорскими стипендіатами, если онѣ будутъ издаваемы безъ пособія отъ Университета, д) опредѣленіе порядка и производство испытаній какъ студенческихъ, такъ и на ученыя степени, е) выдача магистрантамъ свидѣтельствъ о выдержаніи ими магистерскаго, а на медицинскомъ факультетѣ, докторскаго испытанія, ж) выдача свидѣтельства на званіе приватъ-доцента лицамъ, исполнившимъ всѣ требуемыя для того условія; з) разсмотрѣніе диссертацій и присужденіе ученыхъ степеней и званій, и) назначеніе студентамъ и стороннимъ слушателямъ темъ на соисканіе медалей и присужденіе этихъ послѣднихъ, і) присужденіе премій за сочиненія, если это право предоставлено факультетамъ по правиламъ о преміяхъ, к) принятіе мѣръ къ временному обезпеченію факультетскаго преподаванія въ случаѣ напр., тяжкой болѣзни или смерти профессора, во время его продолжительной командировки и т. под., л) разсмотрѣніе отчетовъ профессоровъ и преподавателей объ ихъ практическихъ занятіяхъ со студентами, м) допущеніе иностранныхъ докторовъ въ надлежащихъ случаяхъ прямо къ испытанію на высшія ученыя степени, равно какъ и окон-

чившихъ курсъ въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и) избраніе лицъ, оставляемыхъ при Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, а равно и командируемыхъ съ тою же цѣлію за границу. Послѣдній пунктъ по уставу 1863 г. рѣшался баллотировкою въ Совѣтѣ, а по уставу 1884 г. поставленъ былъ въ зависимость отъ министра, въ распоряженіе котораго были переданы всѣ суммы на приготовленіе профессоровъ, тогда какъ раньше ими распоряжались Университеты.

Уставъ 1863 года зналъ только двѣ категоріи факультетскихъ дѣлъ: одна обнимала дѣла, рѣшаемыя факультетомъ окончательно, но такихъ было всего четыре пункта; другая же, состоявшая изъ 11-ти пунктовъ, заключала въ себѣ дѣла, восходившія отъ факультета на разсмотрѣніе или утвержденіе Совѣта. Изъ числа этихъ послѣднихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ: принятіе мѣръ къ временному обезпеченію преподаванія на вакантныхъ каѳедрахъ, выборъ профессорскихъ стипендіатовъ, присужденіе медалей, конечно, должны быть предоставлены всецѣло вѣдѣнію факультетовъ, что въ извѣстной степени допущено и по уставу 1884 г.; другія, по самому своему хозяйственному характеру, должны восходить къ Правленію, таковы: а) распредѣленіе факультетскихъ суммъ, назначаемыхъ по штату на учебно-вспомогательныя учрежденія, б) предположенія о распредѣленіи помѣщеній подъ учебно-вспомогательныя учрежденія и объ измѣненіи въ этомъ распредѣленіи, в) назначеніе студентамъ стипендій, пособій и освобожденія отъ платы. Но за всѣмъ этимъ остается извѣстное число наиболѣе важныхъ дѣлъ, которыя отъ факультета должны восходить къ Совѣту, таковы: а) выборъ декана факультета, б) раздѣленіе предметовъ и порядокъ ихъ преподаванія (обозрѣніе и росписаніе лекцій), в) предположенія о раздѣленіи факультетовъ на отдѣленія, объ учрежденіи въ нихъ новыхъ каѳедръ, о раздѣленіи существующихъ или о замѣнѣ однихъ другими, г) утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ, — что все было предусмотрѣно уставомъ 1863 г., сюда же слѣдуетъ добавить изъ устава 1884 г.: д) представленія факультетовъ о возведеніи въ почетные доктора и въ почетные члены, е) ходатайство объ удостоеніи въ степени доктора магистрантовъ, представившихъ выдающіяся диссертаціи, ж) предположенія о порядкѣ производства факультетскихъ испытаній и условіяхъ допущенія къ онымъ, з) соображенія факультетовъ о вознагражденіи приватъ-доцентовъ, и) предположенія объ улучшеніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій, принадлежащихъ факультету и, наконецъ, і) дѣла переданныя на предварительное обсужденіе факультетовъ.

Чтобы покончить съ компетенціею факультетовъ, слѣдуетъ еще остановиться на четвертой группѣ дѣлъ, рѣшенія по которымъ должны восходить на утвержденіе попечителя. По уставу 1863 г. всѣ такія дѣла вѣдались Совѣтомъ, а по уставу 1884 г. онѣ доводились только до свѣдѣнія Совѣта съ состоявшимися по нимъ рѣшеніями, таковы: а) избраніе секретаря факультета и б) избраніе лаборантовъ, консерваторовъ, прозекторовъ и ихъ помощниковъ, астронома-наблюдателя, ученаго садовника, механика, препараторовъ, ординаторовъ, письмоводителей факультетовъ, а равно и ихъ увольненіе или удаленіе. Такъ какъ всѣ эти лица нужны собственно факультетамъ, и послѣдніе сами заинтересованы имѣть хорошихъ ассистентовъ при своихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, то и лучше не вмѣшивать Совѣтъ въ назначеніе и увольненіе этихъ второстепенныхъ лицъ и предоставить подобныя дѣла вѣдѣнію факультетовъ подъ контролемъ ректора и попечителя, изъ коихъ первый обязанъ собрать всѣ необходимыя справки о каждомъ кандидатѣ, избираемомъ факультетомъ, и представить все это попечителю, а послѣдній можетъ утвердить или не утвердить представляемаго ему кандидата. Отсюда, кажется, слѣдуетъ исключить только дѣла о приватъ-доцентахъ: разъ приватъ-доценты допускаются къ преподаванію, т. е. къ одному изъ важнѣйшихъ дѣлъ въ Университетѣ, то и вопросъ о нихъ не можетъ быть рѣшаемъ факультетомъ безъ согласія Совѣта; но такъ какъ приватъ-доценты не состоятъ на службѣ, то нѣтъ нужды и испрашивать разрѣшеніе у Попечителя на допущеніе ихъ къ преподаванію, а достаточно ограничиться простымъ сообщеніемъ ему объ увеличеніи числа приватъ-доцентовъ новымъ лицомъ.

На ряду съ факультетскими дѣлами въ Совѣтъ должны поступать и важнѣйшія изъ дѣлъ правленскихъ. Чтобы лучше выяснить компетенцію Правленія, не лишнее припомнить его организацію и дѣятельность въ прошломъ. Правленіе при всѣхъ уставахъ состояло изъ ректора и декановъ, къ которымъ, по уставу 1804 г., присоединялся непремѣнный членъ, назначаемый изъ профессоровъ попечителемъ, по уставу 1835 г. синдикъ назначаемый тоже попечителемъ, но изъ постороннихъ Университету лицъ, по уставу 1863 г. проректоръ или инспекторъ, при чемъ послѣдній имѣлъ голосъ только при обсужденіи дѣлъ, касающихся студентовъ, и, наконецъ, по уставу 1884 г., инспекторъ изъ стороннихъ Университету лицъ, но на равныхъ правахъ съ остальными членами, что едва ли удобно, разъ инспекторъ не изъ профессоровъ. Каковъ бы ни былъ составъ Правленія, оно всегда вѣдало въ Университетѣ часть хозяйствен-

ную и дисциплинарную, хотя и не въ одинаковой степени. Шире всего компетенція Правленія поставлена въ уставѣ 1884 г. Тогда какъ по уставу 1863 г. окончательному рѣшенію Правленія подлежали только: 1) распоряженіе штатными суммами въ предѣлахъ смѣты и расходованіе изъ спеціальныхъ средствъ до 300 р. на одинъ предметъ; 2) заключеніе контрактовъ до 5000 р., 3) разбирательства по менѣе важнымъ студенческимъ дѣламъ и преданіе студентовъ университетскому суду въ надлежащихъ по правиламъ случаяхъ, по уставу 1884 г. ко всему этому добавлено еще: 4) распоряженія по напечатанію сочиненій, одобренныхъ факультетами, 5) постановленія о пріемѣ въ Университетъ бывшихъ студентовъ или переходящихъ отъ другихъ Университетовъ, а равно и о тѣхъ изъ поступающихъ впервые въ студенты или вольнослушатели, о которыхъ ректоръ признаетъ нужнымъ доложить Правленію. Все это слѣдовало бы соединить и сохранить за Правленіемъ и на будущее время съ одною поправкою, чтобы компетенція Правленія при заключеніи контрактовъ доведена была до 10,000 р., а при единовременномъ расходѣ до 1000 р. на одинъ предметъ, такъ какъ съ увеличеніемъ ожидаемаго содержанія Университетовъ и ихъ спеціальныхъ средствъ, должна быть увеличена и компетенція Правленія въ распоряженіи университетскими суммами. Да и само правительство, недавно предоставившее право Попечителю, хотя онъ по преимуществу имѣетъ дѣло съ средними и низшими школами, утверждать контракты до 10,000 р., очевидно идетъ въ томъ же направленіи. Какъ скоро хозяйственныя дѣла - заключеніе контрактовъ (свыше 10,000 руб.) единовременный расходъ изъ спеціальныхъ средствъ (свыше 1,000 р.) будутъ превосходить компетенцію Правленія, они естественно должны восходить на разрѣшеніе Попечителя, Министра и даже Сената, на основаніи общихъ узаконеній. Сверхъ этого Правленію должно быть предоставлено 6) окончательное рѣшеніе вопроса по представленіямъ факультетовъ о назначеніи недостаточнымъ студентамъ стипендій, пособій и освобожденія отъ платы за научныя занятія и по представленіямъ проректора или инспектора пособія студентамъ въ экстренныхъ случаяхъ болѣзни, смерти и т. под. Наконецъ, Правленію же съ утвержденія Попечителя, должно принадлежать право избранія различныхъ лицъ, служащихъ въ университетской канцеляріи (секретарей, казначея, бухгалтера и его помощника, архиваріуса), по хозяйству (экзекутора, архитектора, смотрителя клиникъ), по медицинской части (врача для студентовъ, фельдшера, провизора, аптекарскихъ учениковъ) и при университетской библіотекѣ (библіотекаря и его помощниковъ, секретаря

библіотеки). Впрочемъ, съ усиленіемъ значенія Совѣта слѣдовало бы ему же предоставить право избранія секретаря Совѣта, поручивъ этому послѣднему общій надзоръ за университетскою канцеляріею для приданія ей единства, котораго въ ней теперь нѣтъ, а равно и выборъ библіотекаря, какъ представителя такого учрежденія, въ благосостояніи котораго заинтересованы всѣ профессора; при этомъ, разумѣется, каждый членъ Совѣта долженъ пользоваться правомъ рекомендовать извѣстное ему лицо, способное занять вакантную должность секретаря Совѣта или библіотекаря. Само же Правленіе должно вносить въ Совѣтъ: 1) смѣту приходовъ и расходовъ по штатнымъ и спеціальнымъ средствамъ на слѣдующій годъ, 2) свои предположенія о пріобрѣтеніи или отчужденіи университетской недвижимости, о новыхъ сооруженіяхъ и крупныхъ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ и 3) сообщать по полугодіямъ вѣдомости о состояніи университетскихъ суммъ. Уставъ 1804 года предписывалъ Правленію представлять въ Совѣтъ годичный отчетъ, который и провѣрялся особою избранною Совѣтомъ коммиссіею, но въ настоящее время, при существованіи единства кассы и Государственнаго Контроля, въ такой ревизіи, конечно, нѣтъ нужды, равно какъ и въ представленіи Совѣту ежемѣсячныхъ вѣдомостей о состояніи суммъ, требовавшихся по уставу 1863 г. и отмѣненныхъ по уставу 1884 г., такъ какъ въ каникулярное время онѣ являлись бы ненужною формальностію, тогда какъ проектируемыя полугодичныя вѣдомости могутъ дать Совѣту основаніе болѣе точно судить какъ о смѣтѣ и ея выполненіи, такъ и о соображеніяхъ Правленія относительно новыхъ сооруженій и крупныхъ улучшеній въ университетскомъ хозяйствѣ.

Теперь, когда выяснилось, какія именно наиболѣе важныя дѣла должны поступать въ Совѣтъ отъ факультетовъ и Правленія, легче точнѣе опредѣлить компетенцію самого Совѣта и тѣмъ самымъ выяснить его роль въ университетскомъ самоуправленіи.

Прежде всего окончательному рѣшенію Совѣта должны подлежать слѣдующія дѣла: 1) утвержденіе составляемыхъ факультетами обозрѣній и росписаній лекцій, такъ какъ установленное уставомъ 1884 г. представленіе ихъ въ министерство обратилось на практикѣ въ ненужную, но очень обременительную формальность; 2) утвержденіе по представленіямъ факультетовъ въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ; 3) распоряженія объ изданіи одобренныхъ факультетами сочиненій, если при этомъ требуется пособіе отъ Университета; 4) опредѣленіе общаго числа медалей, присуждаемыхъ студентамъ и стороннимъ слушателямъ; 5) допущеніе къ чтенію лекцій приватъ-

доцентовъ и назначеніе имъ вознагражданія по представленіямъ факультетовъ; 6) утвержденіе уставовъ студенческихъ организацій и закрытіе послѣднихъ по представленіямъ ректора; 7) разсмотрѣніе представляемыхъ Правленіемъ полугодичныхъ вѣдомостей о состояніи университетскихъ суммъ; 8) назначеніе торжественныхъ публичныхъ собраній Университета; 9) избраніе почетныхъ членовъ и почетныхъ докторовъ Университета; 10) разрѣшеніе профессорамъ и преподавателямъ въ учебное время отпуска до 29 дней.

Потомъ Совѣтъ долженъ представлять на утвержденіе Попечителя:

1) избраніе имъ доцентовъ, секретаря Совѣта, библіотекаря, судей и кандидатовъ къ нимъ; 2) представленіе объ увольненіи или удаленіи этихъ должностныхъ лицъ, кромѣ судей, которые должны быть несмѣняемы въ теченіе того срока, на который избраны; 3) утвержденіе составленныхъ Совѣтомъ правилъ и инструкцій: а) для дѣйствій проректора или инспектора; б) для студентовъ и постороннихъ лицъ, в) для дѣлопроизводства въ Совѣтѣ, Правленіи, факультетахъ и университетскомъ судѣ, г) о взиманіи платы за испытанія съ постороннихъ Университету лицъ, каковы напр.: экстерны, аптекарскіе ученики и помощники, дентисты, акушерки и пр.; 4) представленія объ отпускахъ профессоровъ и преподавателей въ учебное время на срокъ свыше 29 дней.

Наконецъ вѣдѣнію Совѣта должны подлежать и такія дѣла, состоявшіяся постановленія по которымъ должны идти чрезъ Попечителя на разрѣшеніе къ Министру Нар. Пр.

1) Избраніе ректора, декановъ, проректора или инспектора, а равно и представленія объ ихъ увольненіи или удаленіи (кромѣ ректора); 2) раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія, соединеніе и раздѣленіе каѳедръ, открытіе новыхъ каѳедръ и перенесеніе существующихъ съ одного факультета на другой; 3) перемѣщеніе профессоровъ съ одной каѳедры на другую; 4) правила о порядкѣ и срокѣ испытаній на высшія ученыя степени; 5) учрежденіе ученыхъ обществъ при Университетѣ; 6) заключеніе о смѣтѣ, составленной Правленіемъ, а равно и объ его соображеніяхъ относительно улучшенія университетскаго хозяйства вообще и учебно-вспомогательныхъ учрежденій въ частности, о новыхъ сооруженіяхъ и крупныхъ перестройкахъ; 7) Представленія о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ университетскаго устава; 8) объ отчужденіи или пріобрѣтеніи университетской недвижимости.

Болѣе точное распредѣленіе компетенціи между главнѣйшими органами университетскаго самоуправленія факультетами, Правле-

ніемъ и Совѣтомъ по дѣламъ учебнымъ, ученымъ, хозяйственнымъ и дисциплинарнымъ, даетъ возможность подойти къ выясненію вопроса о положеніи ректора въ Университетѣ и объ отношеніи къ послѣднему попечителя учебнаго округа. Вопросъ этотъ имѣлъ огромное значеніе при изданіи устава 1884 г., когда творцы его, съ цѣлію дисциплинировать Университеты, настаивали на необходимости увеличенія надъ нимъ власти попечителя и на умаленіи въ немъ значенія ректора. Перваго они думали достигнуть возведеніемъ попечителя въ начальники Университета, а послѣдняго противупоставленіемъ въ Университетѣ ректору самостоятельнаго и подчиненнаго попечителю инспектора. Практика, однако, скоро показала, что попечитель, какъ лицо, стоящее внѣ Университета, не всегда знакомое съ его своеобразнымъ строемъ, правами и обычаями и къ тому же сильно обремененное дѣлами по завѣдыванію въ округѣ средними и низшими школами, оказался не въ силахъ управлять еще Университетомъ и даже не стремился къ этому. Попечитель въ мирное время обыкновенно не пользовался своимъ правомъ принимать участіе въ засѣданіяхъ факультетовъ, Правленія, Совѣта, а во время студенческихъ волненій, если и появлялся въ Университетѣ, то все же предпочиталъ дѣйствовать черезъ Правленіе, ректора и инспектора, а не распоряжался самъ непосредственно, что вмѣнялось ему въ обязанность уставомъ. Равнымъ образомъ и зависѣвшій отъ попечителя инспекторъ студентовъ, не опиравшійся на нравственную поддержку профессоровъ, не смотря на значительное число подчиненныхъ ему помощниковъ инспектора и педелей, тоже, какъ показалъ опытъ, не могъ справиться съ дисциплинированіемъ студентовъ. Въ сущности здѣсь мы встрѣчаемся съ повтореніемъ въ Университетахъ того, что они уже пережили при дѣйствіи устава 1835 г. Очевидно дѣло попечителя не начальствовать надъ Университетомъ, а только заботиться объ его благосостояніи путемъ контроля надъ его дѣятельностію въ предѣлахъ устава. Какъ высшій представитель учебной власти въ предѣлахъ ввѣреннаго ему округа, попечитель, конечно, долженъ наблюдать и принимать мѣры къ тому, чтобы всѣ принадлежащія къ Университету учрежденія и лица исполняли свои обязанности, указанныя въ уставѣ; съ этою цѣлію на разсмотрѣніе попечителя должны поступать протоколы засѣданій Совѣта и Правленія, какъ главнѣйшихъ органовъ университетскаго самоуправленія. Какъ высшій представитель учебной власти въ округѣ, попечитель долженъ, далѣе, утверждать въ должности и увольнять отъ ней, согласно съ уставомъ, всѣхъ низшихъ служащихъ въ Университетѣ по учебной, хозяйственной, канце-

лярской и дисциплинарной части; вмѣстѣ съ этимъ, попечитель, въ предѣлахъ устава, или самъ долженъ разрѣшать представленія по дѣламъ, превышающимъ власть Университета, или же отправлять ихъ на разрѣшеніе съ своимъ заключеніемъ въ министерство; наконецъ, попечитель можетъ, когда признаетъ то нужнымъ, давать на обсужденіе Университету предложенія, какъ по дѣламъ самого Университета, такъ и учебнаго округа, и въ чрезвычайныхъ случаяхъ можетъ принимать всякія мѣры, лишь доводя потомъ о нихъ до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія. При такой постановкѣ дѣла, попечитель съ одной стороны сохранитъ весь престижъ высшей учебной власти въ округѣ, а съ другой избавится отъ исполненія несвойственныхъ ему обязанностей начальника по отношенію къ Университету и соединенной съ ними отвѣтственности за все то, что въ немъ совершается.

Какъ скоро отъ Попечителя отойдутъ начальническія права надъ Университетомъ, тотчасъ же неизбѣжно должны увеличиться въ немъ полномочія ректора. Не смотря на то, что ректоръ будетъ выборный, онъ станетъ пользоваться огромнымъ значеніемъ въ Университетѣ. Въ качествѣ предсѣдателя Совѣта и Правленія, ректоръ получитъ возможность не только руководить всѣми важнѣйшими учебными, учеными, хозяйственными и дисциплинарными дѣлами при ихъ обсужденіи, но и наблюдать за ними при ихъ выполненіи; ему конечно должно принадлежать ближайшее право наблюдать, чтобы всѣ служащіе въ Университетѣ исполняли свои обязанности, чтобы университетское преподаваніе шло правильно и въ надлежащей полнотѣ, чтобы студенты исполняли установленныя для нихъ правила, чтобы учебно-вспомогательныя учрежденія содержались въ должномъ порядкѣ, чтобы университетскія средства расходовались правильно, а все имущество Университета сохранялось въ цѣлости. Въ качествѣ представителя Университета ректоръ будетъ принимать и увольнять студентовъ и стороннихъ слушателей по ихъ прошеніямъ, входить съ представленіями къ попечителю округа, а съ другими вѣдомствами сноситься отношеніями, подписывать всѣ дипломы, скрѣпленные сперва секретаремъ Совѣта и однимъ изъ декановъ, разрѣшать отпуски всѣмъ служащимъ на вакаціонное время, а въ учебную пору на 14 дней собственною властію, а на болѣе продолжительные сроки испрашивать разрѣшеніе Совѣта, попечителя или Министра. Зависящимъ отъ него чиновникамъ, а равно и всѣмъ служащимъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, не говоря уже о студентахъ и вольно-слушателяхъ, ректоръ въ правѣ дѣлать

замѣчанія и выговоры, а о неисправности или неправильныхъ дѣйствіяхъ преподавателей онъ можетъ по усмотрѣнію сообщать декану, факультету и Совѣту. Наконецъ, ректору должно быть предоставлено и, отнятое у него уставомъ 1884 года, право ходатайства чрезъ Попечителя о награжденіи профессоровъ и другихъ лицъ, служащихъ въ Университетѣ.

Съ такими широкими полномочіями, при возможности вникать во всѣ части университетской жизни и руководить всѣми ея проявленіями, ректоръ, будучи избранъ Совѣтомъ и имъ поддерживаемый, сдѣлается дѣйствительно не только головою, но и сердцемъ такого сложнаго организма, какимъ является Университетъ, и будетъ въ состояніи проявить о немъ то сердечное попеченіе, которое сдѣлалось теперь лозунгомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Докладъ II-й.

3) Не слѣдуетъ-ли отмѣнить особую плату въ пользу преподавателей?

По 3-му вопросу: „не слѣдуетъ ли отмѣнить особую плату въ пользу преподавателей“, т. е. гонораръ, Совѣтъ Университета Св. Владиміра имѣлъ поводъ высказаться еще въ 1897 г. по требованію Министерства Нар. Просвѣщенія и въ настоящее время можетъ только кратко повторить свой прежній отзывъ съ небольшими измѣненіями и дополненіями.

1) Прежде всего Совѣтъ единогласно признаетъ размѣръ *общей суммы платежа*, причитающагося теперь съ того или другого слушателя въ пользу Университета и на вознагражденіе профессоровъ, весьма значительнымъ, а потому крайне обременительнымъ, а нерѣдко и непосильнымъ для студента. Возможность такой обременительности предусматривалась еще при обсужденіи проекта устава 1884 г. въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, большинство членовъ котораго отстаивало валовую сумму въ 50 р., находя гонорарную систему очень дорогою для студентовъ и крайне неравномѣрной. Но меньшинство утверждало, что при гонорарной системѣ „ученіе будетъ обходиться отнюдь не дороже, а скорѣе дешевле, чѣмъ при валовой платѣ за ученіе въ 50 р. ежегодно“. Но, по утвержденіи мнѣнія меньшинства, на практикѣ скоро оказалось, что плата гонорара дѣйствительно стремится къ быстрому возрастанію, и само Министерство Нар. Просвѣщенія вынуждено было принимать искусственныя мѣры противъ такого ея увеличенія, то предписывая понижать на медицинскомъ факультетѣ рублевую плату за теоретическую лекцію до 75 к., то воспрещая на другихъ факультетахъ увеличивать число обязательныхъ лекцій и практическихъ занятій свыше 25 часовъ въ недѣлю. Когда же въ

1887 г. и взносъ въ пользу Университета разомъ возвышенъ былъ съ 5 р. въ полугодіе до 25 р., то общій платежъ за ученіе сдѣлался несомнѣнно обременительнымъ, а часто и непосильнымъ для студентовъ. Непосильность этой платы сознавалъ повидимому и самъ установившій ее Комитетъ Министровъ: недаромъ онъ назвалъ это увеличеніе взноса со студентовъ „временною“ мѣрою. Но эта временная мѣра стала постоянною, и общій размѣръ платежа студента сдѣлался гораздо больше той 50 рублевой валовой суммы, которую большинство членовъ Государственнаго Совѣта находило достаточною, а меньшинство, настаивавшее на введеніи гонорарной системы, надѣялось этимъ путемъ даже уменьшить ее. Въ настоящее же время въ Университетѣ Св. Владиміра минимальный платежъ студента равняется 80 р. въ годъ, а максимальный доходитъ до 105 р. 50 к. Обременительность и непосильность этого платежа для многихъ изъ студентовъ лучше всего доказывается тѣмъ, что ежегодно, несмотря на освобожденіе отъ взноса 15%, еще до 10% общаго числа студентовъ увольняется изъ Университета за невзносъ платы. Но гонорарная система по отношенію къ студентамъ является не только обременительною, но и крайне неравномѣрною для нихъ. Огромное количество предметовъ, преподаваемыхъ на медицинскомъ факультетѣ, и необходимость веденія по многимъ изъ нихъ практическихъ занятій повели къ тому, что не смотря на пониженіе платы за лекцію до 75 к. и на допущеніе, вопреки уставу и правиламъ, части безплатныхъ лекцій и практическихъ занятій, все-таки общая плата достигаетъ своего maximum'а именно на медицинскомъ факультетѣ. То же самое оказалось и на естественномъ факультетѣ, гдѣ чтеніе почти каждаго предмета сопровождается практическими занятіями въ лабораторіяхъ и кабинетахъ. Наоборотъ, на остальныхъ факультетахъ, почти не имѣющихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, плата за ученіе достигаетъ отъ 90 до 100 р., минимальный же размѣръ въ 80 р. встрѣчается въ видѣ исключенія на нѣкоторыхъ курсахъ юридическаго и математическаго факультетовъ. Во всякомъ случаѣ колебаніе между maximum и minimum достигаетъ до 25%. *Признавая поэтому существующую теперь систему платы за ученіе и обременительною и неравномѣрною для студентовъ, Совѣтъ приходитъ къ заключенію, что существующій нынѣ платежъ въ пользу Университета и въ пользу профессоровъ, какъ ведущій къ этой неравномѣрности, долженъ быть замѣненъ одною валовою суммою, равною для всѣхъ студентовъ, и что самый размѣръ этой платы долженъ быть уменьшенъ по крайней мѣрѣ до minimum'а, т. е. до 80 р. и вмѣстѣ увеличено число освобождаемыхъ отъ платы до 30%.*

2) Гонорарная система, основанная на платѣ по часамъ въ пользу отдѣльныхъ преподавателей, оказалась на практикѣ не только неравномѣрно взимаемою со студентовъ, но и еще болѣе неравномѣрно-распредѣляемою среди профессоровъ и преподавателей Университета. Неравномѣрность эта вытекла изъ самой природы гонорара и на неизбѣжность ея указывало большинство членовъ Государственнаго Совѣта еще при обсужденіи проекта устава 1884 г. Неодинаковое количество студентовъ по факультетамъ и курсамъ, бывшее всегда въ Университетахъ, конечно, должно было привести и къ неравномѣрному распредѣленію взимаемой съ нихъ платы, хотя бы они платили ее даже въ одномъ и томъ же размѣрѣ. Неравномѣрность эта возросла подъ вліяніемъ новыхъ учебныхъ плановъ, по которымъ было назначено далеко неодинаковое число часовъ на преподаваніе того или другого предмета, при чемъ однако не было точно опредѣлено количество преподавателей по такимъ, выдвинутымъ на первый планъ, каѳедрамъ. Къ учебнымъ планамъ присоединилось еще одно обстоятельство, тоже усиливавшее неравномѣрность распредѣленія гонорара: 15% освобождаемыхъ отъ платы сосредоточились на старшихъ курсахъ, тогда какъ изъ студентовъ I курса могли пользоваться этою льготою только очень немногіе, окончившіе курсъ въ гимназіи съ медалью и представившіе къ тому же свидѣтельство о бѣдности. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ и установилось крайне неравномѣрное распредѣленіе гонорара не только между отдѣльными факультетами, но и между профессорами одного и того же факультета. Изъ доставленной въ Министерство Нар. Просвѣщенія таблицы распредѣленія гонорара легко видѣть, что въ Университетѣ Св. Владиміра годичный гонораръ профессоровъ, юристовъ и медиковъ считался обыкновенно тысячами, у математиковъ сотнями, а у филологовъ десятками рублей. Но и на одномъ и томъ же факультетѣ неравномѣрность распредѣленія гонорара представляетъ иногда поразительные примѣры: на физико-математическомъ факультетѣ профессоръ сельскаго хозяйства получалъ гонорара 20 р., а профессоръ физики до 3000; на юридическомъ романисты получали отъ 3 до 4 тысячъ, а одинъ изъ цивилистовъ 1375 р.; на медицинскомъ профессоръ анатоміи имѣлъ гонорара до 5000 р., а профессоръ дѣтскихъ болѣзней до 500; на историко-филологическомъ профессоръ классической филологіи получалъ отъ 110 р. до 150, а профессоръ всеобщей литературы 33. Если по отношенію къ студентамъ неравномѣрность взимаемой съ нихъ платы колебалась въ предѣлахъ 25%, то неравномѣрность распредѣленія гонорара между профессорами

одного и того-же Университета, на основаніи приведенныхъ примѣровъ, приходится опредѣлять уже не десятками, а сотнями и даже тысячами процентовъ! Послѣ этого неудивительно, *что Совѣтъ призналъ существующую систему распредѣленія гонорара не только неравномѣрною, но и просто несправедливою по отношенію къ профессорамъ, въ сущности исполняющимъ одинаковый трудъ преподаванія.*

3) Гонорарная система, будучи обременительною и неравномѣрною для студентовъ и несправедливою по отношенію къ профессорамъ, въ то же время не оправдала и возлагаемыхъ на нее надеждъ (со стороны ея творцовъ и защитниковъ). Гонорарная система, по мнѣнію *меньшинства членовъ* Государственнаго Совѣта, должна была бы служить „вспособленіемъ къ штатному содержанію, дѣйствительно весьма недостаточному, профессоровъ“, но на дѣлѣ воспользовались ею въ такомъ смыслѣ только профессора многолюдныхъ факультетовъ, да и тѣ—крайне неравномѣрно. Надѣялись, что гонораръ будетъ распредѣляться между преподавателями сообразно съ количествомъ и качествомъ ихъ труда; но въ дѣйствительности, при отсутствіи академической свободы преподаванія и слушанія, при обязательной записи на лекціи не меньше 18 недѣльныхъ часовъ, никакая талантливость, никакое усердіе не въ состояніи дать значительнаго гонорара профессору, читающему въ малолюдномъ факультетѣ: у него, пожалуй, много окажется слушателей изъ другихъ факультетовъ, но не платящихъ и въ силу традиціи, идущей отъ времени, когда существовала одна равная для всѣхъ плата, и когда внесшій ее могъ посѣщать чьи угодно лекціи, и вслѣдствіе непосильности для многихъ студентовъ вносить плату даже и за обязательныя лекціи. Надѣялись, что гонораръ сблизитъ профессоровъ со студентами, но на дѣлѣ наоборотъ — онъ способенъ скорѣе разъединить ихъ, такъ какъ слушатели не прочь вмѣнить въ вину наставникамъ свои непосильные платежи. Надѣялись, наконецъ, что гонорарная система создастъ въ Университетахъ приватъ-доцентуру, какъ разсадникъ профессуры, но и этого не получилось. Въ значительномъ количествѣ приватъ-доценты оказываются только на медицинскомъ факультетѣ, но они ищутъ тамъ этого званія не ради гонорара, а по совсѣмъ инымъ соображеніямъ; на другихъ же факультетахъ имѣютъ успѣхъ лишь тѣ приватъ-доценты, которые читаютъ обязательныя лекціи.

4) Если же гонорарная система оказалась неравномѣрною для студентовъ и профессоровъ, если она не оправдала ни одной изъ возлагаемыхъ на нее надеждъ и наоборотъ подтвердила опасенія

ся противниковъ, то можно ли въ ней произвесть какія либо измѣненія къ лучшему и не будетъ ли болѣе цѣлесообразнымъ, обращать гонораръ въ специальныя средства Университета съ непремѣннымъ условіемъ расходованія его только на вознагражденіе профессоровъ, приватъ-доцентовъ и лекторовъ соотвѣтственно числу читаемыхъ ими лекцій и за веденіе практическихъ занятій, нынѣ нерѣдко совершенно неоплачиваемыхъ? *Совѣтъ призналъ эту мѣру, предлагавшуюся Министерствомъ, неудобною и не желательною.* Распредѣленіе вознагражденія по часамъ неизбѣжно вызоветъ стремленіе безъ надобности къ расширенію преподаванія и создастъ нескончаемыя препирательства изъ-за часовъ въ факультетахъ, что не разъ уже и бывало въ Университетѣ Св. Владиміра. Къ тому же предлагавшаяся Министерствомъ мѣра, если и поведетъ къ нѣкоторому устраненію неравномѣрности въ распредѣленіи гонорара между преподавателями одного и того же Университета, то, во всякомъ случаѣ, она не уничтожитъ неравномѣрности въ распредѣленіи гонорара между профессорами различныхъ университетовъ, имѣющихъ далеко неодинаковое число студентовъ, а между тѣмъ Государственный Совѣтъ настаивалъ на введеніи во всѣхъ Университетахъ одинаковой платы за ученіе въ 50 р., руководясь тѣмъ соображеніемъ, что всѣ Университеты организованы одинаково и даютъ одинаковое образованіе, поэтому и вознагражденіе ихъ профессоровъ должно быть одинаково, что недостижимо при примѣненіи мѣры, рекомендуемой Министерствомъ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній Совѣтъ признаетъ гонорарную систему непоправимою и подлежащею отмѣнѣ.

5) Но съ отмѣною гонорарной системы матеріальное положеніе профессоровъ, оставшихся при одномъ жалованіи по штатамъ 1863 года будетъ несомнѣнно весьма печальнымъ. Штаты эти еще въ 1884 г., при обсужденіи проекта устава, признаны были и Министерствомъ Нар. Просвѣщенія и Государственнымъ Совѣтомъ весьма недостаточными, а соединенные департаменты законовъ и экономіи признали возможнымъ утвердить эти штаты, какъ временные только на 3 года съ тѣмъ, чтобы по истеченіи сего срока Министръ Нар. Просвѣщенія, основываясь на указаніяхъ опыта, представилъ на уваженіе Государственнаго Совѣта окончательное предположеніе объ устройствѣ матеріальнаго положенія Университетовъ. Съ тѣхъ поръ прошло не 3 года, а вчетверо больше, и уже по одному этому нельзя не признать, что давно уже настало время для пересмотра штатовъ Университета. За 38 лѣтъ, какъ су-

ществуютъ университетскіе штаты, во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ штаты были пересмотрѣны и оклады — увеличены. Судебные слѣдователи или члены окружныхъ судовъ, акцизные надзиратели или податные инспектора получаютъ теперь жалованье, превышающее не только жалованье экстра-ординарныхъ, но и ординарныхъ профессоровъ, хотя для полученія этихъ должностей не нужно всѣхъ трудныхъ условій, какими обставлено достиженіе профессуры. Еще болѣе нуженъ пересмотръ штатовъ для всѣхъ служащихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, въ университетскихъ канцеляріяхъ, по хозяйству, т. е. лаборантовъ, ассистентовъ, консерваторовъ, помощниковъ библіотекаря, ординаторовъ, секретарей и ихъ помощниковъ, бухгалтера, казначея, врача, архитектора и пр. и пр., содержаніе которыхъ такъ скудно, что едва хватаетъ на хлѣбъ насущный. Можно думать, что и само Министерство Нар. Просвѣщенія сознаетъ необходимость этого пересмотра штатовъ университетскихъ: оно уже пересмотрѣло и возвысило оклады членовъ Академіи Наукъ, которые никогда не были выше окладовъ профессоровъ. Поэтому, можно думать, что пересмотръ штата Академіи Наукъ только шагъ къ пересмотру штатовъ Университетовъ. Такой *пересмотръ штатовъ единственный выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ какое будутъ поставлены профессора съ отмѣною гонорара:* увеличеніе окладовъ по меньшей мѣрѣ вдвое — единственный правильный и достойный способъ улучшить матеріальное состояніе профессоровъ и другихъ служащихъ въ Университетѣ.

Такимъ образомъ Совѣтъ приходитъ къ заключенію: 1) что взимаемая со студентовъ плата въ пользу Университета и профессоровъ и обременительна и неравномѣрно ложится на нихъ; 2) что отдѣльный платежъ въ пользу Университета и профессоровъ долженъ быть замѣненъ одною валовою суммою; 3) что размѣръ этой платы долженъ быть пониженъ и вмѣстѣ увеличено число освобождаемыхъ отъ платы до 30%; 4) что гонораръ, неравномѣрно взимаемый со студентовъ, еще болѣе неравномѣрно и несправедливо распредѣляется между профессорами; 5) что лучше всего было бы гонорарную систему отмѣнить, а произведенный такою отмѣною ущербъ въ матеріальномъ обезпеченіи профессоровъ вознаградить пересмотромъ университетскихъ штатовъ и возвышеніемъ окладовъ по меньшей мѣрѣ вдвое.

Докладъ III-й.

4) Въ какомъ размѣрѣ должно быть увеличено штатное содержаніе профессоровъ, при которомъ они, не обременяя себя посторонними университету занятіями, получили бы возможность отдавать свое время и силы научнымъ и преподавательскимъ трудамъ и не только читать лекціи, но и дѣятельно вести практическія занятія со студентами?

Когда уставъ 1835 года былъ подвергнутъ въ 1862 году пересмотру и составленъ былъ проектъ новаго устава 1863 года, то вмѣстѣ съ тѣмъ Министерствомъ было обращено вниманіе на крайне скудное содержаніе профессоровъ и съ 1200 руб. въ годъ оно было увеличено до 3000 руб. для ординарныхъ профессоровъ. Такое увеличеніе содержанія профессоровъ въ $2^1/_2$ раза никому не казалось въ то время чрезмѣрнымъ и было вызвано оно естественною потребностью, по причинѣ постепеннаго обезцѣненія денежныхъ знаковъ и увеличивающейся дороговизны предметовъ первой необходимости. Что и въ то время, въ 1862 году, профессорское содержаніе, опредѣленное въ 3000 руб., являлось недостаточнымъ, видно изъ отзывовъ нѣсколькихъ почтенныхъ профессоровъ того времени. Такъ, въ замѣчаніяхъ на проектъ устава 1863 года (изд. Мин. Нар. Просв. 1862) приводится очень характерное мнѣніе извѣстнаго профессора политической экономіи С.-Петербургскаго Университета Горлова (стр. 82). Онъ, составивши подробную смѣту расходовъ, самыхъ необходимыхъ для *жалкаго* существованія профессора и небольшой семьи, состоящей изъ жены и трехъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, исчисляетъ ее въ 2942 р. 50 к.; причемъ этой суммы, по его мнѣнію, будетъ достаточно, если „профессоръ будетъ завтракать на 8 коп.; если онъ и всѣ его домашніе будутъ всегда хо-

дить нѣшкомъ, если онъ и всѣ его домашніе будутъ всегда здоровы и никогда не будутъ звать доктора и покупать лекарства; если онъ не будетъ никуда выѣзжать изъ Петербурга въ лѣтнее время, когда Петербургъ необитаемъ отъ пыли, жара и зловонія; если онъ будетъ вести затворническую жизнь и никого не будетъ у себя принимать и самъ никого посѣщать; если онъ не будетъ заботиться объ участи своихъ дѣтей и жены и не будетъ ничего для нихъ сберегать; если у него не будетъ никакихъ экстраординарныхъ семейныхъ расходовъ". Заканчиваетъ свое замѣчаніе проф. Горловъ слѣдующими словами: „если профессорскій окладъ будетъ возвышенъ до 5000 руб. ординарному, до 3500 экстраординарному и, по соразмѣрности, другимъ преподавателямъ, то профессоръ будетъ въ состояніи дѣйствительно посвятить себя наукамъ, безъ суровыхъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ".

На необходимость такого же (до 5000 р.) увеличенія профессорскаго оклада обратили вниманіе и проф. Мухлинскій (стр. 94), и Чубиновъ (стр. 110), и многіе другіе.

Съ 1863 года прошло уже около 40 лѣтъ. За это время стоимость денежныхъ знаковъ значительно понизилась, а предметы первой необходимости вздорожали minimum въ два раза. Такъ, напр., въ Кіевѣ, въ 1863 году, мясо стоило 5—6 копѣекъ фунтъ, а теперь 12—13 коп.; сажень дровъ 7—8 рублей, теперь 25—35 р.; за небольшую (5—6 комнатъ) спокойную квартиру въ настоящее время надо заплатить 1000—1200 р., вмѣсто 400—500 р.

Вообще говоря, можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что если въ 1863 году можно было семейному человѣку *скромно* прожить годъ на 3000 р., то въ настоящее время такая же скромная жизнь обойдется дороже, чѣмъ въ два раза, т. е. потребуетъ больше 6000 р. въ годъ.

Въ виду этого, высказанное въ засѣданіи 10-го мая девятнадцатью (изъ 41) членами Совѣта предположеніе о необходимости увеличить профессорскій окладъ до 6000 р. въ годъ, должно быть признано болѣе чѣмъ скромнымъ, и если семнадцать членовъ Совѣта остановились на цифрѣ 8000 р. для ординарныхъ профессоровъ, то эту сумму отнюдь нельзя считать чрезмѣрной, а именно лишь такой, при которой профессоръ не будетъ поставленъ въ *безусловную* необходимость искать себѣ источника доходовъ, для покрытія своихъ самыхъ необходимыхъ расходовъ, на сторонѣ. Для безбѣднаго же существованія профессоровъ потребуется увеличить содержаніе ихъ до 10000 р. (по мнѣнію 5-ти членовъ Совѣта), по-

добно тому, какъ проф. Горловъ и другіе находили необходимымъ въ 1862 году увеличить содержаніе профессоровъ до 5000.

Что содержаніе профессоровъ надо увеличить, это само собою вытекаетъ и изъ того, что данную при введеніи устава 1884 г. профессорамъ прибавку къ содержанію въ видѣ *гонорара*, нынѣ предполагается совсѣмъ отмѣнить. Но, если гонораръ отмѣняется, то его необходимо компенсировать и при томъ такъ, чтобы не очень огорчать тѣхъ изъ профессоровъ, которые при гонорарѣ получали болѣе или менѣе значительную прибавку къ содержанію. Такъ какъ на многолюдныхъ факультетахъ, какъ напр., на юридическомъ, гонораръ для отдѣльныхъ профессоровъ достигалъ въ годъ суммы 3—4—5 и даже 10000 руб. (въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ), то и съ этой точки зрѣнія увеличеніе профессорскаго содержанія до 6000 р. должно быть сочтено самымъ минимальнымъ, и лишь до 8000 р. болѣе или менѣе достаточнымъ.

Трудъ профессоровъ русскихъ Университетовъ, по сравненію съ другими профессіями, чрезвычайно слабо оплачивается. По этой причинѣ многіе изъ молодыхъ и даровитыхъ людей, подающихъ большія надежды въ качествѣ кандидатовъ на замѣщеніе профессорскихъ кафедръ, нерѣдко уходятъ изъ университетовъ, представляющихъ очень малую гарантію обезпеченной жизни и въ далекомъ будущемъ. Чтобы привлечь большее число даровитыхъ людей въ университеты, необходимо обезпечить положеніе профессоровъ въ лучшей степени, чѣмъ въ настоящее время.

Если теперь, когда ординарному профессору полагается содержаніе 3000 р. въ годъ, экстраординарный получаетъ 2000 р., т. е. $^2/_3$ оклада ординарнаго профессора, гонораръ же причисляется въ одинаковомъ размѣрѣ какъ для ординарнаго, такъ и для экстраординарнаго профессора, то справедливость требуетъ, чтобы, при увеличеніи оклада ординарнымъ профессорамъ до 8000 руб., экстраординарные соотвѣтственно этому получали $^4/_5$ и никакъ не менѣе $^2/_3$ оклада ординарнаго профессора, т. е. 6400 и не менѣе 5400 р., а при окладѣ ординарному въ 6000 р., экстраординарный долженъ получать не менѣе 4500. Несомнѣнно, что болѣе справедливымъ было-бы совсѣмъ уничтожить разницу между ординарными и экстраординарными профессорами въ отношеніи получаемаго ими содержанія, такъ какъ при настоящемъ положеніи экстраординатура у насъ не пріурочена къ какимъ-либо болѣе легкимъ и менѣе важнымъ каѳедрамъ, а обусловливается лишь отсутствіемъ вакансіи ординатуры и полученіе этой послѣдней не зависитъ ни отъ достоинствъ и заслугъ профессора, ни отъ выслуженныхъ имъ

лѣтъ, а просто отъ случайныхъ иногда обстоятельствъ отставки, перехода въ другой университетъ или смерти ординарнаго профессора.

Въ какой-бы мѣрѣ, однако, ни былъ увеличенъ окладъ профессорскаго содержанія, сроки службы и размѣръ пенсіи слѣдуетъ оставить на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ они вошли въ уставъ 1884 года, т. е. по выслугѣ 25 лѣтъ пенсія должна составлять $^{4}/_{5}$, а послѣ 30 лѣтъ полный окладъ содержанія. При этомъ желательно, чтобы профессора, выслужившіе 30 лѣтъ, могли-бы, соотвѣтственно 105 § уст. 1884 года, буде того пожелаютъ, сохранять званіе профессора, члена факультета и Совѣта, читать лекціи, а равно и быть опредѣляемыми на всѣ должности по университету. Такіе профессора, если имъ факультетъ, съ утвержденія совѣта, поручитъ чтеніе части какого нибудь предмета, могутъ получать особое вознагражденіе по 200 р. за каждый часъ въ полугодіе; но каѳедра, по выслугѣ профессоромъ 30-ти лѣтъ, обязательно объявляется вакантною и профессоръ ее занимавшій можетъ по порученію факультета исполнять обязанности штатнаго преподавателя лишь до избранія замѣстителя.

---

5) Въ случаѣ увеличенія штатнаго содержанія профессоровъ до указаннаго размѣра, возможно-ли допускать занятіе ими другихъ должностей внѣ университета или службу ихъ по вольному найму въ другихъ учрежденіяхъ? Если возможно, то - какія должности и какія занятія по вольному найму совмѣстимы съ званіемъ и обязанностями профессора? Въ связи съ этимъ, желательно-ли сохранить ст. 467 общаго устава университетовъ (Св. Зак. т. XI. ч. I, изд. 1893 г.), или она требуетъ измѣненія и въ какомъ смыслѣ?

Благодаря признанному всѣми недостатку содержанія, получаемаго профессорами, послѣдніе по неволѣ принуждены были добывать себѣ дополнительныя средства на сторонѣ. Что эти занятія на сторонѣ отнимаютъ отъ профессора и время и энергію, которыя онъ могъ-бы съ большею пользою примѣнить, если не для чтенія лекцій, то для развитія той спеціальности, изученію которой онъ посвятилъ свою жизнь, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Поэтому, несомнѣнно, является въ высокой степени желательнымъ поставить профессоровъ въ отношеніи получаемаго ими содержанія въ такое положеніе, чтобы они не нуждались въ заработкахъ на сторонѣ. Но, съ другой стороны, нельзя не согласиться

съ тѣмъ, что какія-либо регламентаціи по отношенію къ посторонним занятіямъ профессоровъ и крайне затруднительны и по многимъ причинамъ не удобны.

О вмѣшательствѣ университета въ личныя дѣла профессоровъ и участіи ихъ въ благотворительныхъ и другихъ безплатныхъ учрежденіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Какое-либо ограниченіе въ этомъ отношеніи крайне не желательно, ибо профессора, какъ представители высшей интеллигенціи, принимали всегда и принимаютъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и несомнѣнно съ большою пользою для дѣла. Но и многія платныя занятія не возможно стѣснять слишкомъ узкими рамками. Такъ, напр., нельзя запретить профессору-клиницисту заниматься частной практикой, такъ какъ частная практика, кромѣ заработка, даетъ профессору возможность слѣдить за появленіемъ въ городѣ тѣхъ или другихъ эпидемій и пріобрѣтать все большую и большую опытность въ изученіи болѣзней и ихъ леченіи, столь необходимую для преподаванія клиническихъ предметовъ. Нельзя и больныхъ, жаждущихъ исцѣленія, лишать совѣта врача, наиболѣе свѣдущаго въ той или другой области медицины, какимъ является профессоръ-клиницистъ. При крайней бѣдности у насъ въ лицахъ, посвящающихъ себя преподавательской дѣятельности, по причинѣ явной ея необезпеченности, нельзя запрещать профессору Университета чтеніе лекцій и преподаваніе какого-нибудь предмета его спеціальности и въ другихъ, кромѣ университета, учебныхъ учрежденіяхъ, лишенныхъ возможности найдти себѣ помимо университета подготовленныхъ преподавателей.

Такъ какъ время, которое профессоръ обязанъ отдавать Университету, опредѣляется числомъ часовъ читаемыхъ имъ лекцій въ недѣлю, то очевидно, что „*требовать*" можно лишь исправнаго посѣщенія лекцій и веденія практическихъ занятій; сколько же времени онъ долженъ удѣлять на подготовку къ лекціямъ и сколько на спеціальныя свои работы, это надлежитъ оставить уже на усмотрѣніе каждаго отдѣльнаго профессора. Поэтому, и при условіи увеличенія профессорскаго содержанія до самаго наивысшаго, хотя-бы въ десять разъ превышающаго настоящій, запретить профессору всякія постороннія университету занятія нѣтъ разумнаго основанія. Надо имѣть лишь въ виду, что профессора русскихъ Университетовъ, за рѣдкими исключеніями, не отличаются особенною алчностью и что громадное большинство ихъ само сильно тяготится необходимостью постороннихъ заработковъ, отнимающихъ нерѣдко много времени и лишающихъ ихъ и необходимаго отдыха и

возможности двигать впередъ науку такъ, какъ это было-бы желательно. Въ виду этого и является крайне необходимымъ улучшить матеріальное положеніе профессоровъ насколько возможно.

Если таковое будетъ въ желательной степени увеличено, то можно лишь высказать пожеланіе, чтобы посторонніе платныя занятія дозволялись профессору лишь такія, которыя имѣли-бы какое-нибудь отношеніе къ преподаваемому ими въ Университетѣ предмету, чтобы эти постороннія Университету занятія не отнимали-бы у профессоровъ времени, необходимаго для правильнаго преподаванія предмета въ Университетѣ, и чтобы для преподаванія и службы въ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ (съ правами государственной службы) профессоромъ испрашивалось-бы каждый разъ разрѣшеніе отъ Министерства по представленію факультета и съ одобренія Совѣта.

Что касается 467 ст. XI т. 1 ч. уст. 1893 г., то въ общемъ можно рекомендовать держаться 6-ти часовой нормы. Но, съ отмѣной гонорара, нѣтъ очевидно особой нужды въ ограниченіи часовъ преподаванія, а посему 467 ст. слѣдуетъ отмѣнить, предоставивши каждому факультету, съ утвержденія Совѣта, самому устанавливать и сообразно потребностямъ времени и преподаванія измѣнять по своему усмотрѣнію число часовъ, необходимыхъ для каждаго предмета.

Докладъ IV-й.

7) Не нужны-ли на многолюдныхъ курсахъ помощники профессоровъ, въ особенности для веденія практическихъ занятій со студентами? Если нужны, то какое служебное положеніе должны занимать эти помощники и въ какихъ отношеніяхъ находиться, какъ къ профессорамъ, при которыхъ они состоятъ, такъ и къ факультету?

Потребность профессоровъ въ помощникахъ представляется разнообразною не только по факультетамъ, но даже и по отдѣльнымъ каѳедрамъ, почему основанія, на которыя опирается необходимость этой помощи, и опредѣленіе ея размѣровъ не могутъ быть выражены въ одной общей для всего Университета формулировкѣ. Выясненіе всего этого есть дѣло преимущественно факультетское, почему отзывы ихъ по этому вопросу необходимы.

Необходимость профессорскихъ помощниковъ разныхъ наименованій (каковы: астрономы-наблюдатели, лаборанты, хранители кабинетовъ, прозекторы, ординаторы клиникъ и т. п. лица) при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ уже давно признана уставами и штатами Университетовъ. Такъ какъ необходимость этихъ помощниковъ внѣ сомнѣній, то, по всей вѣроятности, приведенный выше 7-й вопросъ не ихъ имѣетъ въ виду. По отношенію же къ нимъ слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ не о необходимости ихъ существованія, а о томъ, насколько слѣдовало бы увеличить ихъ число соотвѣтственно развитію тѣхъ наукъ, для которыхъ предназначены учебно-вспомогательныя учрежденія, и сообразно возросшему числу студентовъ, а также вопросъ объ увеличеніи окладовъ содержанія соотвѣтственно

сильно вздорожавшей въ послѣдніе десятки лѣтъ жизни въ большихъ университетскихъ городахъ. Здѣсь достаточно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что даже при очень скудныхъ окладахъ, даваемыхъ нынѣ лицамъ, служащимъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, Университету св. Владиміра приходится затрачивать нынѣ на дополненіе ихъ содержанія изъ своихъ спеціальныхъ средствъ почти половину той суммы, какая полагается по штатамъ Университетовъ изъ общегосударственныхъ. Но и съ такою добавкою потребность въ такихъ помощникахъ все таки остается не вполнѣ удовлетворенною одними лицами, получающими содержаніе, а встрѣчаются также и безплатные, отчасти на физико-математическомъ, а въ особенности на медицинскомъ факультетѣ. Этихъ же безплатно служащихъ въ Университетѣ никакъ нельзя вполнѣ игнорировать при опредѣленіи размѣровъ неудовлетворенной, какъ слѣдуетъ (за недостаткомъ средствъ), потребности Университетовъ въ помощи профессорамъ. Такой безплатной помощи, за ничтожными исключеніями, мы теперь не встрѣчаемъ ни на историко-филологическомъ, ни на юридическомъ факультетахъ, по крайней мѣрѣ Кіевскаго Университета.

Кромѣ лицъ, состоящихъ при разнаго рода учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, ту или иную помощь профессорамъ могутъ оказывать какъ штатные доценты, необходимость возстановленія которыхъ признана Совѣтомъ Кіевскаго Университета, такъ и тѣ привать-доценты, которымъ поручено факультетомъ или преподаваніе хотя бы части обязательнаго курса, или же руководство практическими занятіями студентовъ. Если первое можетъ обусловливаться сложностью и обширностью того или иного курса, то послѣднее такою многочисленностью студентовъ, при которой силы однихъ профессоровъ оказываются недостаточными, чтобы надлежащимъ образомъ справиться съ задачею практическихъ занятій. Такимъ именно представляется намъ положеніе этого дѣла въ особенности на очень многолюдныхъ факультетахъ, на которыхъ общее число студентовъ не только достигаетъ, но иногда даже значительно превышаетъ, напр., тысячу человѣкъ. Хотя между ними мы встрѣчаемъ два физико-математическіе (оба столичные) и медицинскій (Московскій), но къ числу ихъ принадлежатъ также и три юридическіе (оба столичные и Кіевскій). Но тогда какъ на физико-математическомъ и медицинскомъ факультетахъ вопросъ сводится, главнымъ образомъ, только къ увеличенію числа лицъ и окладовъ тѣхъ служащихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, которые уже положены по штатамъ Университетовъ, на юридическомъ фа-

культетѣ это дѣло представляется болѣе сложнымъ: на немъ по тѣмъ же штатамъ никакихъ преподавателей, кромѣ профессоровъ, не полагается. А между тѣмъ именно юридическимъ факультетамъ въ послѣдніе годы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ставится задача такого значительнаго усиленія практическихъ занятій, при которомъ послѣднія сдѣлались бы всеобщимъ и необходимымъ дополненіемъ лекцій, признаваемыхъ недостаточнымъ средствомъ для надлежащей подготовки юристовъ-студентовъ. На многолюдныхъ же юридическихъ факультетахъ наблюдается столь сильное несоотвѣтствіе преподавательскихъ силъ числу студентовъ, какого мы не встрѣчаемъ ни на одномъ изъ остальныхъ (такъ напримѣръ, въ Кіевскомъ Университетѣ приходится студентовъ въ среднемъ на каждаго изъ оплачиваемыхъ преподавателей всѣхъ наименованій на факультетахъ: историко-филологическомъ 4, медицинскомъ $11^1/_2$, физико-математическомъ 14, а на юридическомъ 67).

При такихъ же условіяхъ и усилившихся въ послѣднее время требованіяхъ, предъявляемыхъ къ юридическимъ факультетамъ, удовлетворить надлежащимъ образомъ этимъ требованіямъ будетъ невозможно, если ихъ личный составъ не будетъ значительно увеличенъ штатными доцентами и (за недостаткомъ магистровъ) также приватъ-доцентами (преимущественно изъ магистрантовъ), которымъ факультеты могли бы поручить какъ преподаваніе нѣкоторыхъ частей болѣе обширныхъ и сложныхъ курсовъ (что доставило бы возможность усиленія практическихъ занятій студентовъ, руководимыхъ профессорами), такъ и въ особенности веденіе нѣкоторыхъ практическихъ занятій со студентами подъ наблюденіемъ факультета при помощи не только декана, но и профессоровъ соотвѣтственныхъ предметовъ. Таковы отношенія этихъ лицъ къ факультету и профессорамъ въ дѣлѣ веденія практическихъ занятій; въ остальномъ же служебное положеніе и такихъ приватъ-доцентовъ, такъ же какъ и остальныхъ и штатныхъ доцентовъ достаточно выясняется въ отвѣтѣ на 8-й вопросъ.

Докладъ V-й.

---

8) Какія измѣненія желательны въ положеніи привать-доцентовъ, чтобы обезпечить Университеты достойными лицами для замѣщенія свободныхъ каѳедръ? Не слѣдуетъ-ли ограничить число приватъ-доцентовъ и точнѣе опредѣлить ихъ права, обязанности, отвѣтственность и служебное положеніе?

Образцомъ для нашихъ университетскихъ порядковъ обыкновенно служитъ Германія. Значительный шагъ къ сближенію этихъ порядковъ съ нѣмецкими былъ сдѣланъ еще въ 1863 г. и во имя тѣхъ же порядковъ, но уже не сообразуясь съ мѣстными условіями и силами, былъ задуманъ пересмотръ означеннаго устава, вызвавшій въ свое время ожесточенную полемику и приведшій къ уставу 1884 г., многія неудачныя стороны котораго вполнѣ подтвердили правильность доводовъ, высказанныхъ въ свое время противниками пересмотра устава, хотя вовсе не принятыхъ во вниманіе. Какъ извѣстно, сущность университетскаго преподаванія въ Германіи покоится на двухъ основныхъ принципахъ: a) на свободѣ преподаванія и b) на свободѣ слушанія, которые съ такою послѣдовательностью отстаиваются корифеями нѣмецкой науки (Моль, Листъ, Гнейстъ, Іерингъ и мн. др.) и учеными съѣздами противъ какихъ бы то ни было попытокъ внести измѣненія въ установившіяся отношенія или подчинить учащихся принудительному режиму, т. е. „заставить ихъ быть прилежными". Провозгласивъ эти основанія реформы, уставъ 1884 г., но въ особенности послѣдовавшія затѣмъ распоряженія создали, однако, положеніе и порядки такого рода, которые обнаружили, что эти требованія ничего общаго съ означен-

ными принципами не имѣютъ; такъ что если бы объ уставѣ 1884 г. пришлось судить по этимъ мотивамъ, то можно было бы о немъ сказать вмѣстѣ съ Крыловымъ: „умыселъ другой тутъ былъ, хозяинъ музыку любилъ“. Поэтому и вытекавшія изъ тѣхъ же основаній слѣдствія, какъ то *гонораръ* и *приватъ-доцентура*, въ томъ видѣ, какъ они получили примѣненіе на русской почвѣ, явились столь же мало пригодными на дѣлѣ, какъ и указанныя выше основанія устава 1884 года. Гонораръ на концѣ своихъ дней (если ему суждено будетъ вскорѣ прекратить свое существованіе) пріобрѣлъ на практикѣ черты, совершенно чуждыя нѣмецкимъ порядкамъ, а приватъ-доцентура, вполнѣ заслуживающая поддержки и самаго тщательнаго ухода, поблекла и не расцвѣла, благодаря тому, что, какъ только уставъ получилъ осуществленіе, она потерпѣла существенныя измѣненія и, наконецъ, была оставлена на произволъ судьбы.

Идея приватъ-доцентуры у насъ не нова. Повидимому она имѣлась въ виду уже въ проектѣ устава 1787 г. Въ уставѣ Университета св. Владиміра 1842 г. допускались „доценты“, какъ институтъ, служащій подспорьемъ для пополненія вакансій профессоровъ и адъюнктовъ, распространенный затѣмъ и на другіе русскіе Университеты. По уставамъ 1804 и 1835 гг. существовали адъюнкты, какъ помощники профессоровъ, подчиненные имъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Въ 1863 г. они замѣнены были доцентами, т. е. лицами, не зависившими отъ профессоровъ, читавшими наравнѣ съ ними извѣстный самостоятельный отдѣлъ науки и раздѣлявшими съ ними труды по каѳедрѣ. Спустя два года, доценты, будучи приглашены въ факультетъ (но самое приглашеніе зависѣло вполнѣ отъ усмотрѣнія послѣдняго), становились его членами съ правомъ голоса и даже участія во всѣхъ баллотировкахъ, происходившихъ въ факультетѣ (Уст. 1863, § 10 и Журн. Сов. Мин. Нар. Просв. отъ 27 марта 1870 г., № 43). Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ 1863 г. ввелъ приватъ-доцентуру, опредѣливъ порядокъ ея пріобрѣтенія, служебныя права и способы вознагражденія (§§ 74 и 75). Оба эти званія (доцентура и приватъ-доцентура) въ свое время доставили Университетамъ значительный контингентъ молодыхъ силъ и если бы не скудость средствъ (доцентъ получалъ всего 1200 р.), то, быть можетъ, обезпеченіе каѳедръ преподавателями установилось бы надолго. Но уже съ 1875 г. все упорнѣе поддерживались слухи объ университетской реформѣ, о коренномъ измѣненіи университетскаго строя, о закрытіи нѣкоторыхъ каѳедръ; а между тѣмъ общественныя перемѣны открывали передъ молодыми кандидатами новыя сферы дѣятельности съ болѣе заманчивой перспективой, для кото-

рыхъ вовсе не требовалось пріобрѣтенія высшихъ степеней. Такимъ образомъ, благодаря судебной реформѣ, оказалось, что на юридическомъ факультетѣ, болѣе многолюдномъ, труднѣе всего было найти охотниковъ для оставленія при Университетѣ въ интересахъ замѣщенія каѳедръ, не говоря о другихъ, болѣе выгодныхъ родахъ дѣятельности. Прибавимъ, что въ то время часто приходилось поручать самое преподаваніе предметовъ (какъ случается впрочемъ и нынѣ) доцентамъ и даже приватъ-доцентамъ; но присвоеніе доцентамъ обязательной степени магистра значительно гарантировало правильность преподаванія, не прибѣгая къ такимъ исключительнымъ способамъ замѣщенія каѳедръ, какъ теперь, когда нерѣдко магистрамъ предоставляется званіе не только испр. должн. экстраордин., но и ординарнаго профессора со всѣми ихъ правами. Такимъ образомъ упреки, посылавшіеся въ свое время по адресу устава 1863 года, о продолжительномъ незамѣщеніи каѳедръ полноправными профессорами, оказываются не совсѣмъ основательными и, напротивъ, въ примѣненіи устава 1884 года нашли полное подтвержденіе. Между тѣмъ, въ мотивахъ къ „проекту устава“ 1863 г. прямо говорилось: „Назначеніе исправл. должность на каѳедры есть *лазейка*, посредствомъ которой *обходится законъ*. Кому придетъ охота подвергаться испытаніямъ, печатать и защищать диссертаціи, когда безъ этихъ хлопотъ онъ можетъ пользоваться, подъ титуломъ испр. должность, мѣстомъ профессора, декана и даже ректора?“ (стр. 69). **Такъ въ дѣйствительности теперь и бываетъ.**

Отмѣна, безъ видимой необходимости (въ интересахъ лишь развитія приватъ-доцентуры) званія доцента внесла на первыхъ же порахъ большое замѣшательство въ преподаваніе и привела къ нарушенію самаго устава. Нѣкоторые изъ оставленныхъ за штатомъ доцентовъ покинули Университетъ, а пробѣлы, обнаружившіеся въ преподаваніи, пришлось пополнять порученіемъ таковаго приватъ-доцентамъ съ тѣмъ же доцентскимъ вознагражденіемъ (1200 руб.), причемъ приватъ-доцентами часто назначались уже лица, не имѣющія установленнаго уставомъ ценза: кандидаты (въ Кіевѣ), а затѣмъ и вовсе не имѣющіе ученой степени (въ Кіевѣ — славянинъ, съ учительскимъ свидѣтельствомъ). Идя дальше по этому пути, все чаще стали появляться испр. долж. экстраорд. профессора (въ Москвѣ даже кандидатъ Университета, вскорѣ, впрочемъ, оставившій службу) и затѣмъ ордин. профессора. Между тѣмъ, за все время дѣйствія устава 1863 г., не было ни одного подобнаго случая. Такимъ образомъ требованія ученой классификаціи повидимому теряли всякое значеніе, а этимъ наносился существенный

ущербъ всему ученому строю жизни Университетовъ. Съ уничтоженіемъ доцентуры, для которой требовалась лишь степень магистра, Университеты лишились весьма важнаго подспорья при замѣщеніи каѳедръ посредствомъ конкурса на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго [1]). По уставу 1863 г. на конкурсъ всегда могли явиться и магистры, съ правомъ занять должность штатнаго доцента; теперь же безусловно требовалась отъ конкуррентовъ степень доктора, каковыхъ часто не оказывалось, и, въ случаѣ незамѣщенія каѳедры, приходилось поручать преподаваніе на продолжительное время приватъ-доценту, иногда не имѣвшему степени магистра. Насколько Университеты, напротивъ, осторожно относились къ замѣщенію каѳедръ, видно изъ того, что даже предоставленною вполнѣ ихъ вѣдѣнію статьею (88-ю Устава 1884 г.), дающею факультетамъ право, за выдающуюся по своимъ достоинствамъ магистерскую диссертацію возводить автора ея прямо въ степень доктора, они пользовались весьма рѣдко.

Приватъ-доцентура, какъ тепличное у насъ растеніе, требовало большаго вниманія и поддержки, но этого на дѣлѣ не было. Полученіе званія приватъ-доцента по уставу 1884 г., съ одной стороны, было нѣсколько облегчено (§ 109), а съ другой затруднено, такъ какъ пріобрѣтеніе его кандидатами (съ уничтоженіемъ этой степени, ибо право окончанія по 1-му разряду не даетъ степени), посредствомъ защиты диссертаціи (pro venia legendi) и двухъ пробныхъ лекцій, было отмѣнено. И вотъ на первыхъ же порахъ создалось *два типа* приватъ-доцентовъ 1) несущихъ обязанности штатнаго преподавателя (собственно это тѣ же доценты) и 2) приватъ-доцентовъ, читающихъ на свой страхъ и получающихъ вознагражденіе въ видѣ гонорара. Званіе приватъ-доцента уже по своему названію предполагаетъ свободнаго преподавателя, къ чему, повидимому, и склонялся уставъ 1884 г. Оно пріобрѣтается въ факультетѣ и посредствомъ факультета (§§ 109 и 110); но уже на первыхъ порахъ въ Университетахъ появились приватъ-доценты *по назначенію*, съ опредѣленнымъ содержаніемъ и съ тѣми отступленіями по

[1]) Правда съ 1883 г. по 1894 г. число приватъ-доцентовъ поднялось съ 8 до 40, но изъ этого количества болѣе половины принадлежало къ медицинскому факультету и безъ того обезпеченному обиліемъ докторовъ медицины. Остальное количество распредѣлялось по другимъ факультетамъ, но большею частью состояло изъ лицъ, выдержавшихъ лишь экзаменъ на степень магистра и не представившихъ диссертацій (Унив. св. Владиміра въ цар. Имп. Александра III, 15—16).

квалификаціи, на которыя было указано выше. Такимъ образомъ и § 112, гласящій, что „приватъ-доценты получаютъ вознагражденіе изъ особо назначенной на этотъ предметъ штатной суммы, а размѣръ сего вознагражденія опредѣляется Министромъ Нар. Просв., на основаніи представленнаго ему, *черезъ Совѣтъ и Попечителя, ходатайства факультетскаго собранія*, или по представленію Попечителя, или по собственному усмотрѣнію Министра“, потерпѣлъ значительное ограниченіе, такъ какъ въ самомъ началѣ и долго спустя преобладалъ послѣдній способъ назначенія, отчасти второй и менѣе всего или почти вовсе не дѣйствовалъ первый. Понятно, что приватъ-доценты теряли всякую связь съ факультетомъ. Сумма, назначенная по штату на вознагражденіе приватъ-доцентовъ (60000 руб. на шесть Университетовъ), находилась всецѣло въ распоряженіи Министерства и къ отдѣльнымъ Университетамъ не была пріурочена, а потому большею частью приходилась на долю Петербургскаго Университета; что же касается приватъ-доцентовъ другихъ Университетовъ, то въ пользу нихъ назначались небольшія выдачи изъ остатковъ отъ личнаго состава. Такимъ обр., за удовлетвореніемъ приватъ-доцентовъ (крайне недостаточнымъ, почему всѣ эти лица несли на сторонѣ многія другія обязанности, даже административныя), замѣнившихъ собственно прежнихъ доцентовъ, на вознагражденіе, хотя бы отчасти, за трудъ болѣе выдающихся изъ прочихъ приватъ-доцентовъ (по принципу устава), ничего не оставалось. Конечно, въ ихъ пользу предоставлялся такъ наз. гонораръ, который могъ бы имѣть извѣстное значеніе, если бы духъ, а не буква, устава возобладалъ въ его примѣненіи. Но такъ наз. „свобода преподаванія и свобода слушанія“ — эти столпы новаго порядка, потерпѣли на практикѣ полное измѣненіе и, наконецъ, крушеніе, и флагъ, поднятый во имя ихъ, вскорѣ былъ спущенъ. Въ самомъ дѣлѣ: что можетъ быть общаго между дѣйствительной свободой слушанія относительно времени пребыванія, порядка выбора предметовъ и самыхъ испытаній въ нѣмецкихъ Университетахъ и строго-принудительной системой, вполнѣ утвердившейся у насъ съ устава 1884 г.?

Дѣло вотъ въ чемъ. Какъ извѣстно, уставомъ 1884 г. предлагается свобода записей на лекціи, но она обставлена (§§ 66, 71, 72, а въ циркулярныхъ распоряженіяхъ еще болѣе) такими требованіями относительно зачета числа семестровъ, практическихъ занятій и наблюденія со стороны декановъ, которыя при ограниченности преподавательнаго персонала, неминуемо вели къ избранію одного и единственнаго плана для слушателей. Предполагать, что,

при указанныхъ условіяхъ студенты могли бы рѣшиться, какъ бываетъ въ Германіи, слушать одного преподавателя въ Кіевѣ, а другого въ Москвѣ или Харьковѣ, было бы большимъ самообольщеніемъ. Препятствіемъ тому всегда будутъ служить недостаточность средствъ нашихъ студентовъ и неизмѣрныя разстоянія. Правда, номинально семестры были уничтожены, даже самое упоминаніе о нихъ въ росписаніяхъ строго воспрещалось, но они преблагополучно подразумѣвались въ спискахъ декановъ и факультетской практикѣ, такъ какъ иначе возникла бы еще большая путаница, пока не приказано было года два назадъ (по поводу росписанія лекцій на 1899—900 годъ) раскрыть эти таинственныя скобки и впредь обозначать въ росписаніи при названіи предмета и семестръ, на которомъ онъ читается. По крайней мѣрѣ это было откровенно; но этимъ самымъ принципъ свободы выбора предметовъ для слушанія навсегда былъ похороненъ. А такъ какъ студентамъ прекрасно извѣстно, къ какому семестру они принадлежатъ, то слѣдовало бы одновременно съ тѣмъ отмѣнить и записи на лекціи, на которыя уходитъ отъ 2 до 3 недѣль въ началѣ каждаго семестра, лишая, такимъ образомъ, лучшаго времени для чтенія лекцій. Записи эти сохраняются теперь только ради одного гонорара, ибо никакого практическаго значенія онѣ не имѣютъ. Уставъ 1884 г. въ общемъ видѣ полагаетъ, что если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ у того изъ означенныхъ преподавателей, у кого онъ самъ пожелаетъ (§§ 73). Понятно, что подобная постановка дѣла возможна была бы при обиліи ученыхъ силъ, чего на дѣлѣ не оказалось, и если были *немногіе* предметы съ двойнымъ числомъ преподавателей, то они такъ были подѣлены въ интересахъ спеціальнаго изученія, что думать о параллельныхъ курсахъ не приходилось. Притомъ, какая польза была бы отъ чтенія двухъ самыхъ краткихъ общихъ курсовъ, которые требовались для зачета семестровъ, если другія части предмета или научныя требованія могли бы отъ того потерпѣть? Иное дѣло — приватъ-доцентура; но здѣсь произошло нѣчто особенное. Параллельные курсы приватъ-доцентовъ по практическимъ наукамъ, которыхъ было большинство, поставлены въ зависимость отъ разрѣшенія пользоваться учебно-вспомогательными средствами, а эти послѣднія, при обиліи студентовъ на означенныхъ факультетахъ и крайней недостаточности въ своей обстановкѣ [1], могли быть пре-

[1]) Осенью 1900 г. въ газетахъ сообщалось, что въ Харьковѣ одинъ профессоръ, за недостаткомъ аудиторіи, читалъ лекцію въ бесѣдкѣ. Въ Кіев-

доставлены развѣ въ вечерніе часы, не особенно посѣщаемые слушателями. Что же касается лекцій теоретическихъ, то о нихъ уставъ выражается лишь въ общихъ словахъ (§ 73), а позднѣйшія разъясненія прямо говорятъ: „Факультеты принимаютъ мѣры, чтобы требованія эти были удовлетворены преподаваніемъ *штатныхъ преподавателей и тѣхъ приватъ-доцентовъ, кои преподаютъ по вакантнымъ каѳедрамъ или вообще по возложенному на нихъ порученію*" (Правила о приватъ-доцентахъ отъ 8 дек. 1885. № 18359; ср. Уставъ, стат. 64). Понятно, что для молодого ученаго представлялся большой рискъ открыть такой курсъ, при наличныхъ обязательныхъ преподавателяхъ, и имѣя въ перспективѣ лишь вознагражденіе въ видѣ гонорара отъ слушателей (тамъ же). Въ небольшихъ Университетахъ и на факультетахъ, имѣющихъ небольшое число слушателей, гонораръ не представляетъ достаточнаго вознагражденія, и вообще мы не знаемъ случая, чтобы приватъ-доценты вели курсы, параллельные съ профессорскими. Вѣроятно, такой способъ добыванія средствъ не въ обычаѣ русскихъ людей; но здѣсь необходимо принять во вниманіе и то, что большинству приватъ-доцентовъ приходится заботиться еще о двухъ диссертаціяхъ и не всегда онъ можетъ чувствовать себя достаточно подготовленнымъ для большого курса. Въ Германіи они всѣ уже имѣютъ степень доктора. Но если гонораръ мало гарантировалъ матеріальное обезпеченіе приватъ-доцентовъ, то и общее положеніе этого института нельзя признать удовлетворительнымъ. По общему смыслу гонораръ есть вознагражденіе, установленное на основаніи выполненія обязательныхъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ условій, безотносительно ко всякому внѣшнему вмѣшательству, и обязательство это строго блюдется въ нѣмецкихъ Университетахъ. Тамъ существуетъ обычай, что студентъ можетъ посѣтить въ началѣ курса лекціи профессора не свыше трехъ разъ и затѣмъ онъ обязанъ на нихъ записаться, если желаетъ слушать избранный курсъ, а многочисленные разсказы на эту тему показываютъ, какъ неумолимо преслѣдуются

скомъ Университетѣ, благодаря тому, что его зданіе построено съ роскошью николаевскихъ временъ, пришлось, съ увеличеніемъ числа студентовъ, приспособить для нѣкоторыхъ лабораторій и практическихъ предметовъ обширные коридоры; но зданіе отъ этого много потерпѣло. Въ то время какъ строятся обширные политехникумы со всѣми приспособленіями, университетскіе кабинеты и лабораторіи нуждаются въ самомъ необходимомъ. Еще недавно сообщалось о бѣдственномъ положеніи клиникъ въ Юрьевѣ (Спб. Вѣд. 1900 г. 13 марта) и хирургической клиники даже въ новомъ Университетѣ—Томскомъ. (Изв. Том. Унив. 1900, XVI, 28).

тамъ уклоненія отъ существующаго обычая. Но подобныя требованія не въ нашихъ правахъ. По этому случаю можно напомнить, что лекціи нѣкоторыхъ приватъ-доцентовъ въ Университетѣ Св. Владиміра пользовались полнымъ успѣхомъ (напр. аудиторіи по русской словесности и философіи вмѣщали иногда до 600 слушателей), а гонорарь за нихъ равнялся 3—6 рублямъ въ семестръ, и, наоборотъ, аудиторіи нѣкоторыхъ штатныхъ преподавателей, гонораръ которыхъ вдвое превышалъ ихъ казенное содержаніе, поражали малочисленностью слушателей. Поэтому, если приватъ-доцентъ на большомъ факультетѣ, какъ юридическій, читаетъ обязательный предметъ, то онъ можетъ быть увѣреннымъ, что его гонораръ вдвое или втрое превзойдетъ оффиціально присвоенное ему вознагражденіе по каѳедрѣ (т. е. 1200 р.); но если онъ читаетъ необязательный курсъ, то, въ случаѣ успѣха, какъ и прочіе его коллеги, онъ долженъ будетъ удовлетвориться блистательною аудиторіею, краснорѣчивыми похвалами въ городѣ и нѣсколькими рублями отъ слушателей, считавшихъ долгомъ записаться на его лекціи, чтобы онѣ состоялись. Можно вполнѣ мириться съ тѣмъ, если Ранке или Соловьеву, Гельмгольтцу или Вирхову назначено было бы содержаніе втрое больше противъ жалованья; можно спокойно смотрѣть, если старецъ, убѣленный сѣдинами, послѣ 30 лѣтъ службы, получаетъ извѣстную прибавку къ содержанію; но едва ли можно относиться равнодушно къ тому, что молодой человѣкъ, недавно оставившій скамью, можетъ быть такъ щедро вознаграждаемъ (считая вознагражденіе отъ казны въ 1200 р. и вдвое превышающій его гонораръ), *благодаря только обязательной* (такъ сказать, крѣпостной) *записи на его лекціи*, между тѣмъ какъ его товарищи, кромѣ нѣсколькихъ рублей гонорара, ничего не получали, не смотря даже на обширную аудиторію, свидѣтельствовавшую объ ихъ успѣхѣ, когда, по словамъ министерскаго циркуляра, онъ „подвергался весьма трудному искусу тѣмъ, что долженъ собрать аудиторію слушателей, безъ принужденія пришедшихъ и платящихъ (послѣдніе, какъ мы знаемъ почти всегда отсутствовали). Успѣхъ въ этомъ случаѣ, читаемъ далѣе, есть уже, нѣкоторымъ образомъ, *довольно надежная рекомендація*" (циркул. отъ 8 дек. 1885 г.). Безъ сомнѣнія, такихъ приватъ-доцентовъ и имѣла въ виду та статья университетскаго штата, въ которой говорится объ отпускѣ 60000 р. на вознагражденіе приватъ-доцентовъ; но сумма эта не была распредѣлена, сообразно нуждамъ каждаго Университета, а расходовалась, какъ мы знаемъ, преимущественно на С.-Петербургскій и отчасти Московскій Университеты; требованія же по этой статьѣ въ дру-

гихъ Университетахъ удовлетворялись изъ остатковъ отъ личнаго состава, часто весьма незначительныхъ и назначаемыхъ обыкновенно на дополнительное содержаніе профессоровъ, выслужившихъ 30 лѣтъ службы, а иногда даже на ремонтъ зданій, и только лишь съ 1898 г. изъ указаннаго выше источника Министерство стало отпускать въ Кіевскій Университетъ до 4000 р. на вознагражденіе приватъ-доцентовъ. Вознагражденіе же это не превышаетъ обыкновенно принятой по старой традиціи (потерявшей давно свой смыслъ) суммы въ 1200 р., но, спускаясь ниже, оно доходитъ и до 200 р. въ годъ, которые, пожалуй, могутъ удовлетворить любителя приватъ-доцентуры лишь при другихъ дополнительныхъ занятіяхъ, не говоря, конечно, о приватъ-доцентахъ медикахъ, называемыхъ на обыденномъ языкѣ часто профессорами, званіе которыхъ, какъ приватъ-доцентовъ, хотя совсѣмъ не оплачивается, но доставляетъ имъ „ключъ къ золотой практикѣ". Такимъ образомъ, поддерживать систему гонорара *изъ-за фикціи процвѣтанія будто-бы приватъ-доцентуры*, а въ сущности изъ-за благоденствія лишь нѣсколькихъ приватъ-доцентовъ, также не имѣетъ смысла, какъ и сохраненіе гонорарной системы вообще, давно почти единогласно осужденной, но продолжающей все еще существовать „наперекоръ стихіямъ". При этомъ заслуживаетъ вниманія, что во все время дѣйствія устава 1884 г. не было даже попытки сколько нибудь урегулировать распредѣленіе гонорара хотя бы примѣнительно къ 113 статьѣ, между тѣмъ, какъ при раздѣлѣ сбора за слушаніе лекцій по уставу 1863 г. въ Университетахъ практиковались записи о пропущенныхъ преподавателями лекціяхъ (по болѣзни или нахожденію въ отпуску и командировкѣ) и др. способы провѣрки. Счастливая же мысль графа Делянова (1897), рѣшившагося на отмѣну утратившаго въ самомъ началѣ raison d'être гонорара, къ сожалѣнію, была потомъ оставлена [1]).

[1]) Изъ вѣдомости о количествѣ гонорара, полученнаго приватъ-доцентами въ Университетѣ св. Владиміра, принадлежащемъ къ многолюднымъ, за послѣдніе два семестра, можно видѣть, что на историко-филологическомъ факультетѣ, онъ ограничивается нѣсколькими рублями (не свыше 7), на самомъ многолюдномъ — юридическомъ достигаетъ двухъ-трехъ десятковъ рублей (не свыше 28), а на медицинскомъ, на которомъ имѣютъ значеніе практическія занятія по нѣкоторымъ предметамъ, не поднимается свыше 67 руб. въ годъ, между тѣмъ, какъ гонораръ двухъ приватъ-доцентовъ того же факультета, лишь только имъ поручено было *обязательное преподаваніе*, по случаю оставленія каѳедры профессоромъ, поднялся до 300 руб. въъ годъ (299 и 312). Такимъ образомъ, ссылка на возможный упадокъ приватъ-доцентуры, въ случаѣ отмѣны гонорара, лишена всякаго значенія. Напротивъ, по отмѣнѣ

Отсюда ясно видно, что приватъ-доцентура, основанная исключительно на гонорарѣ, какъ поставлена она по уставу 1884 г., является институтомъ вполнѣ ненормальнымъ и лишеннымъ почвы. Но любопытнѣе всего то, что забота о введеніи гонорара возникла у насъ тогда, когда въ отечествѣ послѣдняго — Германіи готовы были приступить уже къ его отмѣнѣ и недавно дѣйствительно здѣсь гонораръ былъ значительно видоизмѣненъ, а въ Австріи и совсѣмъ отмѣненъ. Въ настоящее время у насъ продолжаетъ удерживать свое мѣсто не „гонорарій", неправильно усвоившій себѣ это названіе, а приплата къ содержанію преподавателя по количеству обязательныхъ слушателей, принадлежащихъ къ опредѣленнымъ семестрамъ.

Въ виду всего сказаннаго, Совѣтъ Университета Св. Владиміра пришелъ къ заключенію о необходимости возстановить званіе штатнаго доцента, существовавшее по уставу 1863 г. и столь важное въ интересахъ обезпеченія правильнаго замѣщенія каѳедръ, преподаванія вообще и значительно расширившихся научныхъ потребностей; а съ другой стороны, не ограничивать число приватъ-доцентовъ, а упорядочить положеніе таковыхъ, какъ института, вполнѣ заслуживающаго поддержки и дальнѣйшаго развитія. Выходя изъ этихъ основаній, *положеніе о штатныхъ доцентахъ* слѣдуетъ изложить въ такомъ видѣ:

1. Для полученія званія доцента надлежитъ имѣть, по крайней мѣрѣ, степень магистра (Уст. 1863, § 68). Ищущіе званія доцента, не извѣстные факультету своими преподавательскими способностями, должны прочесть публично, въ присутствіи факультета, двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію факультета (тамъ же § 69).

2. Избраніе доцентовъ производится, по представленію факультетовъ, въ Совѣтѣ Университета, посредствомъ баллотировки, на общихъ основаніяхъ.

его, изъ сбора за слушаніе лекцій всегда можетъ быть отчисленъ болѣе значительный процентъ на удовлетвореніе заслуживающихъ поощренія приватъ-доцентовъ, нежели тѣ крохи, которыя приходятся теперь на долю этихъ обдѣленныхъ волонтеровъ науки. Въ Германіи продолжительное время остаются приватъ-доцентами лица съ независимыми средствами, въ ожиданіи служебнаго повышенія, или несущія какія либо постороннія обязанности, доставляющія имъ доходъ.

3. Доценты, которымъ поручается преподаваніе предмета по вакантной каѳедрѣ, приглашаются въ засѣданія факультета съ правомъ голоса.

4. По выслугѣ двухъ лѣтъ въ званіи штатнаго доцента, таковые могутъ быть приглашаемы въ собранія факультета, по его опредѣленію, утвержденному Совѣтомъ, и въ такомъ случаѣ становятся полноправными его членами (Уст. 1863. § 10 и Журн. Совѣта Мин. Нар. Просв. 27 мар. 1870, № 43).

5. Число штатныхъ доцентовъ опредѣляется въ количествѣ: по историко-филол. факультету . по физ.-матем. ; по юридич. ; по медицинскому , а ближайшее ихъ назначеніе устанавливается факультетами и Совѣтомъ Университета и утверждается Министромъ.

6. Штатнымъ доцентамъ можетъ быть поручено завѣдываніе учебно-вспомогательными учрежденіями Университета.

7. Штатный доцентъ, пріобрѣвшій степень доктора и заявившій себя учеными трудами, а также преподавательскою дѣятельностью, въ случаѣ отсутствія вакансіи, по выслугѣ 10 лѣтъ, можетъ быть представленъ, по избраніи факультетомъ и Совѣтомъ Университета, къ повышенію въ званіе сверхштатнаго экстра-ординарнаго профессора, съ отнесеніемъ расхода на остатки отъ личнаго состава или на специальныя средства [1].

[1] По этому поводу можно указать на слѣд. предложеніе Министра Народ. Просв. отъ 24 янв. 1870 г. „*Признавая необходимымъ допустить въ Университетахъ званіе экстр. должность профессоровъ, въ видахъ удержанія на службѣ при Университетахъ доцентовъ*, труды которыхъ по преподаванію будутъ признаны вполнѣ полезными, а равно въ видахъ привлеченія къ профессурѣ магистровъ, снискавшихъ себѣ почетную извѣстность своими учеными трудами, Министерство рекомендуетъ предоставлять таковымъ доцентамъ и вообще магистрамъ, избраннымъ въ доценты, окладъ содержанія, по опредѣленію Совѣта Унив. съ разрѣшенія Попечителя учебн. окр., равный окладу содержанія экстра-орд. профессора (на осн. 103 § Уст. 1863 г.), изъ специальныхъ средствъ Университета“. Кромѣ того, предложеніемъ г. Министра отъ 13 дек. 1868 г. (Журн. Сов. Мин. Нар. Просв., № 36) допускалось, *не стѣсняясь утвержденными штатами, повышать достойныхъ экстра-ординарн.* профессоровъ въ ординарные *и доцентовъ*, раздѣляющихъ предметы общихъ каѳедръ съ профессорами и *оказавшихъ существенныя услуги наукѣ*, а также удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ для занятія профессорской каѳедры, повышать *въ званіе профессора въ томъ случаѣ, если въ факультетѣ открывается профессорская вакансія, но нѣтъ кандидатовъ для ея замѣщенія, или же, даже въ случаѣ если нѣтъ вакансіи, не останавливая повышенія доцентовъ*, производить имъ при таковомъ повышеніи добавочное содержаніе изъ специальныхъ средствъ Университета.

8. Доцентамъ полагается содержаніе въ размѣрѣ (не менѣе) 2000 р.

9. Число доцентовъ, въ штатѣ опредѣленное, можетъ быть увеличиваемо по мѣрѣ надобности и средствъ Университета (Уст. 1863, § 21).

10. Штатные доценты, пользующіеся правами членовъ факультета, могутъ быть избираемы въ секретари факультета.

Положеніе о приватъ-доцентахъ предполагается изложить такъ:

1. Приватъ-доцентами могутъ быть: a) лица, имѣющія высшія ученыя степени; b) профессоры высшихъ учебныхъ заведеній, а также лица, пріобрѣвшія извѣстность своими учеными трудами, по признаніи факультетомъ и Совѣтомъ; c) лица, выдержавшія испытаніе на степень магистра и d) наконецъ, окончившіе курсъ со степенью кандидата или со свидѣтельствомъ 1 разряда, изъ коихъ поименованные въ первыхъ двухъ пунктахъ, по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій, въ третьемъ, въ случаѣ не окажется печатныхъ трудовъ, по защитѣ диссертаціи (pro venia legendi) и прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій, а въ четвертомъ, по защитѣ диссертаціи (pro venia legendi) и прочтеніи двухъ лекцій: одной на тему по собственному избранію, а другой по назначенію факультета (Уст. 1884, § 109 и Уст. 1863, § 68). Выполнившіе означенныя требованія утверждаются въ званіи приватъ-доцента Совѣтомъ Университета.

2. Оцѣнка достоинствъ при полученіи званія приватъ-доцента, какъ въ факультетѣ, такъ и въ Совѣтѣ, должна быть производима посредствомъ гласнаго обсужденія, а не баллотировки (Высоч. повел. въ предлож. Попеч. К. Уч. окр. отъ 22 февр. 1869 за № 876).

3. Лица, пріобрѣвшія званіе приватъ-доцента и желающія преподавать въ Университетѣ, подаютъ прошеніе о томъ въ факультетъ, съ указаніемъ предмета, который они желаютъ читать.

4. Приватъ-доцентамъ не полагается опредѣленнаго штатомъ содержанія; но факультеты могутъ ходатайствовать въ концѣ каждаго семестра о вознагражденіи приватъ-доцентовъ, не несущихъ опредѣленныхъ обязанностей, однако заслуживающихъ поощренія, изъ особо назначенной на этотъ предметъ для каждаго Университета штатной суммы (ср. Уст. 1884, § 112). Кромѣ того, Совѣты Университетовъ могутъ, по представленіямъ факультетовъ, выдавать имъ изъ спеціальныхъ средствъ Университета, соразмѣрно ихъ трудамъ, вознагражденіе за исполненіе порученій, возложенныхъ факультетомъ. (Уст. 1863, § 74). Сумма эта можетъ быть выдѣляема и изъ сбора за слушаніе лекцій.

5. Привать-доцентамъ разрѣшается: свободный выборъ предметовъ для ихъ чтеній по утвержденнымъ факультетомъ программамъ; пользованіе кабинетами, лабораторіями, клиниками и др. учебными пособіями, по соглашенію съ лицами, ими завѣдывающими; участіе въ испытаніяхъ по порученію факультета; право на зачисленіе времени преподавательской ихъ должности, въ случаѣ поступленія ихъ на дѣйствительную службу, по одобреніи со стороны Университета, и въ выслугу срока на пенсію (Уст. 1863, § 75); по желающій воспользоваться означенными правами обязанъ представлять въ факультетъ отчетъ о прочитанныхъ въ каждомъ полугодіи лекціяхъ, удостовѣренный деканомъ факультета.

6. Обязанности привать-доцентовъ, принявшихъ на себя извѣстное порученіе отъ факультета, а равно и вознагражденіе за исполненіе онаго, опредѣляются добровольнымъ ихъ соглашеніемъ съ послѣднимъ и утверждаются Совѣтомъ (ср. Уст. 1863, § 82, примѣч.).

7. Въ случаѣ неимѣнія штатнаго преподавателя по каѳедрѣ, факультетъ можетъ поручить преподаваніе по оной привать-доценту на время не свыше одного года, съ вознагражденіемъ за чтеніе лекцій въ размѣрѣ половиннаго оклада по званію экстра-ординарнаго профессора, полагая этотъ послѣдній въ 4000 р. (или $4^1/_2$ т.).

8. Привать-доцентъ, пріобрѣвшій высшую ученую степень и заявившій себя преподавательскою дѣятельностью и учеными трудами, по исполненіи своихъ обязанностей въ теченіе 10 лѣтъ, въ случаѣ неимѣнія вакансіи, по избраніи факультетомъ и Совѣтомъ, можетъ быть представленъ къ утвержденію въ званіи доцента.

9. Привать-доцентъ, прекратившій чтеніе до окончанія полугодія, утрачиваетъ право на полученіе слѣдующаго ему вознагражденія; а не преподававшій безъ уважительныхъ причинъ въ теченіе года считается сложившимъ съ себя званіе (ср. Уст. 1884, § 113).

10. Отъ привать-доцентовъ, какъ не состоящихъ въ дѣйствительной службѣ, въ случаѣ прекращенія ими лекцій, требуется лишь заявленіе ректору, который сообщаетъ о томъ къ свѣдѣнію факультету и Совѣту (§ 77 Уст. 1863).

Докладъ VI-й.

9) Какія вообще мѣры должны быть приняты для правильнаго и успѣшнаго приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію?

Мѣры, необходимыя для приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію, обусловливаются и вытекаютъ изъ строя и задачъ университетской науки и жизни и неразрывно связаны съ живой университетской, т. е. профессорской коллегіей.

Университеты призваны служить наукѣ, какъ чистому, идеальному знанію. Будучи чуждой утилитарныхъ цѣлей и свободной по существу, университетская наука чужда опеки и сторонняго вмѣшательства. Единственнымъ, живымъ носителемъ ея догмы и ея задачъ является коллегія профессоровъ, подготовленныхъ научной работой и публичнымъ факультетскимъ признаніемъ ихъ правъ, послѣ экзаменовъ и диспутовъ, къ вполнѣ компетентной оцѣнкѣ и сужденію о научныхъ заслугахъ дѣятелей и питомцевъ Университета. Внѣ профессорской коллегіи нѣтъ другой, болѣе компетентной для сего среды. Отсюда слѣдуетъ, что только профессорской коллегіи принадлежитъ и право организаціи новыхъ *кадровъ* для приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію. Очевидно, что разъ гдѣ-либо, въ какой-либо странѣ, профессорская коллегія устранена отъ участія въ созиданіи и организаціи кадровъ молодыхъ ученыхъ, а историческій актъ академическаго „провозглашенія“ ученаго профессоромъ, докторомъ и даже профессорскимъ стипендіатомъ совершается не передъ лицомъ ученой коллегіи, а путемъ *назначенія*, помимо факультета, то этимъ колеблется и принципъ академической свободы науки и самая вѣра въ науку и довѣріе къ даваемымъ ею ученымъ степенямъ, но этимъ

же снимается и *отвѣтственность* съ профессоровъ за состоянiе ученыхъ кадровъ и даже за уровень науки въ странѣ.

Обращаясь къ разсмотрѣнiю фактическаго положенiя вопроса о профессорскихъ стипендiатахъ въ нашихъ Университетахъ, прежде всего необходимо констатировать тотъ печальный фактъ, что правильно организованнаго института профессорскихъ стипендiатовъ съ точными законоположенiями, при русскихъ Университетахъ не существуетъ, равно нѣтъ и надлежащихъ кадровъ профессорскихъ стипендiатовъ, за исключенiемъ отдѣльныхъ, малочисленныхъ единицъ, а самый вопросъ о профессорскихъ стипендiатахъ и организацiи этого института въ значительной мѣрѣ изъятъ изъ вѣдѣнiя факультетовъ и Совѣтовъ. Далѣе, главнымъ тормазомъ къ развитiю этого института является отсутствiе денежныхъ средствъ на его дѣло и точной регламентацiи, обусловливающихъ хаотическое состоянiе всего вопроса. Продолжаясь долгое время, отсутствiе Института профессорскихъ стипендiатовъ, какъ преемниковъ профессоровъ, неминуемо должно было привести къ замѣчаемому нынѣ печальному явленiю въ русскихъ Университетахъ большому дефициту въ кадрахъ молодыхъ ученыхъ, а порой и къ отсутствiю готовыхъ силъ для преемственной замѣны ихъ учителей и непрерывной поддержки научнаго знанiя. Подобное положенiе вопроса повело, въ связи съ общимъ строемъ университетской жизни, къ ряду другихъ печальныхъ послѣдствiй. Научный трудъ для многихъ талантливыхъ молодыхъ ученыхъ нынѣ превратился въ научный аскетизмъ, часто безъ надежды на лучшее будущее. Посему и университетскiе кабинеты и лабораторiи значительно опустѣли, а научная работа въ нихъ увяла. Многiе способные ученые работники покидаютъ нынѣ Университеты, находя себѣ на другихъ практическихъ поприщахъ лучшее обезпеченiе и жизнь. Посему и научныя силы Россiи и понынѣ все еще малочисленны, по сравненiю съ странами Запада; необходимой полноты преподаванiя наукъ Universitas litterarum въ нашихъ провинцiальныхъ Университетахъ не имѣется; научная мысль развита слабо; научная литература въ зародышѣ, въ Россiи есть крупныя ученыя единицы, но нѣтъ научныхъ школъ. Продолженiе нынѣшняго состоянiя науки не можетъ отразиться благопрiятно на культурѣ страны.

Посему нынѣ, вопросъ о приготовленiи молодыхъ людей къ профессорскому званiю настоятельно требуетъ уже, на ряду съ реформой другихъ сторонъ университетской жизни, тщательнаго разсмотрѣнiя и неотложныхъ мѣръ для его исправленiя и надлежащей постановки.

Обращаясь для иллюстраціи положенія разбираемаго вопроса къ историческимъ справкамъ, видно, что уже по уст. 1863 г., въ виду увеличенія кафедръ, возникъ вопросъ и объ увеличеніи кадровъ кандидатовъ, пригодныхъ на вновь выдѣленныя, самостоятельныя кафедры. Посему 10-го марта 1863 г., по Высочайшему повелѣнію, въ распоряженіе Мин. Народн. Просвѣщенія предоставленъ былъ значительный кредитъ, въ 100000 рублей, на посылку молодыхъ людей за границу. Кредитъ этотъ былъ израсходованъ въ этомъ смыслѣ и принесъ свои результаты. Но это была хотя и благотворная, но временная мѣра. Потребность же въ профессорскихъ стипендіатахъ была постоянною. Посему Университеты изыскивали средства для ея удовлетворенія. Иниціатива принадлежала здѣсь Университету св. Владиміра, назначившему сумму въ 3200 р. изъ специальныхъ средствъ, на содержаніе 8-ми стипендіатовъ, по 400 р. на каждаго. Совѣты другихъ Университетовъ ходатайствовали также о назначеніи суммъ на стипендіатовъ. Исторія и перипетіи этихъ ходатайствъ, по отношенію къ Университету св. Владиміра, изложены подробно въ докладѣ избранной Совѣтомъ Университета коммиссіи, подъ председательствомъ г. ректора, доложенномъ Совѣту въ мартѣ 1867 года. Ходатайства Совѣтовъ университетскихъ были разсмотрѣны Совѣтомъ Министра Народнаго Просвѣщенія и объединены въ видѣ „положенія о стипендіахъ окончившихъ курсъ молодыхъ людей, оставляемыхъ при Университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію" (въ 1868 г. 16 августа). По этому положенію, отъ стипендіальныхъ студенческихъ суммъ Университетовъ: С.-Петербургскаго, Харьковскаго и Кіевскаго были отдѣлены по 6000 р. отъ каждаго, т. е. по 10 стипендій, по 600 р. въ годъ, при каждомъ Университетѣ. Съ 1868 по 1884 годъ стипендіаты для приготовленія къ профессорскому званію назначались самими Университетами и содержались на средства, переданныя въ распоряженіе Университетовъ. Передъ введеніемъ устава 1884 года, а именно 21-го мая 1884 года, г. министръ Народнаго Просвѣщенія оставилъ за собою право окончательнаго рѣшенія о каждомъ кандидатѣ въ профессорскіе стипендіаты, а затѣмъ, при новомъ уставѣ 1884 года, означенная сумма въ 6000 рублей на профессорскихъ стипендіатовъ осталась въ распоряженіи Министерства. Положеніе это вскорѣ вызвало нежелательныя послѣдствія, въ видѣ неравномѣрнаго расходованія за 10 лѣтъ означеннаго кредита по Университетамъ. Такъ, напримѣръ, съ 1888 по 1898 гг., на содержаніе стипендіатовъ изъ Министерства въ Университетъ св. Владиміра было отпущено 23816 р., т. е. около

2400 р. въ годъ, или по 4 стипендіи, тогда какъ раньше было 10 стипендій и всѣ были заняты. По отношенію къ числу студентовъ получились еще болѣе поучительныя цифры. Такъ, въ 1868 году, при 10-ти стипендіяхъ, въ Университетѣ св. Владиміра, студентовъ состояло 563, въ 1884 году 1709, а въ настоящее время 2400 человѣкъ. Говоря иначе, въ 1863 году 1 профессорская стипендія приходилась на 56 студентовъ; въ 1884 году 1:170 и въ 1901 году 1:240 студентовъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что число студентовъ возросло до 2400 человѣкъ, число профессорскихъ стипендій на практикѣ не только не увеличилось, но за послѣднее десятилѣтіе даже сократилось болѣе, чѣмъ въ 2 раза.

Понятно изъ вышеизложеннаго, почему, не смотря на увеличеніе числа студентовъ, въ ученыхъ кандидатахъ замѣчается нынѣ оскудѣніе. Не находя матеріальной поддержки и опредѣленныхъ законоположеній въ Университетахъ, эта талантливая молодежь теряется для науки, уходя изъ Университетовъ на другую практическую дѣятельность. Да и самый профессорскій составъ, съ уставомъ 1884 г. и 30-ти лѣтней нормой службы, мѣняется нынѣ быстрѣе, чѣмъ при уставѣ 1863 года, а вслѣдствіе быстраго развитія наукъ и ихъ спеціализаціи этотъ составъ нуждается въ постоянномъ восполненіи различными спеціалистами.

Еще болѣе нуждаются въ ученыхъ спеціалистахъ многочисленныя учебно-вспомогательныя учрежденія, особенно на многолюдныхъ факультетахъ, гдѣ профессора оказываются не въ состояніи вести правильно преподаваніе и особенно практическія занятія, столь важныя въ системѣ университетскаго образованія, если имъ не будутъ помогать хорошо подготовленные ассистенты и притомъ—въ соотвѣтственномъ количествѣ.

Единственнымъ факультетомъ, легче удовлетворяющимъ свои научныя потребности, является медицинскій, но кандидатами въ профессоры здѣсь являлись до послѣдняго времени, главнымъ образомъ, профессорскіе стипендіаты Медицинской Академіи, гдѣ дѣло подготовленія къ полученію высшей ученой степени давно уже получило широкую и вполнѣ правильную постановку. Оно основано здѣсь всецѣло на избраніи профессорской коллегіей изъ наилучше окончившихъ курсъ питомцевъ Академіи, *по конкурсу*, группы врачей профессорскихъ стипендіатовъ. Начало конкурса проведено строго систематически и черезъ всю дальнѣйшую жизнь и дѣятельность оставленныхъ стипендіатовъ. Оно принесло столь благіе результаты для развитія медицинской науки въ Россіи и въ свое время

столь много способствовало расцвѣту и блеску Медицинской Академіи, что заслуживаетъ здѣсь особеннаго вниманія и примѣненія въ той или иной формѣ, въ формѣ-ли конкурса, или же факультетскаго избранія—и въ Университетахъ.

Еще 21 мая 1858 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе „о мѣрахъ къ высшему образованію медиковъ, оканчивающихъ курсъ въ Медико-Хирургической Академіи". На основаніи сего, былъ организованъ при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, особый Врачебный институтъ, въ коемъ лучшіе изъ окончившихъ курсъ медиковъ, т. е. получившіе $^2/_3$ в. удовлетворительныхъ отмѣтокъ, оставлялись *по конкурсу* при Академіи, на 3 года, „для усовершенствованія". Число ихъ опредѣлено 10; если въ одинъ годъ ихъ менѣе 10-ти, то въ другой болѣе, но въ общемъ оно не должно превышать 30-ти. Оставленные въ профессорскомъ институтѣ имѣютъ право сами избрать какую-либо спеціальность; къ концу 2-го года они должны сдать экзаменъ на д-ра медицины, а къ концу 3-го защитить диссертацію на д-ра медицины. Трое лучшихъ стипендіатовъ командируются затѣмъ, снова по конкурсу, за границу, „для усовершенствованія" на 2 года (за границей находится ежегодно не болѣе 6-ти). Это основное положеніе дѣйствуетъ съ тѣхъ поръ, безъ перемѣны вносясь во всѣ уставы Академіи, между прочимъ и въ § 11-й Военно-Медицинской Академіи, съ небольшою поправкою, а именно: наряду съ казенными стипендіатами во Врачебный институтъ допускаются нынѣ и своекоштные, въ количествѣ 3-хъ человѣкъ, съ правомъ конкуррировать на заграничную командировку, съ содержаніемъ отъ казны.

Благодаря учрежденію профессорскаго института, Медицинская Академія располагаетъ огромнымъ количествомъ спеціалистовъ приватъ-доцентовъ, лучшіе изъ которыхъ получаютъ затѣмъ въ ней и въ Университетахъ вакантныя каѳедры. Профессорскій институтъ Медицинской Академіи далъ Россіи плеяду выдающихся профессоровъ-медиковъ. Достаточно здѣсь назвать имена Боткина, Богдановскаго, Руднева, Юнге, Пашутина, Павлова въ Академіи, Виноградова, Левашева, Феноменова въ Казани, Лашкевича въ Харьковѣ, Покровскаго и Иванова въ Кіевѣ, Стольникова и Лукьянова – въ Варшавѣ и др.

Такимъ образомъ, если сравнить положеніе вопроса о профессорскихъ стипендіатахъ въ Медицинской Академіи и въ Университетахъ, то окажется, что насколько блестяще, основательно и глубоко обдуманно поставленъ этотъ вопросъ въ Академіи, настолько же неудовлетворительно поставленъ онъ и мало разрабо-

таинъ въ Университетахъ. Въ послѣднихъ нѣтъ даже единаго законоположенія о профессорскихъ стипендіатахъ.

Существующее нынѣ въ Университетахъ количество стипендій должно быть признано крайне недостаточнымъ. Въ Военно-Медицинской Академіи, составляющей въ сущности одинъ факультетъ, съ 750 слушателями, ежегодно оставляется 10 врачей „для усовершенствованія", т. е. здѣсь имѣется 1 стипендія на 75 студентовъ — отношеніе, какового не имѣетъ ни одинъ Университетъ. въ Академіи стипендіаты оставляются на 3 года; въ Университетахъ на 2; въ Академіи они получаютъ 1200 р. жалованья; въ Университетахъ же 600 р. въ годъ; Академія командируетъ затѣмъ стипендіатовъ на 2 года за границу съ содержаніемъ въ 2000 р. въ годъ; въ Университетахъ же вовсе почти нѣтъ постоянныхъ суммъ на заграничныя командировки стипендіатовъ и если изрѣдка и являются на помощь министерскія суммы, то и тогда Университетъ можетъ командировать кандидата лишь на 1 годъ съ содержаніемъ отъ 700 до 1500 р. въ годъ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что необходимо уравнять Университеты, въ вопросѣ о приготовленіи молодыхъ людей къ профессорскому званію, съ Военно-Медицинскою Академіею, какъ въ числѣ казенныхъ стипендій, такъ и во времени стипендіатства, заграничныхъ командировокъ, а равно и въ денежномъ содержаніи.

Необходимо увеличить въ Университетахъ число профессорскихъ стипендій, доведя общее ихъ количество, по крайней мѣрѣ, до 24, т. е. по 6-ти на факультетъ; при чемъ стипендіи, оставшіяся вакантными на какомъ-либо факультетѣ, могутъ быть временно передаваемы другому, болѣе богатому кандидатами.

Какой-бы кредитъ ни былъ отпущенъ, онъ весь долженъ быть причисленъ къ суммамъ Университета и находиться въ распоряженіи факультетовъ и Совѣтовъ Университетовъ.

Правда, съ увеличеніемъ числа лицъ, оставленныхъ при Университетѣ, неизбѣжно возрастетъ и число такихъ лицъ, которые почему-либо не будутъ въ состояніи довести до конца выпавшую имъ задачу. Но и этотъ, такъ сказать, „бракъ", по отношенію къ Университету, в. цѣненъ въ жизни. Бывшіе профессорскіе стипендіаты, хотя бы они и не получили ученой степени, благодаря серьезнымъ научнымъ занятіямъ при Университетѣ, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, оказываются лучшими учителями, врачами, юристами. Посему

и въ этомъ случаѣ расходъ этотъ нельзя назвать непроизводительнымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотритъ на это Военное Вѣдомство, которое, оставляя ежегодно при Военно-Медицинской Академіи 10 врачей, на 3 года, предполагаетъ заранѣе, что не болѣе 3-хъ изъ нихъ окажутся пригодными къ посылкѣ за границу, для дальнѣйшаго усовершенствованія и приготовленія къ профессурѣ.

Что касается самаго способа избранія стипендіатовъ, то здѣсь необходимо нотировать слѣдующее:

Система *конкурса*, давшая столь блестящіе результаты въ Медицинской Академіи, конечно вполнѣ примѣнима на многочисленныхъ факультетахъ съ однородными по содержанію науками, каковы медицинскій и юридическій. Однако, въ виду разнородности наукъ на нѣкоторыхъ факультетахъ и малолюдства послѣднихъ, необходимо, чтобы система конкурса была проведена въ жизни здѣсь съ необходимыми видоизмѣненіями. При системѣ этой необходимо, чтобъ на конкурсъ являлось достаточное число лицъ, имѣющихъ надлежащую подготовку, а такъ какъ, на нѣкоторыхъ факультетахъ, конкуррировать будутъ лишь единичныя личности, то здѣсь придется замѣнить конкурсъ *избраніемъ* въ факультетѣ; сверхъ-того слѣдовало-бы предоставить право выступать на соисканіе стипендіатства передъ факультетскимъ собраніемъ каждому, окончившему курсъ съ дипломомъ 1-ой степени, со степенью кандидата cum eximia laude и т. д.

Дальнѣйшія мѣропріятія въ вопросѣ о приготовленіи молодыхъ людей къ профессорскому званію могутъ быть сведены къ слѣдующему:

Стипендіаты оставляются при Университетѣ на 3 года. Сумма стипендіи должна быть отъ 1000 до 1200 р. въ годъ и во всякомъ случаѣ не менѣе 1000 рублей въ годъ. Избранный факультетомъ стипендіатъ пользуется свободой выбора спеціальности по его факультету. Совмѣстительство, во время стипендіатства, въ принципѣ нежелательно и допускается лишь въ видѣ особаго исключенія, причемъ всякій разъ съ разрѣшенія факультета. Университетъ заботится о стипендіатахъ, назначая изъ среды своей руководителемъ ихъ одного изъ профессоровъ. Руководители пекутся о всѣхъ научныхъ нуждахъ стипендіатовъ, являясь защитниками ихъ интересовъ въ факультетахъ. Если стипендіатъ, къ концу 3-го года, успѣетъ сдать магистерское или докторское испытаніе и представить диссертацію, то лучшіе изъ докторовъ медицины, магистровъ, а если есть вакансіи то изъ магистрантовъ, заявившіе себя выдающимися знаніями въ своей спеціальности и знающіе 2 иностран-

ныхъ языка, могутъ быть командируемы Совѣтами Университетовъ, по представленію факультетовъ, на 2 года за границу, съ содержаніемъ отъ 1800 р. до 2000 р. въ годъ. Желательно, чтобы Университеты могли ежегодно представлять къ заграничной командировкѣ по 8-ми кандидатовъ т. е. по 2 кандидата отъ факультета. Ассигнованныя на заграничныя командировки суммы должны быть включены въ число средствъ, поступающихъ въ распоряженіе Университетовъ. Разумѣется и при посылкѣ за границу должна быть допускаема командировка 3-хъ магистровъ, или магистрантовъ и д-ровъ медицины, съ одного факультета, если на другомъ въ тотъ годъ не окажется своего достойнаго кандидата. Профессорскіе стипендіаты и командированные за границу представляютъ факультету 1 разъ въ годъ отчеты о своихъ занятіяхъ наукой. Возвращающіеся изъ-за границы профессорскіе стипендіаты находятся подъ особымъ покровительствомъ факультетовъ, при пользованіи научными пособіями и др. Желательно, чтобы для поддержки ихъ первое время (въ теченіе напр., одного года), по возвращеніи изъ-за границы, была ассигнована извѣстная годовая сумма, въ количествѣ не менѣе 1000—1200 рублей на каждаго, т. е. не менѣе суммы содержанія, получавшагося стипендіатомъ до его заграничной командировки. Факультеты могутъ привлекать такихъ стипендіатовъ, въ качествѣ приватъ-доцентовъ, къ чтенію спеціальныхъ отдѣловъ и даже общихъ курсовъ въ случаѣ болѣзни, командировки, или отсутствія штатнаго преподавателя, а равно поручать имъ веденіе практическихъ занятій и работъ со студентами. Таковыя лица могутъ получать вознагражденіе, по ходатайству факультетовъ, изъ особыхъ суммъ.

Резюмируя вышеизложенныя соображенія, можно свести ихъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Необходимо учредить при Университетахъ институтъ профессорскихъ стипендіатовъ съ точно регламентированными законоположеніями, подобно институту врачей „для усовершенствованія" въ Военно-Медицинской Академіи.

2) Этотъ институтъ долженъ быть основанъ на выборномъ началѣ кандидатовъ въ факультетѣ.

3) Необходимо ассигновать на сей предметъ Университетамъ штатныя денежныя средства.

Съ проведеніемъ въ жизнь означенныхъ мѣропріятій не замедлятъ обнаружиться и благопріятныя послѣдствія. Интересъ къ наукѣ и ея изученію среди молодежи повысится, стимулы къ

научной работѣ увеличатся; явятся новыя, невидимыя и прочныя связи между учениками и учителями; поднимется пошатнутый авторитетъ профессорской коллегіи; исчезнетъ чуждый Университету духъ карьеризма и искательствъ научныхъ мѣстъ; за годы научнаго труда въ лабораторіяхъ и библіотекахъ будетъ созидаться и крѣпнуть стойкій, благородный характеръ, самостоятельные научные взгляды и зрѣть надлежащій типъ истиннаго ученаго.

Докладъ VII-й.

10) Какія мѣры могли-бы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровень получаемаго ими университетскаго образованія?

При разрѣшеніи вопроса о томъ, «*Какія мѣры могли бы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровень получаемаго ими университетскаго образованія*», необходимо выяснить основныя причины того, къ сожалѣнію весьма распространеннаго, явленія, что значительное большинство студентовъ, во время прохожденія университетскаго курса, слабо занимается, а съ другой стороны, и при усердныхъ занятіяхъ, научается немногому. Такое положеніе дѣла сознается, какъ профессорами, такъ и самими студентами, изъ которыхъ многіе относятся къ нему съ глубокимъ сожалѣніемъ, въ особенности на старшихъ курсахъ, и по окончаніи университета. Оно наглядно доказывается значительною пустотою университетскихъ аудиторій, посѣщаемыхъ студентами далеко не усердно, и обнаруживается какъ въ результатахъ курсовыхъ испытаній, такъ и въ результатахъ экзаменовъ государственныхъ коммиссій. Въ этомъ отношеніи важенъ не только высокій процентъ студентовъ, неявившихся и невыдержавшихъ экзаменъ, но и та снисходительность требованій со сторонъ экзаменаторовъ, къ которой приходится прибѣгать по отношенію къ значительному числу экзаменующихся, что, между прочимъ, составляло не малую заботу и большинства предсѣдателей экзаменаціонныхъ коммиссій.

Обращаясь къ выясненію причинъ слабыхъ занятій студентовъ въ университетѣ, прежде всего нужно, хотя вкратцѣ, указать на ту роль, какую играетъ въ этомъ отношеніи средняя школа. Эта школа, въ томъ

видѣ, въ какомъ она существовала въ послѣднія 30 лѣтъ, плохо подготовляла своихъ питомцевъ для прохожденія университетскаго курса. Не касаясь здѣсь гимназическихъ программъ, въ настоящее время рѣшительно перерабатываемыхъ, необходимо имѣть въ виду, что нынѣшняя система гимназическаго преподаванія, основанная главнымъ образомъ на внѣ-классныхъ занятіяхъ, приводитъ къ чрезвычайно пассивному усвоенію задаваемыхъ уроковъ, большею частью при помощи очень плохихъ учебниковъ и подстрочниковъ, къ огромному распространенію репетиторства и къ болѣе тѣмъ равнодушному, граничащему съ отвращеніемъ, отношенію гимназиста къ занятіямъ. Такая система, примѣняемая въ теченіе долгаго, часто десятилѣтняго, періода гимназическаго обученія дѣлала то, что лица, оканчивающія гимназію и поступающія въ Университетъ, часто обнаруживаютъ слабое общее развитіе и очень малую способность къ самостоятельнымъ занятіямъ при прохожденіи университетскаго курса. Кромѣ того, почти всѣ бывшіе гимназисты не владѣютъ ни однимъ изъ иностранныхъ новыхъ языковъ, безъ чего удовлетворительное прохожденіе университетскаго курса представляется крайне затруднительнымъ, такъ что нѣкоторые изъ болѣе усердныхъ студентовъ на первомъ, второмъ или даже третьемъ курсѣ принимаются за изученіе нѣмецкаго или французскаго языка и, такимъ образомъ, теряютъ массу времени на работу, которая должна была-бы быть сдѣлана въ гимназіи; но огромное большинство по необходимости ограничивается пособіями на русскомъ языкѣ, иногда весьма недостаточными и неудовлетворительными.

Но какъ бы ни была виновата средняя школа въ плохой подготовкѣ молодыхъ людей къ успѣшному прохожденію университетскаго курса, неудовлетворительная постановка учебной части въ нашихъ университетахъ оказываетъ въ этомъ отношеніи также огромное вліяніе. Прежде всего необходимо указать на слѣдующее: какъ извѣстно, введенная по уставу 1884 года семестральная система преподаванія съ повѣрочными испытаніями въ концѣ каждаго полугодія для зачета ихъ, потерпѣла полную неудачу при практическомъ ея осуществленіи, и Министерство Народнаго Просвѣщенія должно было прибѣгнуть къ возстановленію по нѣкоторымъ предметамъ курсовыхъ экзаменовъ съ перваго курса на второй, со второго на третій и даже съ третьяго на четвертый; между тѣмъ учебные планы остались почти въ неизмѣненномъ видѣ и въ результатѣ получилось, что студентъ въ настоящее время обязанъ посѣщать массу теоретическихъ лекцій, число

которыхъ, благодаря, между прочимъ, системѣ профессорскаго гонорара, весьма разрослось, въ особенности на младшихъ курсахъ. Участвовать въ практическихъ занятіяхъ и подготовляться къ экзаменамъ, иногда весьма серьезнымъ, для перехода на слѣдующій курсъ. Но даже очень усердный и матеріально обезпеченный студентъ добросовѣстно выполнять такихъ требованій бываетъ не въ состояніи. Огромное-же большинство студентовъ ограничивается посѣщеніемъ только тѣхъ лекцій, по которымъ предстоитъ экзаменъ въ ближайшемъ будущемъ, все-же остальное по возможности совершенно игнорируется вплоть до наступленія срока государственныхъ экзаменовъ, приготовленіе къ которымъ достигается спѣшнымъ усвоеніемъ приспособленныхъ для сей цѣли краткихъ учебниковъ въ продолженіе 3—4-хъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ малоуспѣшное прохожденіе студентами курса отчасти зависитъ отъ неудачной постановки учебныхъ плановъ и экзаменовъ, явившейся совершенно случайно при примѣненіи у насъ семестральной системы преподаванія. Но еще болѣе важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ та многопредметность, которая одолѣваетъ студентовъ при прохожденіи ими университетскаго курса: какъ-бы ни распредѣлялись предметы и экзамены даннаго факультета, но студентъ не въ состояніи усвоить всѣ предметы въ одинаковой степени сколько-нибудь основательно и, въ концѣ концовъ, существующая многопредметность приводитъ къ фиктивному прохожденію курса, при которомъ студентъ, и хорошо выполнившій экзаменаціонныя требованія, выноситъ изъ Университета крайне поверхностныя знанія. Основа успѣшнаго прохожденія университетскаго курса заключается въ развитіи самодѣятельности у студентовъ: каждый изъ профессоровъ можетъ наблюдать, насколько студентъ измѣняетъ свои отношенія къ занятіямъ, если онъ, хотя въ незначительной степени, является активнымъ и самостоятельнымъ работникомъ въ опредѣленной отрасли знанія, если онъ при разрѣшеніи удачно выбранной темы или при выполненіи экспериментальной работы начинаетъ знакомиться съ пріемами разработки, съ методами изслѣдованія и литературой изучаемаго вопроса. Основная задача университетскаго преподаванія состоитъ не въ томъ, чтобы научить студента всѣмъ наукамъ даннаго факультета, а въ томъ, чтобы научить его, какъ учиться этимъ наукамъ. Нельзя знать всего, но можно знать, какъ научиться всему. Но это возможно только въ томъ случаѣ, если преподаваніе на нашихъ факультетахъ не будетъ такъ энциклопедично, какъ въ настоящее время, если будетъ произведено раздѣленіе факультетовъ юридическаго,

историко-филологическаго, естественнаго и математическаго (за исключеніемъ медицинскаго, на которомъ такое раздѣленіе представляетъ значительныя затрудненія) на достаточное число отдѣленій, по усмотрѣнію факультетскихъ собраній, съ такою группировкою предметовъ, чтобы студентъ, хотя-бы послѣдніе два года пребыванія своего въ Университетѣ, могъ заниматься преимущественно двумя или тремя предметами, по которымъ онъ и долженъ сдавать главный экзаменъ при окончаніи Университета. Конечно разработка вопросовъ о раздѣленіи факультетовъ на отдѣленія, составленіе соотвѣтствующихъ учебныхъ плановъ, распредѣленіе экзаменовъ, также какъ и утвержденіе программъ преподаванія, должны быть предоставлены вполнѣ компетенціи факультетовъ, самостоятельность которыхъ по отношенію къ организаціи учебной части должна быть непремѣнно возстановлена, такъ какъ факультеты представляются учрежденіями не только наиболѣе компетентными въ этомъ отношеніи, но и такими, для которыхъ тѣ или другіе недостатки преподаванія выясняются наиболѣе быстро и потому своевременно могутъ быть устранены. Совѣтъ Университета Св. Владиміра въ докладѣ коммиссіи, избранной имъ 24-го сентября 1899 года, уже имѣлъ случай ходатайствовать объ этомъ, указывая что «рядомъ распоряженій министерства, послѣдовавшихъ за введеніемъ устава 1884 года была установлена строгая регламентація учебной дѣятельности факультетовъ». «Не говоря уже о томъ, что росписаніе лекцій восходитъ на утвержденіе министерства, нельзя не указать на то, что факультеты далеко не пользуются въ желательной мѣрѣ свободой и иниціативой въ организаціи учебнаго дѣла. Ихъ дѣятельность стѣснена съ одной стороны существующей группировкой предметовъ, выключившей изъ числа предметовъ обязательныхъ нѣкоторыя важныя отрасли знанія, а съ другой стороны предписанными имъ программами окончательныхъ испытаній. Хотя въ прежнее время министерствомъ и было разъяснено, что изданныя имъ программы экзаменовъ «отнюдь не суть» программы преподаванія, однако въ послѣднее время былъ изданъ и повторенъ циркуляръ, коимъ было вмѣнено каждому профессору въ обязанность заявлять въ концѣ учебнаго года декану своего факультета о томъ, какіе отдѣлы программы экзамена имъ не были прочитаны въ курсѣ, для представленія сводныхъ свѣдѣній этого рода предсѣдателю экзаменаціонной коммиссіи. Такимъ образомъ, программы экзаменовъ были обращены въ программы преподаванія или по крайней мѣрѣ обнаруживаютъ къ этому очевидную наклонность. Но такъ какъ программа, если только

она не состоитъ изъ самыхъ общихъ рубрикъ, намѣчающихъ область данной науки, можетъ заключать въ себѣ элементы субъективныхъ воззрѣній ея составителя и всегда подвергается опасности устарѣть, то она легко можетъ оказаться весьма серьезнымъ препятствіемъ къ согласной съ научными требованіями постановкѣ преподаванія.

Важнымъ условіемъ успѣшнаго прохожденія студентами университетскаго курса является нормальная постановка практическихъ занятій въ особенности по предметамъ избранной студентомъ спеціальности, такъ какъ эти занятія служатъ прекраснымъ средствомъ для развитія у студентовъ самостоятельнаго отношенія къ изучаемому предмету. Но такая постановка въ настоящее время часто совершенно невозможна въ виду недостаточности матеріальныхъ средствъ. Лабораторіи, кабинеты, анатомическіе театры, клиники, библіотеки и другія учрежденія, назначенныя для практическихъ занятій студентовъ, находятся въ настоящее время въ весьма неудовлетворительномъ состояніи въ отношеніи помѣщеній, обстановки и малочисленности состава лицъ, служащихъ при сихъ учрежденіяхъ. Учрежденія эти часто расположены въ тѣсныхъ и неудобныхъ помѣщеніяхъ, то случайно и плохо приспособленныхъ, то выстроенныхъ очень давно, безъ всякихъ новѣйшихъ усовершенствованій, что дѣлаетъ занятія въ нихъ крайне неудобными. Очень часто эти учрежденія являются весьма бѣдно обставленными и не имѣютъ самыхъ необходимыхъ приборовъ, матеріаловъ и пособій, или имѣютъ ихъ въ столь ограниченномъ количествѣ, что студентамъ, желающимъ заниматься, безпрестанно приходится отказывать то въ одномъ, то въ другомъ или заставлять ихъ ожидать своей очереди иногда въ теченіе продолжительнаго времени и такимъ образомъ лишать ихъ возможности ознакомиться даже съ самыми существенными сторонами преподаваемаго предмета. Штатныя суммы, ассигнованныя на содержаніе этихъ учрежденій около сорока лѣтъ тому назадъ, совершенно не соотвѣтствуютъ современнымъ потребностямъ и должны быть въ настоящее время увеличены по меньшей мѣрѣ въ три раза, какъ это видно, напримѣръ, изъ соотвѣтствующихъ представленій физико-математическаго факультета Университета Св. Владиміра. Но кромѣ того должны быть отпущены и единовременныя суммы какъ для расширенія и улучшенія существующихъ учрежденій, такъ и для созданія новыхъ. Вообще въ этомъ отношеніи университеты находились и находятся въ положеніи, требующемъ коренного измѣненія. Въ настоящее время представленія профессоровъ соотвѣтствующихъ каѳедръ о необходимости тѣхъ или

другихъ улучшеній въ учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ, подтвержденныя постановленіями факультетовъ, казалось-бы вполнѣ авторитетными, остаются неудовлетворенными на долгіе годы; мало того, эти представленія иногда разсматриваются, какъ преувеличенныя, что конечно въ значительной степени отбиваетъ охоту у профессоровъ и факультетовъ входить съ повтореніемъ своихъ просьбъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, такое отношеніе къ ходатайствамъ факультетовъ приводитъ къ тому, что какъ демонстративная сторона лекцій, такъ и въ особенности практическія занятія студентовъ остаются въ прежнемъ, совершенно неудовлетворительномъ состояніи. Повидимому у насъ еще не выработалось твердаго убѣжденія въ томъ, что нѣтъ болѣе производительной затраты средствъ, какъ затрата на дѣло высшаго образованія, и въ то время какъ на западѣ научно-вспомогательныя учрежденія, помѣщаясь въ роскошныхъ, спеціально устроенныхъ зданіяхъ, снабженныя массою самыхъ лучшихъ пособій, безпрерывно развиваются, для чего затрачиваются огромныя суммы, у насъ большинство такихъ учрежденій, не имѣя ни соотвѣтствующихъ помѣщеній, ни надлежащей обстановки и получая самыя ничтожныя средства для своего содержанія, остаются въ неподвижномъ состояніи десятки лѣтъ. Поднятіе уровня практическихъ занятій студентовъ въ значительной степени могло-бы быть достигнуто также увеличеніемъ штата лицъ, помогающихъ профессору вести эти занятія. Хотя руководительство этими занятіями должно составлять одну изъ важнѣйшихъ функцій профессорской дѣятельности, но для успѣшнаго хода ихъ необходимъ достаточный персоналъ въ видѣ ассистентовъ, которые по указаніямъ профессора помогали-бы студентамъ въ затруднительныхъ случаяхъ и завѣдывали-бы всей обстановкой занятій. Такіе ассистенты кромѣ того, что должны находиться въ достаточномъ числѣ при каждой каѳедрѣ, гдѣ будутъ признаны необходимыми и полезными практическія занятія, должны получать обезпечивающее ихъ содержаніе, такъ какъ въ настоящее время, не смотря на то, что на должности ассистентовъ выбираются лучшіе изъ окончившихъ Университетъ студентовъ, они получаютъ въ продолженіи всей своей службы, на которой многіе остаются десятки лѣтъ, совершенно ничтожное содержаніе въ 600—800 руб., и по необходимости должны брать постороннія занятія, главнымъ образомъ, въ видѣ уроковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ практическихъ занятій научная самодѣятельность студентовъ могла-бы быть развиваема и другими средствами. Какъ извѣстно, по нынѣ дѣйствующему уставу, какъ и по

уставу 1863 года, для поощренія студентовъ къ научнымъ занятіямъ факультетскими собраніями ежегодно предлагаются задачи, съ назначеніемъ за удовлетворительныя по онымъ сочиненія, смотря по достоинству ихъ, медали золотой или серебряной, или почетнаго отзыва. Такъ какъ задача университетскаго преподаванія состоитъ въ томъ, чтобы возможнымъ образомъ увеличить число студентовъ, работающихъ самостоятельно, то казалось-бы, что изложенный параграфъ долженъ быть измѣненъ въ томъ отношеніи, чтобы ежегодно по каждому факультетскому предмету предлагалась по крайней мѣрѣ одна тема на медаль, что повело-бы къ увеличенію числа серьезно занимающихся студентовъ, такъ какъ и въ настоящее время студенты съ большою охотою берутся за такія работы, къ сожалѣнію предлагаемыя въ недостаточномъ количествѣ. Но и вообще на сочиненія студентовъ должно быть обращено гораздо большее вниманіе, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время. Правда, и теперь отъ студентовъ нѣкоторыхъ факультетовъ требуется представленіе сочиненія для зачета шестого семестра, но какъ и всѣ требованія для зачета, эти сочиненія постепенно обратились въ формальность, исполняемую студентами кое-какъ и очень рѣдко представляютъ собою результатъ серьезной работы. Потому было-бы гораздо цѣлесообразнѣе, возстановивши, согласно университетскому уставу 1863 года, ученую степень кандидата, отъ всѣхъ лицъ, оканчивающихъ Университетъ, требовать для полученія этой степени представленія кандидатской диссертаціи, въ видѣ болѣе или менѣе серьезнаго сочиненія по предмету избранной студентомъ спеціальности. Такая мѣра служила-бы наилучшимъ средствомъ для студента доказать, что онъ по извѣстному научному отдѣлу, серьезно занимался во время прохожденія университетскаго курса. Весьма важнымъ средствомъ для выполненія такихъ сочиненій было-бы учрежденіе при каждомъ отдѣленіи факультета хотя небольшихъ библіотекъ, состоящихъ изъ руководствъ и основныхъ сочиненій и помѣщенныхъ въ особыхъ комнатахъ, назначенныхъ для занятій студентовъ по извѣстному отдѣленію.—Однимъ изъ могущественныхъ средствъ для возбужденія у студентовъ интереса къ изучаемымъ предметамъ должно признать также организацію студенческихъ кружковъ съ цѣлью научныхъ занятій. Хотя и кратковременный опытъ существованія такихъ кружковъ въ Университетѣ Св. Владиміра показалъ, что отъ нихъ можно ждать самыхъ плодотворныхъ результатовъ. Студенты такихъ кружковъ прекрасно приготовляли рефераты на темы, выбранныя ими

иногда совершенно самостоятельно, обставляли изложеніе рефератовъ демонстраціями предметовъ и рисунковъ, ими-же подобранныхъ и приготовленныхъ, и затѣмъ съ величайшимъ интересомъ вели дебаты по изложенному реферату въ присутствіи и при участіи приглашенныхъ профессоровъ. Члены такихъ кружковъ не только привлекались-бы къ серьёзной научной работѣ въ теченіе учебнаго года, но могли-бы быть снабжаемы задачами, указаніями и пособіями для практическихъ занятій и научныхъ экскурсій въ теченіе каникулярнаго времени, утилизація котораго, до извѣстной степени, осуществляется нѣкоторыми студентами съ большою охотою. Вопросъ объ организаціи такихъ кружковъ въ настоящее время, когда поставленъ на очередь вопросъ о студенческихъ организаціяхъ вообще, не можетъ представить затрудненій и основанія, на которыхъ они могутъ быть открываемы, изложены въ докладѣ коммиссіи, избранной совѣтомъ Университета Св. Владиміра 24 сентября 1899 года.

При разсмотрѣніи тѣхъ условій, въ которыхъ находятся студенты во время прохожденія ими университетскаго курса, нужно также принять во вниманіе, что усердіе студентовъ и стремленіе ихъ учиться часто парализуются ихъ бѣдностью. Очень многіе изъ нихъ принуждены затрачивать массу времени и труда для добыванія себѣ скуднаго заработка, такъ какъ трудъ студентовъ, въ особенности провинціальныхъ Университетовъ, оплачивается обыкновенно крайне низко. Большею частію такіе бѣдные студенты занимаются все таки лучше другихъ, и поддержать ихъ въ матеріальномъ отношеніи, во время прохожденія университетскаго курса, является вполнѣ справедливымъ.

Такая поддержка могла-бы быть осуществлена съ наибольшей выгодой для студентовъ учрежденіемъ студенческихъ столовыхъ, кассъ взаимопомощи, студенческихъ библіотекъ, книжныхъ лавокъ для пріобрѣтенія научныхъ пособій и другихъ подобныхъ предпріятій, могущихъ оказать самое благодѣтельное вліяніе на матеріальный бытъ нынѣшняго студента, которому приходится жить въ большихъ городахъ и затрачивать сравнительно значительныя средства для сколько-нибудь сноснаго существованія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ наиболѣе правильнаго распредѣленія между недостаточными студентами всякаго рода денежныхъ пособій и освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій, такое распредѣленіе должно быть всецѣло предоставлено усмотрѣнію факультетовъ на основаніи правилъ утвержденныхъ совѣтомъ.

Наконецъ, весьма важнымъ средствомъ для болѣе правильной постановки университетскаго преподаванія, при которой студенты имѣли бы возможность проходить курсъ съ большимъ успѣхомъ, является увеличеніе преподавательскаго персонала. Одно изъ наиболѣе существенныхъ золъ, явившихся въ университетской жизни вмѣстѣ съ введеніемъ профессорскаго гонорара по уставу 1884 года — это нѣкоторое стремленіе къ монополизированію профессорскихъ каѳедръ. При большемъ числѣ слушателей профессору было невыгодно, чтобы чтеніе иногда очень обширнаго предмета раздѣлялось между двумя, а еще хуже между нѣсколькими профессорами, такъ какъ при такомъ раздѣленіи соотвѣтственно понижался гонораръ. Это постепенно и повело къ систематическому монополизированію преподаванія обязательныхъ предметовъ, что не могло не отражаться печально на ходѣ преподаванія. Профессоръ при всемъ своемъ усердіи часто не имѣлъ возможности обрабатывать свои лекціи съ необходимой тщательностью по всѣмъ отдѣламъ курса, не могъ иногда не передавать въ руки ассистента, часто не совсѣмъ опытнаго, руководства практическими занятіями студентовъ, или принужденъ былъ и вовсе не открывать такихъ занятій. Такое положеніе дѣла требуетъ непремѣннаго измѣненія, для чего прежде всего должна быть совершенно отмѣнена система профессорскаго гонорара, а затѣмъ увеличенъ персоналъ преподавателей, во первыхъ, учрежденіемъ института штатныхъ доцентовъ, которые бы раздѣляли трудъ профессора по чтенію лекцій и руководству практическими занятіями и, во вторыхъ, привлеченіемъ къ продолженію преподаванія профессоровъ, выслужившихъ 30-лѣтній срокъ профессорской службы. Этотъ вопросъ могъ-бы быть разрѣшенъ съ существенной пользой для университетовъ такимъ образомъ, чтобы мѣсто штатнаго профессора послѣ 30 лѣтъ его службы считалось вакантнымъ и замѣщалось-бы новымъ профессоромъ, избираемымъ Совѣтомъ по конкурсу или по предложенію членовъ Совѣта, тогда какъ профессору, выслужившему 30 лѣтъ, въ случаѣ его желанія, поручалось-бы, по рѣшенію факультета, чтеніе извѣстнаго отдѣла предмета, примѣрно по 2—3 часа въ недѣлю, съ нѣкоторой прибавочной платой къ получаемому имъ вознагражденію. Такимъ образомъ достигались-бы двѣ цѣли: и обновленіе профессорскаго персонала свѣжими силами и увеличеніе числа преподавателей сохраненіемъ въ составѣ факультетовъ лицъ, которыя, благодаря своей преподавательской опытности и обширнымъ знаніямъ, являлись-бы въ высшей степени полезными членами ихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сказанное увеличеніе преподавательскаго персонала не могло-бы не отразиться благотворнымъ образомъ на занятіяхъ студентовъ, которые имѣли-бы гораздо большее число опытныхъ руководителей, и, кромѣ того, всегда возможные недостатки преподаванія извѣстнаго предмета однимъ изъ профессоровъ компенсировались-бы въ значительной степени преподавательскими достоинствами другого профессора по тому же предмету.

Разсмотрѣвши такимъ образомъ главнѣйшія причины, оказывающія вредное вліяніе на занятія студентовъ, нельзя не упомянуть также и о томъ, что недостатки университетскаго преподаванія въ иныхъ случаяхъ зависятъ и отъ самихъ профессоровъ, которые не всегда съ должной внимательностью слѣдятъ за качествомъ своихъ лекцій и, такимъ образомъ, даютъ поводъ студентамъ относиться къ этимъ лекціямъ не съ должнымъ піэтетомъ. Причины такого явленія весьма разнообразны, но преимущественно зависятъ: 1) отъ обремененія иногда одного и того-же профессора большимъ числомъ лекцій, а еще чаще значительными посторонними занятіями, которымъ профессоръ долженъ предаваться, изыскивая себѣ лучшее обезпеченіе; 2) отъ малочисленности преподавательскаго персонала по отдѣльнымъ каѳедрамъ, устраняющимъ всякое соревнованіе между профессорами и, наконецъ, 3) отъ способа замѣщенія вакантныхъ профессорскихъ каѳедръ посредствомъ назначенія, практиковавшагося до недавняго времени, при которомъ устранялись подробное разсмотрѣніе и оцѣнка ученыхъ трудовъ и преподавательскихъ способностей кандидатовъ на эти каѳедры, и ученая коллегія лишена была возможности принимать участіе въ самой важной функціи университетской жизни—въ образованіи личнаго состава университетовъ, безъ чего не можетъ быть достигнуто ни истинное процвѣтаніе ихъ, ни возвышеніе идеала дѣятельности профессора.

Такимъ образомъ, на вопросъ: «какія мѣры могли-бы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровень получаемаго ими университетскаго образованія»? можно-бы отвѣчать, что для этого необходимы:

1) Раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія и постановка преподаванія такимъ образомъ, чтобы студентъ могъ заниматься болѣе толково и самостоятельно меньшимъ числомъ предметовъ, чѣмъ на настоящее время.

2) Предоставленіе факультетамъ организаціи учебныхъ плановъ, срока и порядка экзаменовъ и утвержденія программъ читаемыхъ предметовъ.

3) Улучшеніе, расширеніе и организація учебно-вспомогательныхъ учрежденій для практическихъ занятій студентовъ.

4) Увеличеніе штата лицъ, состоящихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ и увеличеніе имъ содержанія.

5) Назначеніе по каждому предмету ежегодно темы для сочиненія на медаль.

6) Возстановленіе ученой степени кандидата и требованіе отъ студентовъ представленія кандидатской диссертаціи.

7) Организація студенческихъ кружковъ для научныхъ занятій.

8) Организація учрежденій, имѣющихъ цѣлью улучшить матеріальный бытъ студентовъ.

9) Увеличеніе и улучшеніе преподавательскаго персонала.

Докладъ VIII-й.

11) Не слѣдуетъ-ли возстановить курсовые экзамены съ допущеніемъ къ нимъ экстерновъ, гдѣ это, по характеру занятій, возможно? Точно также не слѣдуетъ ли допустить экстерновъ къ одновременному экзамену по всѣмъ факультетскимъ предметамъ для полученія диплома объ окончаніи университетскаго курса?

Вопросъ 11-й касается экзаменовъ студенческихъ и экзаменовъ постороннихъ лицъ; сообразно съ этимъ и отвѣтъ распадается на двѣ части.

I. Экзамены студентовъ.

Такъ какъ Университетамъ присвоено право выдавать дипломы объ успѣшномъ прохожденіи университетскихъ курсовъ, то тѣмъ самымъ на Университеты же возлагается обязанность удостовѣряться, насколько то или другое лицо усвоило высшую науку.

Наиболѣе привычною мѣрою для упомянутаго удостовѣренія приняты испытанія лицъ, ищущихъ диплома объ окончаніи курса наукъ по тому или другому факультету.

Порядокъ этихъ испытаній можетъ быть крайне разнообразенъ, и нѣтъ той формы, которая не была бы уже примѣнена въ прошлой жизни нашихъ Университетовъ. Исторія этого вопроса приводитъ къ одному только несомнѣнному убѣжденію, что всѣ формы экзаменовъ далеки отъ совершенства; однако причина этого несовершенства лежитъ, главнымъ образомъ, не въ формахъ экзамена, а въ недостаткахъ

самихъ экзаменовъ, какъ мѣры для удостовѣренія въ знаніяхъ испытуемаго лица.

Главный недостатокъ экзаменной системы состоитъ въ томъ, что съ ней не совмѣстимо нервное спокойствіе экзаменующагося: въ періодъ испытанія онъ почти всегда находится въ ненормальномъ состояніи.

Но такъ какъ практика до сихъ поръ еще не выработала иныхъ способовъ удостовѣренія въ познаніяхъ, то приходится допустить тѣ же экзамены, къ которымъ, какъ учащіе, такъ и учащіеся привыкли со школьной скамьи. Остается только выяснить, какая изъ формъ экзаменовъ наиболѣе гарантируетъ успѣшность и правильность достиженія той цѣли, для которой экзамены предназначены.

Въ періодъ дѣйствія устава 1835 года практиковались ежегодные экзамены, но уже въ концѣ 50-хъ годовъ не только университеты, но даже и отдѣльные факультеты представили въ Министерство Народнаго Просвѣщенія свои соображенія объ экзаменахъ, и въ то время опредѣлено было замѣнить курсовые экзамены двухгодичными.

Уставомъ 1863 года сроки экзаменовъ предоставлено было опредѣлять факультетамъ; поэтому не только въ разныхъ Университетахъ, но и въ одномъ и томъ же Университетѣ, въ разное время, практиковались разныя правила. Такъ, въ Казанскомъ Университетѣ сначала приняты были курсовые экзамены, потомъ они смѣнились курсовыми же, но только по законченнымъ предметамъ, а подъ конецъ студентамъ предоставлено было право сдавать экзаменъ, по желанію, или разомъ по окончаніи курса, или по частямъ въ теченіе курса, но только по законченнымъ предметамъ; если предметъ читался въ теченіе двухъ лѣтъ, то экзаменъ изъ этого предмета можно было сдать лишь по прошествіи второго года.

Въ Университетѣ Св. Владиміра, по правиламъ 1870 года, введены были полукурсовыя испытанія, т. е. экзаменъ производился въ два срока: первая половина сдавалась въ теченіе первыхъ четырехъ семестровъ, а вторая—по окончаніи курса. По правиламъ же 1884 года экзамены раздѣлялись на повѣрочные и на испытанія на ученую степень; на историко-филологическомъ, физико-математическомъ и юридическомъ факультетахъ повѣрочныя испытанія производились только на первомъ курсѣ, а испытанія на степень кандидата во 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ курсахъ; на медицинскомъ же факультетѣ повѣрочные экзамены были и на 1-мъ, и на 2-мъ, и даже на 3-мъ курсахъ; въ то же время

и испытанія на степень лекаря происходили на всѣхъ четырехъ курсахъ.

По уставу 1884 года введены были испытанія двоякаго рода: 1) въ особо назначаемыхъ для этого при Университетахъ коммиссіяхъ и 2) въ факультетахъ. Въ послѣднихъ производились экзамены студентовъ: 1) состязательные на стипендіи и вспоможенія, 2) повѣрочные и 3) обязательныя только для медицинскихъ факультетовъ испытанія полукурсовыя. Такимъ образомъ, кромѣ медицинскихъ факультетовъ, этимъ уставомъ учрежденъ былъ лишь одинъ обязательный экзаменъ и то не факультетскій, а въ особыхъ коммиссіяхъ при Университетѣ.

Неудобства такой формы экзаменовъ обнаружились съ первыхъ же шаговъ ея примѣненія и черезъ пять лѣтъ, въ видѣ временной мѣры, введены были обязательныя для всѣхъ факультетовъ полукурсовыя испытанія при переходѣ на пятый семестръ. Однако въ скоромъ времени оказалось, что и это испытаніе сдать въ одинъ срокъ для большинства студентовъ было не подъ силу и полукурсовые экзамены раздѣлены были на двѣ части, при чемъ первая сдавалась при переходѣ на 3-й семестръ, а вторая—по окончаніи 4-го семестра. Только третій курсъ свободенъ былъ отъ экзаменовъ, но въ послѣднее время и здѣсь таковые проектированы, а на юридическомъ факультетѣ уже и введены, хотя окончательный экзаменъ въ коммиссіяхъ практикуется и до сихъ поръ, независимо отъ ежегодныхъ.

Изъ приведеннаго краткаго историческаго очерка видно, что ежегодные экзамены наиболѣе часто практиковались въ Университетахъ и происходили издавна въ факультетахъ; только уставъ 1884 года сдѣлалъ попытку отдѣлить университетское преподаваніе отъ испытаній и передать послѣднія въ вѣдѣніе особыхъ коммиссій, стоящихъ внѣ факультетовъ; но попытка эта, какъ основанная на недовѣріи къ факультетамъ, потерпѣла полную неудачу и Совѣтъ Университета Св. Владиміра призналъ необходимымъ вернуться къ прежнему порядку производства испытаній въ соотвѣтственныхъ факультетахъ.

Факультетскіе экзамены могутъ быть производимы или въ одинъ срокъ, по окончаніи студентами полнаго университетскаго курса или въ нѣсколько сроковъ, назначаемыхъ въ періодъ пребыванія ихъ въ Университетѣ.

Въ пользу установленія одного окончательнаго испытанія по окончаніи курса приводились и приводятся слѣдующія соображенія.

1) Система частыхъ испытаній вредна истинно-научному направленію: переходные экзамены, какъ принудительная мѣра ученія, несовмѣстимы съ достоинствомъ науки и возбуждаютъ въ учащихся отвращеніе къ наукѣ и ученію.

2) Частыя испытанія отнимаютъ слишкомъ много драгоцѣннаго времени у преподаванія. Особенно страдаетъ въ этомъ отношеніи второе полугодіе, такъ какъ съ приближеніемъ времени испытанія студенты перестаютъ посѣщать лекціи и участвовать въ практическихъ занятіяхъ.

3) При разбросанныхъ по всему 4-лѣтію и даже 6-лѣтію экзаменахъ, испытательная комиссія, каковъ бы ни былъ ея составъ, лишается возможности судить о всей совокупности образованія по данному кругу наукъ, достигнутаго студентомъ, а между тѣмъ на окончательномъ экзаменѣ провѣркѣ должно подлежать не то, что сохранилось въ памяти послѣ недавняго затверживанія лекцій, а то, что сдѣлалось прочнымъ умственнымъ достояніемъ экзаменующагося, что составляетъ дѣйствительный умственный капиталъ его,—словомъ, вся совокупность его образованія, умѣнія и разумѣнія по данному кругу наукъ, которая только и имѣетъ цѣну для жизни и для всей дальнѣйшей дѣятельности лица.

4) При одномъ окончательномъ испытаніи экзаменъ производится не изъ отрывковъ науки, а изъ цѣлаго ея объема; такой экзаменъ устраняетъ всякую возможность или слишкомъ счастливой, или же неблагопріятной случайности, всегда вѣроятной при лотерейномъ способѣ испытанія. Здѣсь же достигается вѣрная оцѣнка знаній, пріобрѣтенныхъ экзаменующимся.

Съ этими доводами въ пользу установленія одного окончательнаго испытанія нельзя не согласиться, развѣ только послѣдній можно было бы совсѣмъ устранить. Онъ заключаетъ въ себѣ предвзятую мысль, что экзамены въ теченіе курса производятся изъ отрывковъ науки; но это легко устраняется назначеніемъ экзаменовъ лишь по предметамъ, преподаваніе которыхъ вполнѣ закончено. Случайность же экзамена одинаково возможна при всякомъ способѣ испытаній, если только экзаменуется слишкомъ большое число лицъ.

Но, не смотря на полную убѣдительность первыхъ трехъ доводовъ, все-таки отъ такой формы экзамена приходится отказаться. Она уже испытана Университетами въ періодъ дѣйствія устава 1884 года и, по общему признанію членовъ испытательныхъ комиссій, привела

лишь къ пониженію экзаменаціонныхъ требованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ пониженію уровня получаемаго молодыми людьми университетскаго образованія. Члены комиссій воочію убѣждались, въ какомъ нервномъ напряженіи были экзаменуемыя лица: они иногда не давали удовлетворительныхъ отвѣтовъ даже на самые элементарные вопросы. Да и понятно, экзаменующимся въ теченіе одного мѣсяца приходилось воспроизвести въ своей памяти все то, что они усвоивали въ теченіе 4—6 лѣтъ и дать въ томъ ясный отчетъ комиссіи. Экзаменаторы вполнѣ сознавали всю трудность положенія экзаменующихся и имъ ничего не оставалось, какъ понижать экзаменаціонныя требованія.

У насъ часто приводятъ въ примѣръ практику германскихъ Университетовъ, гдѣ установленъ одинъ окончательный экзаменъ на степень доктора; но не слѣдуетъ забывать, что тамъ нѣтъ нашей многопредметности. Въ Германіи напр., химикъ сдаетъ экзаменъ только по тремъ предметамъ, а у насъ по десяти.

Слѣдовательно, установленіе одного окончательнаго испытанія возможно только при устраненіи практикуемой у насъ многопредметности и при сведеніи университетскаго образованія къ болѣе узкой спеціализаціи. Этотъ же вопросъ стоитъ въ прямой связи съ планами факультетскаго преподаванія, необходимость переработки которыхъ дѣйствительно вполнѣ признана нѣкоторыми факультетами; но такъ какъ это вопросъ будущаго, то въ настоящее время приходится отказаться отъ производства испытаній въ одинъ срокъ и допустить раздѣльность окончательныхъ испытаній, назначивъ для этого нѣсколько сроковъ въ теченіе университетскаго курса.

Самое назначеніе этихъ сроковъ можетъ быть поставлено въ зависимость или отъ факультетовъ и студентовъ одновременно, или исключительно отъ факультетовъ.

По первому рѣшенію студенту предоставляется право являться на испытаніе по одному или нѣсколькимъ предметамъ тогда, когда онъ чувствуетъ себя вполнѣ подготовленнымъ. Испытательная же комиссія собирается для экзамена періодически въ теченіе цѣлаго года въ дни и часы заблаговременно (на цѣлый годъ) установленные факультетомъ, примѣрно одинъ разъ въ мѣсяцъ. Факультетъ выработываетъ послѣдовательный планъ преподаванія, разсчитанный на 4 года (на медицинскомъ факультетѣ—на 5 лѣтъ) и планъ испытаній, который также заблаговременно объявляется студентамъ и которому они обязаны слѣдовать.

Чтобы проектируемая система не привела къ праздности и не сдѣлалась свободой отъ ученія, устанавливается предѣльный срокъ пребыванія въ Университетѣ, примѣрно въ 6 лѣтъ, по истеченіи котораго студентъ оставляетъ Университетъ, но не лишается права держать испытаніе и по выходѣ изъ Университета, если только имъ выполнены всѣ обязательныя для каждаго студента занятія.

При такой постановкѣ дѣла существованіе курсовъ и перехода съ курса на курсъ само собой становится излишнимъ, такъ что курсовая система преподаванія и испытаній устраняется и замѣняется предметной.

Въ пользу предметной системы, предоставляющей нѣкоторую свободу въ прохожденіи университетскаго курса, приводятъ слѣдующія соображенія.

1) Съ отмѣною обязательныхъ переходныхъ экзаменовъ, сами экзамены будутъ серьезнѣе и правильнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уровень университетскаго образованія несомнѣнно подымется.

2) При предметной системѣ выигрывается время преподаванія и облегчается возможность перехода студентовъ изъ одного Университета въ другой.

3) Предметная система устраняетъ многія неудобства курсовой системы, при которой: а) практикуется оскорбительное для студентовъ, въ ихъ возрастѣ, оставленіе на второй годъ, какъ будто невыдержаніе экзамена есть непремѣнный признакъ нерадивости студента; да и самое оставленіе на второй годъ изъ за одного, напр., предмета лишено смысла, такъ какъ оно принуждаетъ оставленнаго изучать и тѣ предметы, которые онъ уже знаетъ; б) курсовая система, полезная для малоспособныхъ, лишаетъ лишь болѣе одаренныхъ возможности серьезно работать; в) она требуетъ для всѣхъ однообразнаго плана преподаванія, что далеко не всякому студенту по силамъ; г) она крайне дорога, такъ какъ требуетъ, при практическихъ занятіяхъ, наличности условій для работъ всѣхъ студентовъ даннаго курса, хотя многіе изъ нихъ и не будутъ работать; д) она въ особенности стѣснительна для лицъ несостоятельныхъ, вынужденныхъ тратить часть своего времени на добываніе себѣ пропитанія.

Нельзя не согласиться, что въ предметной системѣ есть много привлекательныхъ сторонъ; въ особенности важно то, что она устраняетъ часто безцѣльное оставленіе студентовъ на второй годъ; но, несмотря на ея привлекательность, слѣдуетъ сомнѣваться въ возможности

ся практическаго осуществленія: она мало согласуется съ общимъ складомъ характера русскаго студента и предполагаетъ, что всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большинство поступающихъ въ Университетъ, ищутъ только знаній, а не дипломовъ, дающихъ имъ извѣстныя права. На самомъ же дѣлѣ наблюдается какъ разъ обратное.

Если бы въ нашихъ Университетахъ отсутствовала многопредметность, то предметная система, конечно, была бы наилучшей; но когда въ теченіе университетскаго курса студенту приходится усвоить длинный рядъ наукъ и сдать по нимъ установленные экзамены, то самое распредѣленіе экзаменовъ не можетъ быть предоставлено неувѣренному въ себѣ и совершенно незнакомому съ объемомъ предстоящаго экзаменаціоннаго труда студенту. Ему не подъ силу будетъ справиться съ этой задачей. Неизбѣжнымъ результатомъ такой постановки дѣла будетъ постепенное откладываніе студентами ихъ испытаній на дальнѣйшіе сроки и ко времени окончанія пребыванія въ Университетѣ у студентовъ окажется значительное накопленіе экзаменовъ, которые они должны будутъ выполнить въ одинъ, много — въ два срока. Такой порядокъ обязательно приведетъ къ крайнему затрудненію самихъ студентовъ, да и экзаменаторовъ поставитъ въ тоже положеніе, какъ теперь при испытательныхъ коммиссіяхъ.

Правильность приведенныхъ соображеній доказывается предшествующимъ опытомъ нашихъ Университетовъ. И въ самомъ дѣлѣ, какія бы формы экзаменовъ въ разное время ни примѣнялись въ Университетахъ, въ концѣ концовъ обстоятельства приводили къ необходимости возстановить обычные курсовые экзамены. Даже, при установленіи полукурсовыхъ испытаній, опытъ недавняго прошлаго показалъ, что только рѣдкіе студенты могли выдержать таковые въ одинъ срокъ, большинству же это было совершенно не по силамъ и по необходимости пришлось раздѣлить полукурсовыя испытанія на двѣ части, отнеся первую часть на первый курсъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что вопросъ о раздѣленіи экзаменовъ на сроки далеко не такъ простъ, чтобы рѣшеніе его предоставить усмотрѣнію студентовъ. Единственно кто компетентенъ въ немъ, это факультеты. Только они могутъ распредѣлить экзамены вполнѣ правильно и согласно съ интересами какъ преподаванія, такъ и учащихся.

Курсовая система, побуждая студентовъ къ правильнымъ занятіямъ и устанавливая необходимый контроль за этими занятіями, служитъ въ тоже время моральной поддержкой для учащихся и тѣмъ

самымъ несомнѣнно облегчаетъ имъ прохожденіе университетскаго курса и дастъ возможность въ болѣе короткій срокъ заканчивать университетское образованіе.

Кромѣ того, курсовые (полукурсовые) экзамены представляютъ большое удобство при переходѣ отъ слушанія общихъ курсовъ къ спеціальнымъ; напр., на медицинскомъ факультетѣ безусловно нельзя, безъ выдержанія полукурсового испытанія изъ теоретическихъ медицинскихъ наукъ, допустить студентовъ къ клиническимъ занятіямъ. И дѣйствительно на этомъ факультетѣ всегда былъ установленъ полукурсовый экзаменъ.

Такимъ образомъ, курсовую систему, какъ болѣе практичную, слѣдуетъ предпочесть предметной; неудобство же ея относительно принудительности и возможности бездѣльнаго пребыванія два года на одномъ курсѣ можно значительно ослабить, предоставивъ факультетамъ право назначать нѣсколько сроковъ для испытаній, а не одинъ, какъ это практикуется теперь. Кромѣ того, за факультетомъ всегда останется право переводить студента съ курса на курсъ и въ томъ случаѣ, если онъ не сдалъ назначеннаго по тому или другому предмету экзамена, лишь бы это не помѣшало успѣшному прохожденію слѣдующаго курса.

И, наконецъ, кому же, какъ не факультету, предоставить рѣшеніе вопроса о томъ, бездѣльно или нѣтъ для даннаго студента пребываніе его еще одинъ годъ на томъ же курсѣ; а отъ того или другого рѣшенія будетъ зависѣть переходъ или непереходъ студента на высшій курсъ.

На основаніи вышеизложеннаго Совѣтъ Университета Св. Владиміра находитъ необходимымъ отмѣнить производство испытаній въ одинъ срокъ по окончаніи студентами университетскаго образованія и возстановить курсовые экзамены, освободивъ ихъ въ то же время отъ излишняго формализма. Испытанія эти, относительно срока и порядка ихъ производства, должны распредѣляться по усмотрѣнію университетскихъ факультетовъ и Совѣтовъ.

II. Экзамены экстерновъ.

Допущеніе постороннихъ лицъ къ слушанію университетскихъ лекцій практиковалось въ нашихъ Университетахъ во все время ихъ существованія. Вызвано оно было, несомнѣнно, потребностями обще-

ства и оказалось весьма плодотворнымъ. Изъ числа такъ называемыхъ вольныхъ слушателей, слѣдящихъ за курсами того или другого факультета въ полномъ его объемѣ, многіе съ успѣхомъ выдерживали потомъ кандитатскій экзаменъ. Но, кромѣ такихъ лицъ, прежде были допускаемы и слушатели отдѣльныхъ предметовъ, которые по выходѣ изъ Университета сейчасъ же примѣняли полученныя ими знанія къ тому или другому практическому дѣлу; напр., изучившіе химію поступали на химическіе заводы. Еще больше было лицъ, которыя поступали въ Университетъ помимо всякихъ практическихъ цѣлей, а исключительно вслѣдствіе стремленія къ высшему образованію. Университеты открыты были для всѣхъ ищущихъ знанія; не допускались лишь особы женскаго пола.

Уставъ 1863 года (§ 90), допустивъ слушаніе лекцій посторонними лицами, предоставилъ Совѣтамъ Университетовъ, съ утвержденія попечителя, право выработки соотвѣтственныхъ правилъ, каковыя затѣмъ и мѣнялись сообразно сложившимся условіямъ. Такъ, по правиламъ 1867 года, кромѣ окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, къ посѣщенію университетскихъ лекцій допускались беспрепятственно служащіе и отставные чиновники и вообще всѣхъ состояній лица, имѣющія опредѣленное общественное положеніе или занятіе.

Въ правилахъ же Университета Св. Владиміра, изданныхъ въ 1884 году, до введенія нынѣ дѣйствующаго устава, значилось § 17. Къ посѣщенію университетскихъ лекцій, если дозволитъ вмѣстимость аудиторій, допускаются лица, состоящія на государственной службѣ, и вообще всѣхъ состояній лица, которыя представятъ свидѣтельства о полномъ окончаніи курса въ какомъ либо среднемъ учебномъ заведеніи.

Такимъ образомъ этими правилами введено было уже нѣкоторое ограниченіе, а именно изъ допускаемыхъ въ посторонніе слушатели исключались отставные чиновники и лица, имѣющія общественное положеніе или занятіе.

Еще большія ограниченія ввелъ уставъ 1884 г. По § 120 допускаются только лица, имѣющія опредѣленное общественное положеніе или занятіе. Въ правилахъ же, утвержденныхъ Министромъ въ 1885 г., добавлено, что допускаются и лица, находящіяся на государственной службѣ, а для лицъ съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ или занятіемъ присоединено требованіе окончанія ими курса въ среднемъ учебномъ заведеніи.

Что касается правъ постороннихъ лицъ на экзамены и на полученіе университетскихъ дипломовъ, то по уставу 1863 г. таковые были установлены. Такъ, по § 26 правилъ 1884 г., посторонніе слушатели, представившіе аттестатъ или свидѣтельство зрѣлости, допускались къ испытанію на степень кандидата; по § же 29 лицамъ, выбывшимъ изъ числа постороннихъ слушателей, если они прослушали весь курсъ наукъ одного изъ факультетовъ, выдавались свидѣтельства о пребываніи ихъ въ Университетѣ.

Кромѣ того практиковалось еще слѣдующее постановленіе: студенты и посторонніе слушатели, оставляющіе Университетъ до выдержанія окончательнаго испытанія, могутъ подвергаться оному изъ отдѣльныхъ предметовъ и получать свидѣтельства объ успѣхахъ, оказанныхъ въ сихъ собственно предметахъ.

По уставу 1884 года «ни къ какимъ экзаменамъ посторонніе слушатели не допускаются» (Правила 1885 г.).

Такимъ образомъ доступъ въ Университетъ постороннихъ лицъ и ихъ права оказались ограниченными до крайнихъ предѣловъ и число такихъ лицъ сильно понизилось.

Тѣмъ не менѣе въ Министерство Народнаго Просвѣщенія неоднократно поступали прошенія о допущеніи къ экзаменамъ въ испытательной коммиссіи лицъ, не имѣющихъ выпускного университетскаго свидѣтельства. Это обстоятельство побудило г. временно-управляющаго Министерствомъ обратиться въ Совѣты Университетовъ съ предложеніемъ (отъ 24 февраля 1901 года) обсудить настоящее дѣло.

Совѣтъ Университета св. Владиміра, въ засѣданіи своемъ отъ 15 мая, постановилъ.

Дозволить лицамъ, не имѣющимъ выпускного свидѣтельства, сдавать окончательные экзамены съ условіемъ представленія:

а) аттестата объ окончаніи курса въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Россіи.

б) удостовѣренія профессоровъ о слушаніи лекцій и успѣшности практическихъ занятій по предметамъ испытанія въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и за границею.

в) сочиненія или работы по одному изъ главныхъ предметовъ испытанія, если факультетъ найдетъ эти свидѣтельства и сочиненіе достаточными.

Факультетамъ должно быть также предоставлено право засчитывать экзаменующемуся въ качествѣ экстерна, выдержанныя послѣднимъ

въ одномъ изъ русскихъ учебныхъ заведеній испытанія по одному или нѣсколькимъ предметамъ, входящимъ въ составъ полукурсоваго испытанія.

Для того, чтобы вышеизложенная мѣра принесла дѣйствительную пользу, Совѣтъ находитъ необходимымъ облегчить доступъ въ Университетъ постороннимъ лицамъ, а именно: если дозволяетъ вмѣстимость аудиторій и лабораторій, допускать къ слушанію лекцій и къ другимъ университетскимъ занятіямъ всѣхъ лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, предоставивъ имъ и право подвергаться испытаніямъ въ теченіе курса наравнѣ со студентами.

Такимъ образомъ, по вопросу о допущеніи экстерновъ къ экзаменамъ Совѣтъ находитъ вполнѣ возможнымъ и желательнымъ допускать экстерновъ и къ курсовымъ экзаменамъ, и къ одновременному экзамену по всѣмъ факультетскимъ предметамъ на вышеизложенныхъ условіяхъ, примѣняясь къ положенію среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Кромѣ того желательно возстановить слѣдующія постановленія, дѣйствовавшія при уставѣ 1863 года:

1) Лицамъ, выбывшимъ изъ числа постороннихъ слушателей, если они прослушали весь курсъ наукъ одного изъ факультетовъ, выдаются свидѣтельства о пребываніи ихъ въ Университетѣ.

2) Студенты и посторонніе слушатели, оставляющіе Университетъ до выдержанія окончательнаго испытанія, могутъ подвергаться оному изъ отдѣльныхъ предметовъ и получать свидѣтельства объ успѣхахъ, оказанныхъ въ сихъ собственно предметахъ.

Докладъ IX-й.

12) Нужно ли предоставлять служебныя права оканчивающимъ университетскій курсъ?

При рѣшеніи даннаго вопроса Совѣтъ исходилъ изъ слѣдующихъ соображеній.

1. Весьма было бы желательно такое положеніе дѣла, при которомъ молодежь шла бы въ Университетъ, руководясь преимущественно идеальными задачами образованія, а не практическими выгодами полученія служебныхъ правъ. Но достиженіе этой цѣли черезъ отнятіе у университетскаго диплома значенія служебной привилегіи было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибъ и другія высшія учебныя заведенія были поставлены на ряду съ университетами въ тѣ же самыя условія, т. е. также не давали бы своимъ питомцамъ, оканчивающимъ курсъ, служебныхъ правъ. Пока же этого нѣтъ и такія высшія учебныя заведенія, какъ Училище правовѣдѣнія, Александровскій лицей, Историко-филологическіе институты, Институтъ инженеровъ путей сообщенія и пр., предоставляютъ служебныя права оканчивающимъ въ нихъ курсъ молодымъ людямъ, не предоставлять такихъ же правъ оканчивающимъ курсъ въ университетѣ было бы дѣломъ и неудобнымъ, и несправедливымъ.

2. При настоящемъ состояніи образованности въ Россіи издавна принадлежащая университетамъ привилегія предоставлять служебныя права оканчивающимъ въ нихъ курсъ лицамъ должна считаться явленіемъ скорѣе полезнымъ, чѣмъ вреднымъ. Въ нашей общественной жизни образовательный цензъ теперь получаетъ все болѣе видное зна-

ченіе и признается необходимымъ условіемъ для поступленія на службу въ то или другое вѣдомство или для занятія той или другой общественной должности. Главнымъ же показателемъ образовательнаго ценза повсюду въ Европѣ являются свидѣтельства и дипломы, выдаваемые учебными заведеніями оканчивающимъ въ нихъ курсъ. Для государства весьма важно, чтобы всѣ поступающіе на государственную службу обладали не только специальными или техническими познаніями, но и возможно болѣе высокимъ уровнемъ умственнаго развитія. Пріобрѣсти же такое развитіе у насъ при обычныхъ условіяхъ возможно, только пройдя университетскій или соотвѣтственный ему курсъ высшаго учебнаго заведенія. Такимъ образомъ, предоставленіе служебныхъ правъ оканчивающимъ университетскій курсъ можетъ гарантировать государству большій процентъ чиновниковъ съ высшимъ образованіемъ и ростъ въ общественной средѣ элементовъ образованныхъ классовъ.

3. Въ Россіи по дѣйствующимъ законамъ пользованіе служебными правами обусловливается не только образовательнымъ цензомъ, но также и происхожденіемъ. Сохраненіе за университетами привилегіи предоставлять оканчивающимъ курсъ служебныя права можетъ содѣйствовать какъ уничтоженію сословной исключительности, такъ ослабленію вліянія протекціи, искательства и фаворитизма при замѣщеніи государственныхъ должностей.

На основаніи изложенныхъ соображеній Совѣтъ единогласно высказался за то, чтобы оканчивающимъ курсъ были предоставляемы права государственной службы, пока такія права будутъ предоставляться питомцамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

-

13) Нужно ли сохранить государственные экзамены и, если нужно,— то въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ?

При обсужденіи этого вопроса Совѣтомъ прежде всего было установлено положеніе, что государственные экзамены въ той формѣ, въ какой они существуютъ въ настоящее время, отнюдь не достигаютъ тѣхъ цѣлей, которыя лежатъ въ самой идеѣ государственнаго испытанія, какъ контроля со стороны государства надъ степенью подготовленности къ практической дѣятельности или къ прохожденію извѣстной должности лицъ, претендующихъ на такую практическую дѣятельность или на какую-либо государственную должность. Это явствуетъ

уже изъ того факта, что наши государственные экзамены установлены только для оканчивающихъ курсъ въ университетѣ, а всѣ остальныя высшія учебныя заведенія сами, безъ помощи какихъ-либо государственныхъ комиссій, производятъ окончательную провѣрку познаній своихъ питомцевъ и сами же выдаютъ имъ дипломы, гарантирующіе имъ различныя права. [1]) Еслибъ существующіе нынѣ государственные экзамены преслѣдовали указанную общую, государственную цѣль, то, конечно, они были бы признаны обязательными и необходимыми для всѣхъ безъ исключенія высшихъ учебныхъ заведеній. Очевидно, что при установленіи государственныхъ экзаменовъ спеціально для университетовъ имѣлась въ виду какая-то особая частная цѣль. Едва ли можно сомнѣваться, что даннымъ нововведеніемъ устава 1884 г. предполагалось установить извѣстный контроль надъ университетскимъ преподаваніемъ. Государственныя испытательныя комиссіи своей задачей должны были имѣть провѣрку не тѣхъ знаній лицъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ, которыя необходимы въ ихъ практической дѣятельности, а провѣрку всѣхъ знаній, которыя ими вынесены изъ университета. Въ основаніи этой мѣры, очевидно, лежитъ недовѣріе къ университету и профессорамъ-преподавателямъ, столь обидное для послѣднихъ и вносящее разладъ въ строй университетской жизни. На дѣлѣ, однако, и этотъ контроль оказался не достигающимъ предположенной цѣли. Государственныя испытательныя комиссіи уже въ силу лежащей въ основѣ ихъ идеи контроля должны были бы стоять внѣ связи съ университетомъ; членами этихъ комиссій должны были быть ученые спеціалисты, посторонніе университету. На дѣлѣ все это оказалось неосуществимымъ. За отсутствіемъ стороннихъ экзаменаторовъ государственные экзамены уже съ перваго года ихъ введенія превратились въ тѣ же выпускные университетскіе экзамены, производимые профессорами университета лишь подъ предсѣдательствомъ посторонняго университету, присланнаго министерствомъ, лица. Эти особыя лица опять таки берутся, главнымъ образомъ, изъ числа профессоровъ университета, вслѣдствіе чего государственные экзамены окончательно теряютъ и тѣнь подобія усвояемаго имъ высшаго контроля. Трудно,

[1]) Лишь въ немногихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, напр., въ Ново-Александровскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ, окончательныя испытанія напоминаютъ по своей организаціи университетскіе государственные экзамены.

конечно, допустить, что дѣло преподаванія и провѣрки его успѣшности сколько-нибудь улучшится отъ того, что, напримѣръ, одинъ изъ профессоровъ московскаго университета поѣдетъ предсѣдателемъ въ Петербургъ, а одинъ изъ петербургскихъ профессоровъ явится съ той же миссіей въ Москву и т. п. Наконецъ, назначенный министерствомъ предсѣдатель государственной испытательной комиссіи, будучи спеціалистомъ по одному какому-либо предмету, конечно, не въ состояніи контролировать знанія экзаменующихся по самымъ различнымъ предметамъ университетскаго курса. Такимъ образомъ, значеніе существующихъ нынѣ государственныхъ экзаменовъ, какъ независимаго отъ университета контроля знаній испытуемыхъ, представляется совершенно призрачнымъ. Смыслъ этихъ испытаній сводится лишь къ субъективному контролю надъ направленіемъ преподаванія и вообще къ выраженію недовѣрія университетамъ.

Затѣмъ, съ неменьшею убѣдительностью было выяснено, что государственные экзамены, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, не принося никакой пользы государству, въ тоже время приносятъ не малый вредъ университетамъ и учащейся молодежи. А именно:

1. Государственные экзамены значительно способствовали пониженію авторитета университетскихъ преподавателей въ глазахъ учащейся молодежи. Такъ какъ предсѣдателямъ испытательныхъ комиссій предоставлено главное значеніе и широкія полномочія при производствѣ испытаній, то нерѣдко тотъ или другой исходъ государственныхъ экзаменовъ былъ поставленъ въ зависимость не отъ подготовленности испытуемыхъ, но отъ личности того или иного предсѣдателя. Экзаменующіеся часто собираютъ предварительныя свѣдѣнія о томъ, кто изъ предсѣдателей отличается большею снисходительностью и направляются въ большомъ числѣ въ тотъ университетъ, въ который попадаетъ предсѣдателемъ прославившееся своею снисходительностью лицо. Такое положеніе дѣла естественно приводитъ студентовъ къ убѣжденію, что на испытаніи преобладающее значеніе имѣетъ не оцѣнка знаній со стороны болѣе компетентныхъ въ научномъ отношеніи университетскихъ преподавателей, а мнѣніе и личныя качества предсѣдателя, сторонняго университету лица. Пониженію авторитета преподавателей способствуетъ въ значительной мѣрѣ и то, что преподаватель нерѣдко является не полноправнымъ членомъ комиссіи, а лишь приглашеннымъ экзаменаторомъ, имѣющимъ при окончательной оцѣнкѣ знаній испы-

туемыхъ лишь совѣщательный голосъ, который можетъ быть и не принять во вниманіе предсѣдателемъ и другими членами комиссіи.

2. Государственные экзамены, будучи производимы по строго опредѣленнымъ программамъ, которыя, въ силу этого, почти всегда не отвѣчаютъ научнымъ требованіямъ даннаго времени, способствуютъ пониженію уровня университетскаго преподаванія, заставляя многихъ преподавателей приспособлять свои лекціи къ требованіямъ этихъ программъ. Такое приспособленіе за послѣднее время сдѣлалось почти обязательнымъ въ виду неоднократныхъ запросовъ со стороны министерства о томъ, на сколько профессора въ своихъ курсахъ выполняютъ установленныя программы испытаній.

3. Отрицательная сторона государственныхъ экзаменовъ заключается и въ томъ, что принятое для опредѣленія права на дипломъ первой и второй степени дѣленіе предметовъ государственнаго испытанія на главные и неглавные сильно отражается на успѣшности занятій и подготовки экзаменующихся къ такъ называемымъ неглавнымъ предметамъ, что вызываетъ несерьезное отношеніе къ наукѣ вообще.

4. Государственные экзамены вызвали значительное пониженіе требованій на испытаніяхъ. Многопредметность государственнаго испытанія, производимаго въ теченіе сравнительно короткаго времени, затрудняетъ для испытуемыхъ основательную подготовку, а экзаменаторовъ, особенно на многолюдныхъ факультетахъ, лишаетъ возможности произвести серьезную провѣрку занятій. Въ настоящее время студенты готовятся къ экзаменамъ по сокращеннымъ руководствамъ и конспектамъ, не дорожатъ демонстративнымъ преподаваніемъ, ограничиваются зазубриваніемъ самыхъ общихъ фактовъ и положеній, знаніе которыхъ обезпечиваетъ имъ успѣхъ испытанія въ государственной комиссіи. Все это ведетъ къ значительному пониженію уровня, получаемаго студентами въ университетѣ образованія.

5. Наконецъ, государственные экзамены представляютъ большое неудобство въ томъ отношеніи, что вообще отнимаютъ много времени отъ преподаванія, особенно на медицинскомъ факультетѣ, гдѣ экзамены идутъ почти два первыхъ мѣсяца осенняго полугодія, и въ частности отрываютъ нѣкоторыхъ профессоровъ, назначаемыхъ предсѣдателями въ другіе университеты, отъ исполненія ихъ прямыхъ обязанностей въ своемъ университетѣ.

Не лишено значенія то обстоятельство, что почти всѣ указанныя неудобства государственныхъ экзаменовъ, введенныхъ на основаніи

устава 1881 г., предвидѣло большинство членовъ общаго собранія Государственнаго Совѣта, въ которомъ разсматривался проектъ означеннаго устава.

На основаніи вышеизложеннаго, Совѣтъ полагаетъ, что государственные экзамены въ нынѣшнемъ ихъ видѣ должны быть отмѣнены и всѣ испытанія по предметамъ читаемымъ въ Университетѣ должны быть предоставлены въ вѣдѣніе факультетовъ. При этомъ, въ виду того, что университетскій экзаменъ долженъ имѣть научный характеръ, весьма желательно возстановленіе для успѣшно окончившихъ курсъ ученой степени кандидата, существовавшей до 1884 г.

Оставаясь при томъ убѣжденіи, что провѣрка знанія лицъ, проходящихъ университетскій курсъ, должна принадлежать исключительно университетамъ, Совѣтъ, однако, ничего не имѣетъ въ принципѣ противъ государственнаго экзамена въ истинномъ его смыслѣ и значеніи. Онъ находитъ не только возможнымъ, но и желательнымъ установленіе со стороны государства спеціальныхъ повѣрочныхъ практическихъ испытаній для лицъ, желающихъ получить ту или иную государственную должность или пріобрѣсти право на извѣстную практическую дѣятельность. Подобныя испытанія существуютъ уже въ судебномъ вѣдомствѣ. Они могли бы быть установлены и въ другихъ вѣдомствахъ, напр. для полученія званія учителя гимназіи, врачебнаго инспектора, зубного врача, податного инспектора и т. п. Но всѣ эти испытанія не должны имѣть никакого прямого отношенія къ университету: они требуютъ своей особой организаціи, своихъ особыхъ программъ. Допущеніе къ нѣкоторымъ изъ этихъ испытаній должно быть обусловлено обязательнымъ представленіемъ университетскаго диплома. Такому-же испытанію должны подвергаться и лица, оканчивающія курсъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Докладъ X-й.

14) Какія мѣры желательны для сближенія профессоровъ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ?

Достиженіе указанныхъ въ этомъ пунктѣ цѣлей возможно только при возвращеніи Университетамъ академической свободы преподаванія и права воспитательныхъ воздѣйствій на студентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельно необходимо измѣнить нѣкоторыя другія условія, положившія печальную грань между профессоромъ и студентомъ, вопреки истиннымъ требованіямъ и задачамъ воспитанія.

Наиболѣе гибельными условіями для дѣла умственнаго и нравственнаго воздѣйствія на студентовъ оказались слѣдующія мѣры, имѣвшія мѣсто, отчасти, согласно Уставу, отчасти благодаря административнымъ теченіямъ и практикѣ.

1) Практиковавшаяся въ теченіи многихъ лѣтъ фактическая отмѣна избирательнаго начала въ профессорской коллегіи. Она породила въ средѣ русскаго общества, въ литературѣ и среди студентовъ недовѣріе къ научнымъ и нравственнымъ достоинствамъ профессорской коллегіи.

2) Это недовѣріе значительно усиливалось существованіемъ особой платы за чтеніе лекцій въ пользу профессоровъ. Такая плата, самый принципъ который противорѣчитъ русскимъ педагогическимъ воззрѣніямъ и преданіямъ, дискредитировала профессоровъ въ глазахъ студентовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ производила вредное нравственное вліяніе на самихъ профессоровъ.

3) Наиболѣе вреднымъ началомъ оказалось вытекавшее изъ Устава строгое ограниченіе, или, вѣрнѣе сказать, отмѣна *нравственнаго права профессоровъ входить въ отеческое, дружеское и педагогическое общеніе со студентами.* Весь строй университетской жизни, начиная съ 1885 года, носитъ характеръ недовѣрія къ профессорамъ и ревнивыхъ заботъ объ отдаленіи профессоровъ отъ студентовъ. Правда, гибельное значеніе этого, небывалаго въ русской жизни, теченія было замѣчено и признано самымъ Министерствомъ Народ. Просвѣщенія, и бывшій министръ Деляновъ въ одной изъ рѣчей, сказанныхъ студентамъ С.-Петербургскаго Университета въ періодъ волненій, рекомендовалъ студентамъ обращаться къ профессорамъ за совѣтомъ и высказалъ мысль, что *профессора, вѣроятно, не откажутся подать имъ добрый совѣтъ среди волнующихъ ихъ сомнѣній;* но, рядомъ съ такимъ, высказаннымъ вслухъ, разрѣшеніемъ, практика и начальственныя распоряженія строго наблюдали за исключительнымъ подчиненіемъ студентовъ инспекціи и ревниво оберегали ихъ отъ вліянія профессоровъ, стараясь ограничить дѣятельность послѣднихъ исключительно технически-научными занятіями.

4) Но, и въ области чисто научной жизни, академическая свобода Университетовъ была стѣснена примѣрными программами Министерства. Эти программы, имѣвшія почти обязательную силу, не могли не привести въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ пониженію научныхъ достоинствъ академическихъ курсовъ, вопреки волѣ профессоровъ, а это не могло не отразиться и на самомъ нравственномъ и научномъ вліяніи профессоровъ на студентовъ.

5) Скромный бюджетъ Министерства Народ. Просвѣщенія и систематическіе отказы, которыми Министерство отвѣчало на ходатайства Университета о расширеніи научно-вспомогательныхъ учрежденій и практическихъ занятій студентовъ, привели къ нѣкоторой неподвижности и ослабленію научной жизни и къ упадку того животрепещущаго интереса, который могла бы возбудить въ студентахъ наука, преподаваемая *во всей свѣжести* и *полнотѣ.*

6) Въ самыхъ студентахъ замѣчается ослабленіе той идеальной пытливости и жажды знанія, какою отличалось юношество прежняго времени. Какъ на одну изъ причинъ такого явленія, не чуждаго и другимъ Университетамъ, можно указать на поздній возрастъ студентовъ. По даннымъ Попечительскихъ отчетовъ $^{3}/_{4}$ всѣхъ поступающихъ въ Университетъ имѣютъ уже свыше 20-ти лѣтъ т. е. самое плодотвор-

ное время для слушанія высшихъ курсовъ протекаетъ для русскаго юношества въ стѣнахъ средней школы.

Независимо отъ устраненія изъ университетской жизни указанныхъ ненормальностей необходимо, для усиленія воспитательнаго вліянія профессоровъ на студентовъ, установить болѣе тѣсную нравственную связь между профессоромъ и студентомъ. Это возможно при томъ единственномъ условіи, если студенты будутъ *довѣрчиво отданы воздѣйствію профессорской коллегіи* не только по вопросамъ ихъ умственнаго развитія, но и въ дѣлѣ воспитанія и нравственнаго развитія. Достиженію этой цѣли могутъ содѣйствовать слѣдующія условія:

а) если правительство возвратитъ профессорской коллегіи и въ частности Совѣту Университета то довѣріе, которое въ настоящее время перенесено исключительно на Попечителя и инспекцію;

б) если Университетамъ будетъ возвращено ихъ коллегіальное управленіе;

в) если Совѣту Университета будетъ довѣрено русское юношество для развитія и руководства въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ;

г) если инспекція студентовъ или замѣняющая ее проректура станетъ органомъ Совѣта Университета;

д) если Совѣту Университета будетъ предоставлено право и инниціатива составленія правилъ для студентовъ, а равно и утвержденія уставовъ студенческихъ организацій и контроль надъ ними.

Докладъ XI-й.

15) Не слѣдуетъ ли допустить студенческія организаціи и собранія студентовъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ? Если слѣдуетъ, то какія и на какихъ условіяхъ? Не признаются ли полезными курсовые старосты, какъ посредники между студентами, профессорами и университетской администраціей?

Ст. 13 правилъ для студентовъ 16 мая 1885 г., признающая студентовъ отдѣльными посѣтителями университета и воспрещающая имъ вслѣдствіе этого всякія дѣйствія, носящія на себѣ характеръ корпоративный, не представляетъ собою какого-либо новаго правила, вошедшаго въ силу лишь съ новымъ университетскимъ уставомъ, потому что правила, дѣйствовавшія при уставѣ 1863 года, въ такихъ же выраженіяхъ воспрещали студентамъ всякія корпоративныя дѣйствія.

Такое отрицательное отношеніе къ коллективной дѣятельности студентовъ, безъ сомнѣнія, основывается на двухъ соображеніяхъ. Очевидно, съ одной стороны, предполагается, что этого рода дѣятельность отвлекала бы студентовъ отъ занятія науками и такимъ образомъ противорѣчила бы основной цѣли ихъ пребыванія въ университетѣ, а съ другой—существуетъ опасеніе, что, имѣя право сходокъ, организацій и денежныхъ сборовъ, студенты не удержатся въ границахъ дозволенныхъ имъ цѣлей, но будутъ пользоваться названнымъ правомъ и для цѣлей, не соотвѣтствующихъ видамъ правительства.

Какъ ни убѣдительны могутъ показаться на первый взглядъ эти соображенія, однако же послѣ того опыта, какой имѣли университеты въ теченіе многихъ лѣтъ съ примѣненіемъ указаннаго правила на

практикѣ, нельзя не прійти къ заключенію, что приведенныя соображенія недостаточны для оправданія полнаго запрета всякой корпоративной жизни среди студентовъ.

Дѣйствительно, съ одной стороны, наблюденіе студенческой жизни показываетъ, что въ средѣ студентовъ существуютъ извѣстныя коллективныя потребности, которыя, не представляя собою ничего опаснаго или предосудительнаго съ государственной и общественной точки зрѣнія, въ то же время могутъ быть надлежащимъ образомъ удовлетворяемы только коллективною дѣятельностью самихъ же студентовъ. Среди такихъ потребностей на первомъ планѣ стоитъ взаимопомощь. Большинство нашихъ студентовъ крайне бѣдно. Общественная благотворительность, а равнымъ образомъ пособія и стипендіи, выдаваемыя университетомъ, удовлетворяютъ лишь ничтожную долю студенческой нужды. Сверхъ того названные виды помощи представляютъ то неудобство, что они далеко не всегда доходятъ до наиболѣе нуждающихся студентовъ. При такихъ условіяхъ товарищеская помощь является необходимымъ дополненіемъ къ другимъ видамъ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, какъ потому, что фондъ, собранный самими студентами, служилъ бы немаловажною прибавкою къ другимъ фондамъ, изъ которыхъ выдаются пособія, такъ и потому, что сами студенты располагаютъ лучшими способами для констатированія дѣйствительной нужды среди студенчества, нежели лица, завѣдующія университетскими или общественными пособіями. Организованное товарищеское общеніе для различныхъ цѣлей, какъ напримѣръ, для обмѣна мыслей по разнымъ научнымъ и литературнымъ вопросамъ, для занятія музыкой или различными видами спорта, который въ послѣднее время начинаетъ все болѣе и болѣе пользоваться вниманіемъ молодежи, и наконецъ, даже просто для веселаго провожденія времени въ товарищескомъ кругу, является также настоятельною коллективною потребностью многихъ студентовъ, противъ нормальнаго удовлетворенія которой едва-ли что либо можно сказать съ точки зрѣнія общественнаго и государственнаго порядка. Наконецъ, можно указать еще на одну коллективную студенческую потребность, проявляющуюся въ томъ, что студенты слѣдятъ за поведеніемъ своихъ товарищей, подвергая порицанію и осужденію тѣ поступки ихъ, которые они считаютъ несовмѣстимыми съ честью и достоинствомъ студента. Такое щепетильное отношеніе къ студенческой чести настолько же законно со стороны сту-

дентовъ, насколько подобное же отношеніе къ офицерской чести непонятно въ офицерской средѣ.

Существующія правила не воспрещаютъ студентамъ участія въ учрежденіяхъ, обществахъ, библіотекахъ, кассахъ и т. п., вмѣстѣ съ лицами не принадлежащими къ числу студентовъ, насколько такое участіе допускается общими законами и правилами, установленными для этихъ учрежденій. Но какъ бы широко не было допущено участіе студентовъ въ обществахъ и учрежденіяхъ, не предназначенныхъ спеціально для студенчества, оно не можетъ пополнить тотъ пробѣлъ, который образуется въ жизни учащейся молодежи при невозможности для нея удовлетворять свои коллективныя потребности своими же собственными силами. Не говоря уже о томъ, что студенты не всегда могутъ найти готовыми и открытыми для нихъ такія учрежденія и общества, которыя соотвѣтствуютъ ихъ нуждамъ, во всѣхъ учрежденіяхъ и обществахъ, устраиваемыхъ лицами, не принадлежащими къ учащейся молодежи, студенты будутъ имѣть своими сочленами людей гораздо старше себя по возрасту. При такихъ условіяхъ стремленіе молодежи къ самодѣятельности не будетъ удовлетворено. Студенты, даже принятые въ число полноправныхъ членовъ какого-либо изъ подобныхъ обществъ, будутъ осуждены въ немъ на второстепенную роль, и ихъ взглядамъ, вкусамъ и стремленіямъ, большею частью столь отличнымъ отъ взглядовъ и стремленій людей старшихъ возрастовъ и пріобрѣвшихъ уже извѣстное общественное положеніе, не будетъ удѣлено достаточно вниманія.

Такимъ образомъ, вопросъ отнюдь не упраздняется тѣмъ, что отдѣльнымъ студентамъ можетъ быть открыта возможность участвовать на общихъ основаніяхъ въ какихъ либо клубахъ, собраніяхъ, читальняхъ и т. п. учрежденіяхъ, не имѣющихъ спеціально студенческаго характера. Дѣло именно въ томъ, чтобы дать возможность самому студенчеству заботиться объ удовлетвореніи своихъ коллективныхъ потребностей.

У насъ часто говорятъ, что русское студенчество не представляетъ почвы для появленія корпорацій на нѣмецкій ладъ. Это совершенно вѣрно въ томъ смыслѣ, что у насъ не могутъ привиться студенческіе союзы въ тѣхъ традиціонныхъ формахъ, которыя въ Германіи выработались историческимъ путемъ. Историческія основы нашихъ университетовъ другія, иной также характеръ нашей молодежи. Наконецъ, и средній уровень благосостоянія нашего студенчества значительно

ниже, чѣмъ въ Германіи. Все это ведетъ къ тому, что нѣмецкіе Corps, Burschenschaften и Landsmannschaften съ ихъ своеобразною жизнью вещь совершенно немыслимая среди нашего студенчества. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы среди нашей учащейся молодежи вообще не существовало потребности въ союзномъ строѣ. Потребность эта существуетъ, союзы возникаютъ и теперь, они разовьются еще шире, когда будутъ разрѣшены, хотя, конечно, и въ иной формѣ, чѣмъ въ Германіи.

Съ другой стороны, едва-ли справедливо видѣть въ той дѣятельности, какую студенты будутъ посвящать управленію кассами взаимопомощи и другими учрежденіями, а также литературнымъ, музыкальнымъ и спортивнымъ кружкамъ, потерю времени, которая пойдетъ во вредъ основной цѣли пребыванія студентовъ въ университетѣ, потому что указанныя выше задачи коллективной дѣятельности студентовъ никакъ нельзя считать вполнѣ чуждыми основнымъ задачамъ университета. Цѣли университета не только научныя и образовательныя, но и воспитательныя, а эти послѣднія достигаются не только дѣятельностью его преподавателей и властей, но и вліяніемъ студенческой среды. Слѣдовательно, все, что поднимаетъ и улучшаетъ эту среду, что содѣйствуетъ ея физическому и нравственному совершенствованію, въ то же время должно содѣйствовать воспитательному вліянію университета. Но развѣ развитіе въ студенческой средѣ учрежденій взаимопомощи, духа студенческой чести, распространеніе научныхъ, литературныхъ и спортивныхъ кружковъ не будетъ содѣйствовать улучшенію этой среды въ указанныхъ отношеніяхъ? Съ этой точки зрѣнія время, затраченное студентами на свои учрежденія и кружки, не можетъ считаться потеряннымъ для нихъ временемъ.

Остается вопросъ, не требуется ли воспрещеніе всякихъ коллективныхъ дѣйствій со стороны студентовъ интересами порядка и спокойствія университетской жизни?

Совѣтъ Университета Св. Владиміра полагаетъ, что на основаніи опыта предшествующихъ лѣтъ, онъ долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Онъ утверждаетъ, что ничто не доказываетъ, чтобы съ отмѣною указаннаго запрета, правильное теченіе университетской жизни подверглось большимъ нарушеніямъ, чѣмъ оно подвергалось до настоящаго времени, и что, напротивъ, многое заставляетъ надѣяться, что нарушенія эти станутъ рѣже, когда коллективнымъ потребностямъ студенчества будетъ открытъ путь нормальнаго удовлетворенія.

Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего ни для кого не составляетъ тайны, что правило, въ силу котораго студенты считаются отдѣльными посѣтителями университета, не имѣющими между собою ничего общаго, кромѣ занятія науками, на дѣлѣ никогда не выполнялось. Еще въ 1880 г. на запросъ Министерства Народнаго Просвѣщенія университеты отвѣтили, что правила, отрицавшія корпоративность студентовъ и воспрещавшія имъ всякаго рода коллективныя дѣйствія, всегда нарушались, при чемъ совѣтъ Московскаго университета между прочимъ замѣтилъ, «что существованіе вспомогательныхъ студенческихъ кассъ въ университетахъ никогда не прекращалось», и что «есть кассы, которыя существуютъ болѣе 10 лѣтъ, выработали правильную организацію и распоряжаются каждый годъ многими тысячами рублей»[1]. Что подобныя кассы существуютъ и въ настоящее время, это извѣстно всѣмъ болѣе или менѣе знакомымъ съ жизнью нашего студенчества. Какую роль играли во всей новѣйшей исторіи русскихъ университетовъ студенческія сходки и переговоры съ университетскимъ начальствомъ отъ имени студенчества — это также фактъ общеизвѣстный. Наконецъ, русскіе студенты имѣютъ и свои союзы въ формѣ землячествъ, преслѣдующихъ разнообразныя цѣли въ сферѣ коллективныхъ потребностей студенчества. Землячества возникли, повидимому, въ концѣ 70-хъ годовъ. Въ концѣ 80-хъ онѣ достигли уже значительнаго распространенія среди студентовъ Московскаго университета, а затѣмъ начали охватывать и другіе университеты, дѣлая попытки къ взаимному объединенію и къ созданію общей организаціи русскаго студенчества.[2])

Едва-ли можно ставить всѣ эти факты на счетъ бездѣятельности и попустительства университетскихъ властей, не достаточно строго слѣдящихъ за выполненіемъ установленныхъ правилъ. Продолжительная исторія нашихъ университетскихъ волненій показываетъ, что въ строгихъ мѣрахъ противъ участниковъ сходокъ недостатка не было, но что

[1]) А. *Георгіевскій.* Краткій историческій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ, С.-Петербургъ, 1890, стр. 55—57.

[2]) Упоминанія о землячествахъ встрѣчаются въ названной книгѣ А. *Георгіевскаго* (стр. 177 и др.). Подробное изслѣдованіе ихъ возникновенія и дѣятельности даетъ проф. князь *Е. Н. Трубецкой* въ запискѣ (не напечатанной), находящейся въ распоряженіи Совѣта Кіевскаго Университета

эти мѣры не препятствовали тому, чтобы черезъ нѣкоторое время сходки возникали вновь. Что же касается тайныхъ студенческихъ кассъ и тайныхъ обществъ, то университетское начальство просто не имѣетъ средствъ борьбы съ ними. Такая борьба является уже дѣломъ полиціи. Но не смотря на то, что послѣднюю нельзя упрекнуть ни въ бездѣятельности, ни въ неумѣлости, ей не удалось до сихъ поръ справиться съ тайными студенческими организаціями. И это вполнѣ понятно. Союзность представляетъ собою непреодолимую потребность людей. Вездѣ, гдѣ встрѣчаются люди съ общими интересами, они стремятся войти между собою въ сношенія и въ соглашеніе по поводу этихъ интересовъ. Потому и взглядъ на студентовъ, какъ на отдѣльныхъ посѣтителей университета всегда останется только фикціей. Нельзя довольствоваться возраженіемъ, что студенты еще не полноправные граждане. Большинство ихъ находится уже въ такомъ возрастѣ, когда люди пользуются гражданскою правоспособностью. Во всякомъ случаѣ, они сознаютъ свои общіе интересы и имѣютъ горячее желаніе ихъ отстаивать.

Итакъ, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: что лучше, съ точки зрѣнія порядка и спокойнаго теченія университетской жизни, оставить ли существующее теперь запрещеніе всякой коллективной дѣятельности студентовъ и имѣть дѣло съ нелегальными сходками и нелегальными студенческими организаціями, или же признать законность коллективныхъ студенческихъ потребностей, стараясь урегулировать ихъ удовлетвореніе и направить ихъ въ надлежащее русло?

Совѣтъ Университета Св. Владиміра, не колеблясь, высказывается въ пользу второго рѣшенія этого вопроса, такъ какъ онъ полагаетъ, что признаніе за студентами права коллективныхъ дѣйствій сдѣлаетъ ихъ въ общей массѣ болѣе спокойными и не въ такой степени поддающимися вліянію посторонней агитаціи, въ какой это имѣетъ мѣсто въ настоящее время.

Совѣтъ основываетъ свое заключеніе на слѣдующихъ соображеніяхъ.

1) При современномъ положеніи вещей, когда студенческія организаціи являются запрещеннымъ плодомъ, въ нихъ поступаютъ наиболѣе безпокойные элементы студенчества, потому что болѣе благоразумные студенты чуждаются нелегальныхъ путей. Такимъ образомъ, организацію, а слѣдовательно и силу, получаетъ именно та часть студенчества, которая наиболѣе склонна волноваться, тогда какъ остальные студенты, которые при иныхъ условіяхъ могли бы оказать под-

держку порядку, остаются разрозненными и безсильными противъ агитацiи. Напротивъ, при возможности законной организацiи для всѣхъ студентовъ, болѣе спокойная часть студенчества, составляющая, по всей видимости, большинство, получитъ возможность оказать отпоръ своимъ безпокойнымъ коллегамъ.

2) Въ настоящее время всякая сходка считается проступкомъ со стороны студентовъ. Поэтому случается, что сходки, вызванныя самыми невинными поводами, влекутъ за собою наказанiе участниковъ. Наказанiе раздражаетъ студентовъ и ведетъ къ новымъ противозаконнымъ поступкамъ съ ихъ стороны. Отсюда новыя репрессiи со стороны университетскаго начальства, и такимъ образомъ ничтожный случай иногда разростается во всероссiйскiй инцидентъ. Признанiе законности коллективныхъ дѣйствiй студентовъ уменьшитъ число поводовъ къ столкновенiямъ между студентами и университетскимъ начальствомъ, а, слѣдовательно, уменьшитъ и число поводовъ къ безпорядкамъ.

3) Въ настоящее время студенческiя сходки представляютъ собою безпорядочную толпу, до крайности нервную и возбужденную. Это происходитъ отчасти вслѣдствiе многолюдности сходокъ, отчасти вслѣдствiе того, что болѣе спокойные и разсудительные студенты чуждаются сходокъ, какъ явленiя нелегальнаго; отчасти, наконецъ, потому, что сознанiе риска, которому подвергаютъ себя участвующiе въ сходкѣ, дѣлаетъ ихъ нервными и неспособными къ спокойному обсужденiю дѣлъ. Признанiе за студентами права коллективныхъ дѣйствiй и совѣщанiй устранитъ двѣ послѣднiя причины безпорядочности сходокъ, если же сверхъ того поголовныя собранiя студентовъ будутъ замѣнены собранiемъ курсовыхъ представителей, то отпадетъ и первая причина безпорядочности студенческихъ совѣщанiй—ихъ чрезмѣрное многолюдство. Сами студенты едва-ли будутъ что либо имѣть противъ такой замѣны, потому что она вполнѣ соотвѣтствуетъ понятiямъ о справедливомъ распредѣленiи общественныхъ правъ и обязанностей, а между тѣмъ въ интересахъ порядка и спокойнаго теченiя университетской жизни она является весьма желательной. Многолюдная толпа легко поддается тенденцiознымъ слухамъ и измышленiямъ; подъ влiянiемъ возбужденiя она легко переходитъ къ насильственнымъ дѣйствiямъ; отдѣльныя лица, участвующiя въ ней, слабо сознаютъ лежащую на нихъ отвѣтственность; наконецъ, въ толпѣ студентовъ могутъ скрываться постороннiе агитаторы, не принадлежащiе къ студенчеству. Со-

всѣми иными свойствами во всѣхъ этихъ отношеніяхъ будетъ обладать собраніе студенческихъ выборныхъ.

4) Запрещеніе студентамъ коллективныхъ дѣйствій вызываетъ въ нихъ недовольство существующими университетскими порядками и уже потому является однимъ изъ поводовъ къ возникновенію безпорядковъ. Съ отмѣною этого воспрещенія однимъ поводомъ къ неудовольствію станетъ меньше.

5) Совмѣстная дѣятельность, направленная къ удовлетворенію общихъ студенческихъ потребностей даетъ исходъ молодымъ силамъ и такимъ образомъ уменьшитъ наклонность учащейся молодежи заниматься вопросами, которые не касаются ея непосредственно.

6) Наконецъ, допустивъ легальное существованіе студенческихъ учрежденій и союзовъ, правительство тѣмъ самымъ даетъ возможность университетамъ подчинить ихъ своему вліянію и контролю, отъ котораго они въ настоящее время совершенно ускользаютъ.

Совѣтъ Университета Св. Владиміра, конечно, не рѣшается утверждать, что съ разрѣшеніемъ студентамъ коллективныхъ дѣйствій волненія учащейся молодежи совершенно и на всегда прекратятся, такъ какъ нельзя ручаться, что возникнутъ такого рода обстоятельства, при которыхъ не только легко возбуждающаяся часть студенства, но и болѣе спокойно настроенное большинство сочтетъ себя обязанной выразить «протестъ». Какъ извѣстно, именно къ такимъ протестамъ и сводится во многихъ случаяхъ сущность студенческихъ волненій. И если поводъ къ «протесту» покажется достаточнымъ для большинства студентовъ, то ручаться за сохраненіе спокойствія въ университетахъ нельзя и при существованіи студенческихъ организацій. Вообще продолжительная исторія нашихъ студенческихъ волненій показываетъ, что причину ихъ нельзя видѣть въ однѣхъ только условіяхъ университетской жизни, а потому нельзя надѣяться, чтобы какія бы то ни было перемѣны въ строѣ университетовъ и въ жизни студенчества могли привести къ окончательному исцѣленію этого зла. Но изложенныя выше соображенія заставляютъ надѣяться, что число поводовъ къ безпорядкамъ уменьшится, если за студентами будетъ признано право организаціи, и если организація ихъ будетъ подчинена извѣстной регламентаціи и контролю. Но и независимо отъ этого, нельзя также игнорировать того обстоятельства, что съ разрѣшеніемъ студентамъ коллективныхъ дѣйствій будутъ удовлетворены нормальныя потребности университетской молодежи, ограниченіе которыхъ является для нея въ настоящее время не-

маловажнымъ лишеніемъ и, сверхъ того, ведетъ къ пониженію общаго нравственнаго уровня студенчества.

Не въ первый уже разъ русскіе университеты высказывались за дозволеніе студентамъ коллективныхъ дѣйствій. Такъ, въ 1878 г. совѣтъ Петербургскаго университета представилъ попечителю Петербургскаго учебнаго округа записку, въ которой между прочимъ было сказано: «Полезно открыть студенчеству возможность общенія, какъ у себя дома, такъ и въ особыхъ учрежденіяхъ, приспособленныхъ къ его потребностямъ. Общеніе это несомнѣнно содѣйствовало бы смягченію нравовъ учащихся и успѣшному ходу ихъ научныхъ работъ». [1]) Въ 1880 г. всѣ университеты, за исключеніемъ Казанскаго, который не затрогивалъ этого вопроса, высказались въ пользу корпоративнаго устройства быта студентовъ. Особенно обстоятельно былъ разработанъ этотъ вопросъ въ представленіи 33 профессоровъ Харьковскаго университета. «Лучшее устройство студентовъ, говорится здѣсь, то, которое, принимая во вниманіе, что студентъ уже не ученикъ, но еще и не гражданинъ, создаетъ для него особую сферу, товарищескую среду, товарищескую корпорацію, имѣющую свои матеріальные и нравственные интересы, свои права и обязанности, свое общественное мнѣніе и восполняющую отчасти для молодого человѣка недостатокъ семьи. Корпоративная жизнь даетъ выходъ молодымъ силамъ, жаждущимъ дѣятельности практической... Необходимо легально признать существованіе фактически существующаго общества студентовъ всѣхъ курсовъ и факультетовъ безъ различія народностей и областнаго происхожденія. Слѣдуетъ имѣть въ виду не подавленіе, а развитіе естественныхъ стремленій молодыхъ людей, товарищей по ученію къ сближенію между собою, а также къ сближенію и съ учащими элементами.»—Петербургскій университетъ даже составилъ (въ томъ же году) проектъ правилъ о студенческихъ сходкахъ и товариществахъ. [2])

Не только университеты, но и посторонія вѣдомства иногда высказывались за дозволеніе студенческихъ организацій. Такъ, въ этомъ смыслѣ высказалась въ 1881 г. комиссія временнаго совѣта при С.-Петербургскомъ градоначальникѣ [3]).

[1]) *А. Георгіевскій*, указанное выше изслѣдованіе, стр. 17.

[2]) Ibidem, стр. 57, 60 и 62.

[3]) Ibidem, стр. 84.

Такимъ образомъ и раньше со стороны вполнѣ компетентныхъ органовъ высказывалась мысль, что удовлетвореніе потребности студентовъ въ корпоративномъ строѣ желательно какъ въ чисто воспитательныхъ цѣляхъ, такъ и въ видахъ ослабленія поводовъ къ университетскимъ безпорядкамъ.

Что касается *курсовыхъ старостъ*, подъ которыми въ настоящее время подразумѣваются студенты, избираемые своими товарищами для переговоровъ съ преподавателями по учебнымъ дѣламъ, для изданія профессорскихъ записокъ, для исполненія нѣкоторыхъ порученій преподавателей при практическихъ занятіяхъ и т. д., то полезность этого института на многолюдныхъ курсахъ доказана опытомъ и не можетъ быть оспариваема.

Итакъ, Совѣтъ Университета Св. Владиміра считаетъ необходимымъ дать утвердительный отвѣтъ на 1-й и 3-й пункты 15 вопроса (не слѣдуетъ ли допустить студенческія организаціи и собранія студентовъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ? и не признаются ли полезными курсовые старосты, какъ посредники между студентами, профессорами и университетской администраціей?).

Переходя затѣмъ ко 2-му пункту того же вопроса (какія студенческія организаціи и собранія и на какихъ условіяхъ могутъ быть допущены?), Совѣтъ высказываетъ нижеслѣдующія соображенія.

Организацію студентовъ можно представить себѣ или пріуроченною къ отдѣльнымъ курсамъ и факультетамъ, построенною по одной схемѣ и обнимающею такимъ образомъ всѣхъ студентовъ университета, или же существующею независимо отъ отдѣльныхъ курсовъ и факультетовъ, подъ видомъ студенческихъ кружковъ, вступленіе въ которые поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія каждаго отдѣльнаго студента. Вторая изъ этихъ формъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ первой, такъ какъ она даетъ возможность студентамъ группироваться сообразно вкусамъ, наклонностямъ и стремленіямъ, тогда какъ при курсовой организаціи окажутся связанными между собою студенты, большинство которыхъ, быть можетъ, не имѣетъ между собою ничего общаго, кромѣ слушанія однѣхъ и тѣхъ же лекцій и приготовленія къ однимъ и тѣмъ же экзаменамъ. При томъ же курсовая организація имѣла бы болѣе или менѣе принудительный характеръ: она распространялась бы и на такихъ студентовъ, которые не ощу-

щаютъ въ ней потребности, между тѣмъ какъ въ кружки будутъ поступать лишь тѣ студенты, которые сами этого желаютъ. Все это даетъ возможность надѣяться, что кружковая организація явится болѣе жизнеспособнымъ институтомъ, чѣмъ могла бы быть организація курсовая. Во всякомъ случаѣ она возникаетъ и будетъ развиваться именно въ той мѣрѣ, въ какой само студенчество ощущаетъ въ ней потребность. Черезъ посредство такой организаціи студенты могутъ удовлетворять потребности взаимопомощи, саморазвитія, совмѣстнаго занятія изящными искусствами и спортомъ и простого товарищескаго общенія.

Что касается отдѣльныхъ курсовъ, то въ качествѣ *постояннаго* органа они нуждаются только въ курсовыхъ старостахъ, завѣдующихъ учебными дѣлами курса, такъ какъ и самая группировка студентовъ по курсамъ имѣетъ учебную основу.

Но сверхъ обычныхъ коллективныхъ потребностей студенчества, удовлетвореніе которыхъ можетъ совершаться черезъ посредство студенческихъ кружковъ и сверхъ текущихъ учебныхъ дѣлъ курса, завѣдываніе которыми можетъ быть поручено курсовымъ старостамъ, наше студенчество, какъ показываетъ исторія университетскихъ волненій, отъ времени до времени заинтересовывается дѣлами и вопросами, которые трудно подвести подъ какую-нибудь опредѣленную категорію, и настойчиво стремится обсуждать ихъ на общеуниверситетскихъ или курсовыхъ сходкахъ. Полное отрицаніе за студентами права на такія сходки и совѣщанія, какъ уже сказано выше, не дало хорошихъ результатовъ. Но, съ другой стороны, и признавать сходки явленіемъ нормальнымъ, ставя ихъ въ зависимость единственно отъ усмотрѣнія студентовъ, значило бы подвергать правильное теченіе университетской жизни слишкомъ большимъ опасностямъ. Поэтому, какъ кажется, лучше всего было бы допускать студенческія совѣщанія (за исключеніемъ кружковыхъ и тѣхъ, которыя имѣютъ цѣлью избраніе старосты, распредѣленіе экзаменующихся на группы и т. п. дѣла) не иначе, какъ съ разрѣшенія Совѣта Университета по докладу ректора, при чемъ, само собою разумѣется, должны быть разрѣшаемы студенческія совѣщанія лишь по такимъ вопросамъ, которые касаются студенческихъ интересовъ. Помимо того, по причинамъ указаннымъ выше, многолюдность студенческихъ совѣщаній должна быть устранена путемъ замѣны поголовныхъ сходокъ собраніемъ выборныхъ отъ курсовъ (напримѣръ, по одному на каждые 20 человѣкъ). Если на совѣщаніе собирается только одинъ курсъ, то и тогда непоголовная сходка можетъ быть допущена только при его мало-

численности (напримѣръ, если численность курса не превышаетъ 50 человѣкъ). Въ противномъ случаѣ онъ долженъ ограничиться собраніемъ выборныхъ.

Касаясь нѣкоторыхъ подробностей кружковой организаціи и студенческихъ совѣщаній, Совѣтъ Университета Св. Владиміра находитъ необходимымъ замѣтить нижеслѣдующее.

Выработка уставовъ для отдѣльныхъ кружковъ, такъ же, какъ иниціатива ихъ учрежденія должна быть предоставлена самимъ студентамъ, потому что лишь при такомъ условіи кружки могутъ быть достаточно приспособлены къ потребностямъ студенчества. Но проекты уставовъ, составленныхъ учредителями, должны проходить черезъ Совѣтъ университета и получать силу не иначе, какъ по утвержденіи Совѣтомъ. Кружки не должны непремѣнно имѣть форму «землячествъ», т. е. союзовъ, объединяющихъ студентовъ, происходящихъ изъ одной и той же мѣстности или окончившихъ одну и ту же гимназію, но нѣтъ основанія и воспрещать студентамъ эту форму кружковъ. Контроль надъ дѣятельностью кружковъ со стороны университета можетъ выражаться въ томъ, что каждый кружокъ долженъ выбрать себѣ попечителя изъ числа преподавателей университета. Попечитель долженъ будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы кружокъ не уклонялся отъ разрѣшенныхъ ему цѣлей, а также повѣрять денежную отчетность кружка и руководить его членовъ своими совѣтами, если въ томъ встрѣтится надобность. Въ случаѣ существенныхъ уклоненій кружка отъ разрѣшенія дѣла онъ долженъ быть закрытъ по постановленію Совѣта университета. Но контроль надъ дѣятельностью кружковъ во всякомъ случаѣ не долженъ быть слишкомъ навязчивъ, такъ какъ иначе легальные кружки потеряютъ всякую привлекательность для студентовъ, что послужитъ поводомъ къ усиленію кружковъ нелегальныхъ.—Не лишенъ значенія вопросъ, въ какихъ помѣщеніяхъ могутъ быть допущены собранія кружковъ. Могутъ ли онѣ быть допускаемы въ зданіи университета или нѣтъ? Совѣтъ Университета Св. Владиміра полагаетъ, что въ зданіи университета могутъ быть допущены только собранія учредителей и членовъ кружковъ взаимопомощи и самообразованія (конечно въ неучебные часы и въ помѣщеніяхъ, указанныхъ инспекціею). Остальные же кружки должны подыскивать себѣ помѣщенія внѣ зданія университета.

Студенческія совѣщанія, разрѣшенныя Совѣтомъ Университета могутъ быть допускаемы и въ зданіи Университета. На нихъ необхо-

димо присутствіе представителя университетской инспекціи (или соотвѣтствующаго органа), который долженъ объявить собраніе закрытымъ, если на немъ возникнутъ безпорядки или если оно начнетъ обсуждать неразрѣшенные вопросы. Студенты, не покинувшіе собранія послѣ такого объявленія, должны подвергаться отвѣтственности.—Выборы студенческихъ уполномоченныхъ должны производиться спеціально для каждаго совѣщанія, разрѣшеннаго Совѣтомъ Университета. Эти выборы должны происходить по курсамъ и должны быть по возможности упрощены, т. е. они должны происходить по запискамъ, а не посредствомъ баллотировочныхъ ящиковъ.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній правила о коллективныхъ дѣйствіяхъ студентовъ могли бы быть изложены слѣдующимъ образомъ.

А. О студенческихъ кружкахъ.

§ 1. Студентамъ Университетовъ разрѣшается учреждать товарищескіе кружки для слѣдующихъ цѣлей:

а) для устройства кассъ взаимопомощи;

б) для занятія наукою и литературою въ видахъ самообразованія;

в) для занятія музыкой, пѣніемъ или другимъ видомъ изящныхъ искусствъ;

г) для занятія какимъ-либо видомъ спорта;

д) для организаціи экскурсій и разнаго рода приличныхъ развлеченій на товарищескихъ началахъ.

Каждый кружокъ можетъ предназначаться или для одной или для нѣсколькихъ изъ указанныхъ цѣлей.

§ 2. Къ каждому студенческому кружку могутъ принадлежать студенты различныхъ курсовъ и факультетовъ.

§ 3. Кружокъ можетъ быть учрежденъ въ томъ случаѣ, если объ учрежденіи его заявятъ желаніе не менѣе десяти слушателей Университета. Заявленіе дѣлается ректору Университета съ приложеніемъ проекта устава кружка.

§ 4. Утвержденіе уставовъ студенческихъ кружковъ предоставляется Совѣту Университета.

§ 5. Каждый кружокъ долженъ избрать себѣ попечителя изъ числа преподавателей Университета. Попечитель кружка имѣетъ право присутствовать на собраніяхъ его членовъ. На обязанности его ле-

жить повѣрка денежной отчетности кружка и наблюденіе за тѣмъ, чтобы кружокъ не уклонялся отъ дозволенныхъ ему цѣлей. Сверхъ того, онъ долженъ, въ случаѣ надобности, помогать кружку своими совѣтами и руководствомъ.

§ 6. Собранія учредителей и членовъ кружковъ взаимопомощи и самообразованія могутъ происходить и въ зданіи Университета въ неучебные часы и въ помѣщеніяхъ, указанныхъ инспекціей.

§ 7. Въ случаѣ существенныхъ уклоненій кружка отъ дозволенныхъ ему цѣлей, Совѣтъ Университета, по докладу ректора, дѣлаетъ распоряженіе о его закрытіи.

Б. О курсовыхъ старостахъ.

§ 8. Студентамъ отдѣльныхъ курсовъ дозволяется избирать изъ своей среды старостъ, которымъ поручаются переговоры съ преподавателями или съ деканомъ отъ лица курса по учебнымъ дѣламъ.

§ 9. Староста долженъ быть одинъ на цѣлый курсъ.

В. О студенческихъ совѣщаніяхъ.

§ 10. Въ особенно важныхъ случаяхъ Совѣтъ Университета можетъ разрѣшить студентамъ отдѣльныхъ курсовъ или всего Университета совѣщанія по вопросамъ, касающимся интересовъ студенчества, но не подходящимъ подъ случаи, упомянутые въ предыдущихъ параграфахъ.

§ 11. Совѣщанія студентовъ на многолюдныхъ курсахъ (свыше 50 человѣкъ), а также совѣщанія студентовъ всего Университета могутъ происходить лишь черезъ посредство студенческихъ выборныхъ, избираемыхъ спеціально для даннаго случая. Способъ избранія и число выборныхъ опредѣляются Совѣтомъ Университета.

§ 12. Совѣщаніе происходитъ въ неучебные часы въ помѣщеніи, указанномъ инспекціей. На совѣщаніи долженъ присутствовать представитель инспекціи, который объявляетъ совѣщаніе закрытымъ, если на немъ произойдутъ безпорядки или если совѣщаніе начнетъ обсуждать недозволенные ему вопросы. Студенты, не покинувшіе совѣщанія послѣ такого объявленія, подвергаются отвѣтственности.

Докладъ XII-й.

16) Не слѣдуетъ-ли возстановить университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ?

Возвращеніе къ началамъ университетскаго строя по уставу 1863 г. дѣлаетъ необходимымъ возстановленіе университетскаго суда по дѣламъ о проступкахъ студентовъ.

Компетенція университетскаго суда по уставу 1863 г. въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ 1884 г. замѣнена компетенціей Правленія, которое такимъ образомъ соединяетъ и административныя и судебныя функціи. Такой порядокъ имѣетъ то существенное неудобство, что возлагаетъ всю отвѣтственность на однихъ и тѣхъ-же лицъ. Раздѣленіе функцій административныхъ и судебныхъ представляется посему желательнымъ.

Компетенція университетскаго суда должна быть расширена въ сравненіи съ § 58 Устава 1863 г., по коему вѣдѣнію университетскаго суда подлежали: 1) дѣла о нарушеніи студентами въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядка, особыми правилами каждаго изъ нихъ установленнаго и 2) дѣла о столкновеніяхъ между студентами съ одной стороны и преподавателями и должностными лицами университетскими съ другой. Мыслимы такіе проступки, которые съ точки зрѣнія общаго закона и не вызываютъ преслѣдованія, но тѣмъ не менѣе виновный въ такомъ проступкѣ представляется неудобнымъ и нежелательнымъ членомъ студенческаго общества. Университетскій судъ долженъ стоять на стражѣ чистоты нравовъ и порядочности студенческаго общества, и посему вѣдѣнію университетскаго суда могутъ подлежать и (3) проступки студентовъ въ отношеніи къ лицамъ постороннимъ универси-

тету; по жалобамъ послѣднихъ университетскому начальству, университетскій судъ производитъ разслѣдованіе, выслушиваетъ сторонъ и постановляетъ свой приговоръ. Во всякомъ случаѣ университетскій судъ разсматриваетъ дѣла не иначе какъ по предложенію Правленія.

Высшею мѣрою наказанія является удаленіе виновнаго изъ университета; за менѣе важные проступки университетскій судъ можетъ приговорить виновнаго къ аресту съ тѣмъ, что, въ случаѣ нежеланія обвиненнаго подчиниться этому приговору, такой студентъ подвергается удаленію изъ университета.

Правила о взысканіяхъ и о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ составляются и утверждаются Совѣтомъ.

Составъ университетскаго суда, въ сравненіи съ § 56 Устава 1863 г., долженъ быть увеличенъ, такъ чтобы каждый факультетъ имѣлъ въ судѣ своего представителя; къ этимъ четыремъ членамъ суда, избираемымъ Совѣтомъ, присоединяется избираемый-же Совѣтомъ предсѣдатель. Одинъ изъ членовъ, по предложенію предсѣдателя, исполняетъ обязанности секретаря. Члены и предсѣдатель избираются изъ профессоровъ, не занимающихъ административныхъ должностей въ университетѣ, на одинъ годъ, съ допущеніемъ повторенія избранія одного и того-же лица. На тотъ-же срокъ избираются и кандидаты къ членамъ, которые замѣняютъ отсутствующаго члена; въ случаѣ отсутствія предсѣдателя обязанности его исполняются старшимъ по службѣ изъ членовъ, а мѣсто послѣдняго занимаетъ кандидатъ, по принадлежности къ факультету.

Засѣданія университетскаго суда происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

17) Не слѣдуетъ-ли, независимо отъ сего, ввести особый студенческій (товарищескій) судъ спеціально для разбора поступковъ студентовъ, противныхъ правиламъ чести? Если слѣдуетъ, то каковы должны быть организація сего суда, контроль надъ нимъ и его отношеніе къ университетскому начальству?

Положительный отвѣтъ на вопросъ № 15 о допустимости студенческихъ организацій заключаетъ въ себѣ и принципіальное разрѣшеніе вопроса № 17 о студенческомъ судѣ.

Всякое сообщество руководствуется въ предоставленной ему сферѣ дѣятельности, сверхъ общаго закона, еще и спеціальными нормами,

вырабатываемыми этическими взглядами среды. Опыть показываетъ, что и до настоящаго времени, когда студенты лишены какой-бы то ни было организаціи и считаются единичными посѣтителями университета, студенчество прибѣгало къ самосуду, проявляя большую строгость къ такимъ проступкамъ товарищей, которые съ точки зрѣнія общаго закона или студенческихъ правилъ и не вызывали-бы преслѣдованія и репрессіи. Сказаннымъ устраняется выраженный нѣкоторыми изъ членовъ Совѣта взглядъ, будто бы существованіе университетскаго (профессорскаго) суда дѣлаетъ излишнимъ допущеніе суда студенческаго. Разъ студенты получатъ организацію, то существовавшія и доселѣ, хотя и лишенныя признанія, условія выработки своеобразныхъ представленій о проступкахъ противныхъ правиламъ студенческой этики, получатъ возможность дальнѣйшаго развитія; собственное сознаніе среды отнесется къ поступкамъ членовъ среды съ большею чуткостью и строгостью, чѣмъ стоящій внѣ этой среды и надъ этою средою судъ университетскій. Характеръ студенческаго суда, какъ суда чести, какъ суда товарищескаго, устраняетъ возможность кодифицированія тѣхъ правилъ, какими долженъ руководствоваться этотъ судъ при разсмотрѣніи поступковъ противныхъ требованіямъ студенческой чести; это не значитъ, что товарищескій судъ свободенъ въ своей дѣятельности отъ соблюденія какихъ бы то ни было правилъ; судъ студенческій будетъ отличаться большею чуткостью и отзывчивостью по тѣмъ вопросамъ, которые не вызовутъ ни преслѣдованія, ни репрессіи со стороны университетскаго суда; за предѣлами компетенціи сего послѣдняго остаются болѣе чувствуемые, чѣмъ сознаваемые оттѣнки въ поведеніи членовъ среды, дающіе поводъ къ сужденію, могущему привести и къ осужденію.—Признавая принципіально желательнымъ учрежденіе студенческаго (товарищескаго) суда чести, необходимо остановиться на вопросѣ объ отношеніи сего суда къ суду университетскому (профессорскому).

Оба эти суда руководствуются въ своей дѣятельности различными точками зрѣнія,—судъ университетскій примѣняетъ писанныя нормы «правилъ», судъ студенческій является блюстителемъ неписаннаго кодекса товарищеской этики; не одинаковы и результаты сужденія обоихъ судовъ: только университетскій судъ можетъ приговорить виновнаго къ удаленію изъ университета, или другому наказанію, тогда какъ судъ товарищескій въ правѣ лишь выразить порицаніе. Посему оба эти суда не могутъ быть поставлены одинъ въ отношеніи къ другому въ качествѣ

двухъ инстанцій — низшей и высшей: это суды двухъ разныхъ порядковъ, а не однородной компетенціи; вслѣдствіе сего, на приговоръ студенческаго суда не можетъ быть апелляціи къ суду профессорскому. Создать между обоими судами отношеніе инстанцій первой и апелляціонной или ревизіонной не представляется цѣлесообразнымъ, такъ какъ мѣра взысканія, принятая товарищескимъ судомъ, въ случаѣ отмѣны ея судомъ университетскимъ, все же сохранила бы свое значеніе въ глазахъ студентовъ, что привело бы лишь къ умаленію авторитета профессорскаго суда. По тѣмъ же соображеніямъ судъ университетскій не долженъ быть обвинительною камерой въ отношеніи къ суду студенческому.

Судъ студенческій долженъ вѣдать исключительно проступки студентовъ и взаимныя между студентами недоразумѣнія; ему неподвѣдомы столкновенія студентовъ съ лицами посторонними, — дѣла послѣдняго рода можетъ разсматривать университетскій судъ по предложенію Правленія.

Студенческій судъ принимаетъ къ своему разсмотрѣнію дѣла либо по жалобѣ потерпѣвшаго, либо по требованію товарищей.

Приговоръ студенческаго суда, въ случаѣ обвиненія, выражается въ порицаніи.

Судъ студенческій постановляетъ приговоръ по выслушаніи обвиняемаго; но неявка его на вызовъ, надлежащимъ образомъ ему объявленный, не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла и постановленія приговора.

Студенческій судъ состоитъ изъ 5 членовъ, по одному представителю отъ историко-филол. факультета, юридическаго и медицинскаго и двухъ представителей отъ обоихъ отдѣленій физико-математич. ф.; въ члены суда избираются лишь студенты старшаго курса каждаго факультета, а въ кандидаты избираются студенты 3-го курса и.-ф., юрид., физ.-матем., и 4-го курса медиц. Члены и кандидаты избираются соотвѣтствующими курсовыми собраніями въ началѣ каждаго года.

Студенческій судъ созывается, по мѣрѣ надобности, тѣми членами, къ факультету которыхъ принадлежитъ обвиняемый. Предсѣдатель избирается членами на каждое отдѣльное дѣло изъ ихъ среды.

Въ засѣданіяхъ студ. суда могутъ присутствовать, безъ права голоса, кандидаты въ судьи и старосты.

Предсѣдатель открываетъ и закрываетъ засѣданіе, предлагаетъ обвиняемому и свидѣтелямъ вопросы, охраняетъ порядокъ и провозглашаетъ приговоръ.

Тотъ изъ членовъ суда, который приглашаетъ другихъ сочленовъ въ засѣданіе, доводитъ до свѣдѣнія проректора о времени засѣданія и о дѣлахъ подлежащихъ разсмотрѣнію.—Предсѣдатель сообщаетъ проректору содержаніе обвиненія и приговора.

Засѣданія студенческаго суда происходятъ только въ послѣобѣденные часы, въ дни свободные отъ занятій, въ зданіи университета, въ помѣщеніи, отводимомъ по распоряженію проректора.

Докладъ XIII-й.

18) Какія измѣненія желательно ввести въ постановку университетской инспекціи?

Въ постановкѣ инспекціи по уставу 1884-го года нельзя не усмотрѣть существенныхъ недостатковъ.

1. Инспекція поставлена неудовлетворительно въ отношеніи самаго существа ея дѣятельности. Уставъ и инструкціи не указываютъ для инспекціи никакихъ функцій педагогическаго характера, а имѣютъ въ виду одинъ лишь внѣшній надзоръ за поведеніемъ студентовъ, за правильнымъ посѣщеніемъ ими лекцій, за соблюденіемъ ими порядка и благочинія. Такая узкая постановка задачъ инспекціи лишила простора и иниціативы даже тѣхъ изъ чиновъ инспекціи, которые, по своему образованію и педагогическому опыту, могли бы придать своей дѣятельности иной, болѣе возвышенный характеръ, соотвѣтствующій потребностямъ и цѣлямъ воспитанія студентовъ, а не одного внѣшняго надзора надъ ними. Усиленіе состава инспекціи въ 1899 году лишь увеличило отрицательныя стороны ея, ни мало не улучшивъ степени и качества самаго надзора за студентами. Второстепенныя, притомъ незначительныя обязанности, возложенныя на инспекцію уставомъ, не оправдываютъ самаго существованія ея. И въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ періоды, когда студенты спокойно предаются своимъ академическимъ занятіямъ, инспекція не несетъ никакихъ дѣйствительныхъ обязанностей, а въ неспокойное время, среди студенческихъ волненій, инспекція, какъ показалъ продолжительный опытъ, оказывается совершенно безсильной предупредить и пріостановить безпорядки. Узкая постановка задачъ инспекціи и са-

мый характеръ ея дѣятельности, носящей скорѣе полицейскій, чѣмъ педагогическій оттѣнокъ, послужили главнѣйшею причиной того печальнаго и глубокаго антагонизма, какой замѣчается въ средѣ студентовъ по отношенію къ инспекціи. Неправильная постановка инспекціи стала въ послѣднее время совершенно очевидной для всѣхъ, и само Министерство Народнаго Просвѣщенія ее признаетъ. Такъ въ извѣстномъ циркулярѣ покойнаго Министра Н. П. Боголѣпова дѣлается попытка указать новые горизонты для ея функцій. Въ этомъ циркулярѣ намѣчена возможность дѣятельности благотворительной и научной въ смыслѣ нѣкотораго посредничества инспекціи по научнымъ дѣламъ студентовъ. Едва ли нужно говорить, что и тотъ и другой оттѣнокъ не измѣняютъ дѣла по существу и не выводятъ самый институтъ инспекціи изъ неправильнаго и неестественнаго положенія, которое создано Уставомъ.

Для правильной постановки инспекціи надлежитъ стать на иную точку зрѣнія въ вопросѣ о воспитаніи студентовъ. Что студенты нуждаются въ высшемъ воспитаніи, этого никто не станетъ оспаривать. Хотя нынѣ дѣйствующіе Уставъ университета и Положеніе о гимназіяхъ признаютъ студентовъ и лицъ получившихъ аттестатъ зрѣлости достаточно зрѣлыми въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, но это возможно признать справедливымъ только отчасти — въ смыслѣ зрѣлости, необходимой для второстепенныхъ видовъ общественной службы. Но та зрѣлость, какая требуется отъ будущаго учителя, будущаго судьи и администратора, — т. е. зрѣлость высшаго порядка, должна быть пріобрѣтена студентомъ во время пребыванія въ Университетѣ. Для воспитанія студентовъ до степени этой высшей зрѣлости силы инспекціи совершенно недостаточны по отсутствію у инспекторскаго персонала тѣхъ научныхъ знаній, которыя составляютъ основу научнаго и нравственнаго авторитета профессоровъ и университетскихъ преподавателей. Инспекція могла бы содѣйствовать задачамъ высшаго воспитанія лишь въ томъ случаѣ, если бы она явилась орудіемъ и силой, дѣйствующей отъ имени, по уполномочію и указаніямъ Совѣта Университета. Только при этомъ условіи дѣятельность ея могла бы быть направлена на тѣ истинно педагогическія задачи, которыя въ настоящее время оставлены безъ вниманія. Такимъ образомъ представляется необходимымъ рѣшительно измѣнить положеніе инспекціи подчинивъ ее Совѣту Университета.

Неясная и неопредѣленная постановка инспекціи выражается очевиднымъ несоотвѣтствіемъ между обязанностями и служебными поло-

женіемъ инспектора и его помощниковъ. Несущественная, въ административномъ, а въ особенности въ педагогическомъ отношеніи, служба инспекціи вознаграждается высокимъ жалованьемъ, служебными привилегіями и необыкновенно широкимъ штатомъ личнаго состава.

Еще большей неясностью отличается уставъ Университета въ вопросѣ объ отношеніи власти ректора къ власти инспектора. Очевидная неясность текста закона въ опредѣленіи правъ, обязанностей и подчиненности инспектора внесла въ университетскую жизнь какъ бы двоевластіе, которое въ лучшемъ случаѣ можетъ обратиться въ нерѣшительность власти или въ вынужденную недѣятельность или, наконецъ,— въ отсутствіе гармоніи между двумя административными властями Университета.

Неясное опредѣленіе уставомъ задачъ инспекціи привело на практикѣ къ тому парадоксальному явленію, что должность инспектора и его помощниковъ большею частью занимаютъ люди, заканчивающіе свою служебную карьеру въ гимназіяхъ и вступающіе лишь на короткій срокъ въ ряды университетской инспекціи. Несомнѣнно, что такого рода контингентъ, хотя и обладающій извѣстной опытностью въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и подростковъ, не всегда можетъ обладать равной опытностью въ дѣлѣ воспитанія юношей университетскаго возраста. Несомнѣнно также, что университетскіе преподаватели были бы въ этомъ дѣлѣ гораздо опытнѣе.

Въ заключеніе, нельзя не указать на несоотвѣтственное положеніе инспектора студентовъ, какъ члена Правленія Университета. Инспекторъ участвуетъ въ рѣшеніи не только дѣлъ, касающихся студентовъ, но также участвуетъ въ обсужденіи и рѣшеніи даже тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ онъ можетъ имѣть не всегда надлежащія познанія. Естественнѣе было бы, если бы инспекторъ имѣлъ право голоса въ Правленіи только по дѣламъ, касающимся студентовъ. Наконецъ нельзя не отмѣтить и привилегированное служебное положеніе чиновъ инспекціи въ университетѣ сравнительно съ профессорами. Помощникъ инспектора, прослужившій 25 л. и оставленный на пятилѣтіе, пользуется правомъ получить одновременно и пенсію и содержаніе, а инспекторъ половину пенсіи и жалованье, т. е. первый приравнивается тогда по окладу къ ординарному профессору, а второй начинаетъ получать даже полуторное сравнительно съ профессоромъ содержаніе, — тогда какъ профессора не имѣютъ права на одновременное полученіе пенсіи и жалованья ни по выслугѣ 25 л., ни даже—30 лѣтъ.

Возстановленіе въ университетѣ должности проректора съ небольшимъ количествомъ его помощниковъ, примѣрно по одному на факультетъ, отвѣчало бы не только задачамъ надзора за студентами, но могло бы содѣйствовать и воспитанію ихъ. Въ проректорѣ, какъ университетскомъ преподавателѣ, всегда будетъ больше близости къ студентамъ, больше пониманія ихъ нравственныхъ нуждъ, ихъ душевнаго склада, ихъ умственнаго развитія. Инспекторъ же, наоборотъ, всегда останется лицомъ болѣе чуждымъ и Университету и юношеству и будетъ стремиться, какъ это мы наблюдаемъ повсюду, примѣнять къ университетскому юношеству пріемы воспитанія, пригодные болѣе для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, еще лишенныхъ умственной и нравственной зрѣлости. Въ лучшемъ случаѣ функція инспекціи выражается бездѣйствіемъ власти.

Отвѣты проф. Н. А. Бунге на вопросы, касающіеся устройства Университетовъ.

1. Должности ректора и декановъ должны быть поставлены такъ же, какъ онѣ были поставлены по уставу 1863 г. Самоуправленіе Университета и сосредоточіе этого самоуправленія въ Совѣтѣ Университета съ выборнымъ ректоромъ во главѣ я считаю необходимымъ условіемъ для правильной и плодотворной дѣятельности Университета, съ тѣмъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ университетскія дѣла, даже повидимому мелкія, проходили черезъ Совѣтъ. Только при этомъ условіи Совѣтъ явится дѣйствительнымъ хозяиномъ Университета и будетъ имѣть достаточно силы, чтобы поддержать между своими членами и во всемъ Университетѣ должный порядокъ. Это вполнѣ сознавали составители устава 1863 г., которые предоставили Совѣту рѣшеніе всѣхъ университетскихъ дѣлъ, не исключая даже выбора лаборантовъ, помощниковъ библіотекаря, педелей, выдачу пособій на командировки и изданія сочиненій, назначеніе денежныхъ наградъ всѣмъ служащимъ и т. п., и тѣмъ дали возможность Совѣту не только слѣдить за всѣмъ ходомъ университетской жизни, но и предоставили ему многократные случаи выразить своимъ сочленамъ, не исключая и ректора, свое довѣріе и тѣмъ поддерживать въ коллегіи и Университетѣ извѣстную дисциплину, порядокъ и этику. Возраженіе, что при выборѣ лицъ на низшія должности, Совѣтъ баллотируетъ не представляемаго, а представляющаго, я считаю не вѣскимъ, ибо то же будетъ имѣть мѣсто при назначеніи ректоромъ или попечителемъ этихъ лицъ, извѣстныхъ имъ еще меньше, чѣмъ членамъ Совѣта. А между тѣмъ изъятіе даже мелкихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія Совѣта ослабитъ его авторитетъ и власть и уменьшитъ полный контроль

его надъ жизнью Университета, что я считаю весьма нежелательнымъ при самоуправленіи и выборномъ ректорѣ.

Назначеніе ректора Правительствомъ, помимо коллегіи, даже при выборныхъ деканахъ и профессорахъ, я считаю крайне нежелательнымъ для преуспѣянія Университетовъ, такъ какъ поддержать въ нихъ научный духъ и внутренній порядокъ можетъ не *„сильная единая власть"*, а только *нравственный авторитетъ ученой коллегіи.* При назначенномъ ректорѣ Совѣтъ перестанетъ быть хозяиномъ Университета и превратится или въ ширму для ректора, или въ наилучшемъ случаѣ въ совѣщательный органъ послѣдняго. При такомъ порядкѣ трудно разсчитывать на активную и плодотворную дѣятельность Совѣта, ректоръ потеряетъ въ немъ свою опору, безъ которой нравственный авторитетъ его какъ въ Университетѣ, такъ и въ обществѣ, будетъ всегда весьма слабъ, и ректоръ окажется въ такомъ же затруднительномъ и двойственномъ положеніи, въ которомъ онъ находится въ настоящее время, являясь одновременно и „начальникомъ" и представителемъ коллегіи, безъ санкціи этой послѣдней и безъ внутренней съ нею связью.

2. Распредѣленіе предметовъ вѣдомства факультетовъ, правленія и совѣта должно быть измѣнено въ общемъ, согласно уставу 1863 г. Непосредственное подчиненіе Университетовъ Министру Народнаго Просвѣщенія я считаю нежелательнымъ для провинціальныхъ Университетовъ, ибо оно значительно замедлитъ рѣшеніе многихъ дѣлъ, утвержденіе которыхъ может быть предоставлено Попечителю Учебнаго Округа. При дарованіи Университетамъ самоуправленія съ выборнымъ ректоромъ Правительство не можетъ отказаться отъ контроля за Университетами, а такой контроль, въ духѣ устава 1863 г., всего правильнѣе предоставить Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, которые являются въ то же время самыми естественными ходатаями передъ Министерствомъ о нуждахъ Университетовъ.

3. Особенную плату въ пользу преподавателей, согласно мнѣнію, выраженному уже всѣми Университетами, слѣдуетъ отмѣнить и установить, при сохраненіи курсовой системы, одинаковую плату за слушаніе лекцій для всѣхъ студентовъ, а при замѣнѣ курсовой системы ученія свободною (см. ниже) сохранить по-предметную плату и, кромѣ того назначить особую плату за практическія занятія въ лабораторіяхъ и за экзамены. Размѣръ платы за ученіе не долженъ быть пониженъ противъ существующаго, такъ какъ нѣтъ никакого основанія предоставлять лицамъ состоятельнымъ дешевое, а тѣмъ болѣе даровое высшее образованіе, въ особенности при существова-

нія относительно высокой платы за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ цѣлью, однако, облегчить лицамъ даровитымъ, но несостоятельнымъ, пріобрѣтать высшее образованіе слѣдуетъ увеличить число освобождаемыхъ отъ платы за ученіе до 50%, какъ это сдѣлано въ Кіевскомъ и Варшавскомъ Политехническихъ Институтахъ. Во всякомъ случаѣ, деньги, поступившія за право ученія (и экзамены), должны составлять неотъемлемую собственность каждаго отдѣльнаго Университета и должны быть употребляемы на содержаніе и расширеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, а также, въ случаѣ если окажется нужнымъ, на усиленіе содержанія преподавателей.

4. Размѣръ штатнаго содержанія профессоровъ долженъ быть неминуемо увеличенъ, ибо нынѣ получаемое содержаніе не обезпечиваетъ профессору даже самой скромной семейной жизни. При опредѣленіи размѣра штатнаго содержанія профессоровъ нужно принять во вниманіе, что существующее нынѣ раздѣленіе профессоровъ на ординарныхъ и экстраординарныхъ не выдерживаетъ критики, такъ какъ существующія правила возлагаютъ совершенно одинаковыя служебныя обязанности на ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, и возведеніе профессоровъ изъ экстраординарныхъ въ ординарные обусловлено не высшею ученою степенью, не большею научною извѣстностью, не продолжительностью службы, а только случайностью — открытіемъ вакансіи. Въ виду этого однимъ, быть можетъ самымъ достойнымъ, приходится ждать ординатуры, а слѣдовательно повышеннаго содержанія, многіе годы, другимъ, быть можетъ менѣе достойнымъ, приходится ждать ординатуры иногда только нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и того менѣе. Указанная аномалія можетъ быть устранена уничтоженіемъ дѣленія профессоровъ на экстраординарные и ординарные и назначеніемъ всѣмъ профессорамъ одинаковаго содержанія. Тѣмъ не менѣе было бы, быть можетъ, болѣе правильнымъ сохранить существующее дѣленіе профессоровъ на ординарные и экстраординарные и положить въ основаніе этого дѣленія время службы, избирая въ ординарные только профессоровъ, прослужившихъ не менѣе 5 лѣтъ въ званіи экстраординарнаго въ одномъ изъ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеній. При вышеуказанномъ дѣленіи профессоровъ на ординарныхъ и экстраординарныхъ содержаніе первымъ должно быть увеличено до 9000 рублей, содержаніе вторымъ до 6000 рублей въ годъ. Такое увеличеніе содержанія произведетъ то же дѣйствіе, какое произвело почти 40 лѣтъ тому назадъ увеличеніе содержанія ординарныхъ профессоровъ съ 1200 руб. до 3000 руб.; оно, въ

связи съ самоуправленіемъ Университетовъ, дѣйствительно привлечетъ въ Университетъ многихъ талантливыхъ лицъ и избавитъ профессоровъ отъ необходимости обременять себя посторонними Университету занятіями. Съ другой стороны, указанное увеличеніе содержанія профессорамъ нельзя считать чрезмѣрнымъ, принимая во вниманіе, что дороговизна жизни, вслѣдствіе возрастанія населенія, увеличенія потребностей и пониженія цѣнности денегъ, а у насъ, кромѣ того, вслѣдствіе высокихъ ввозныхъ пошлинъ, увеличилась съ 1863 г. не менѣе какъ вдвое. Такъ какъ по уставу 1863 г. содержаніе ординарнаго профессора равнялось 3000 руб. (при рублѣ равному 0,1 имперіала), то въ настоящее время оно должно быть равно 6000 руб. золотомъ (или 9000 руб., равныхъ $^1/_{15}$ имперіала). Не слѣдуетъ забывать также, что ни одна изъ профессій не требуетъ столь продолжительной и трудной подготовки, какъ профессорская, что самая эта профессія требуетъ отъ лицъ, ею занимающихся, значительныхъ расходовъ на пріобрѣтеніе книгъ и другихъ пособій, что гонорарная система и развившееся въ послѣднее время совмѣстительство пріучили профессоровъ къ крупнымъ окладамъ и что, наконецъ, штаты устанавливаются на продолжительное время, и что черезъ нѣсколько лѣтъ содержаніе въ 9000 руб. окажется столь же скромнымъ, какимъ оказалось, начиная уже съ начала семидесятыхъ годовъ, содержаніе въ 3000 р., казавшееся въ 1863 г. вполнѣ достаточнымъ.

Послѣ выслуги 25 лѣтъ $^4/_5$, а послѣ выслуги 30 лѣтъ все содержаніе профессора должно переходить въ пенсію. Послѣ выслуги 30 лѣтъ профессоръ можетъ быть оставленъ на новое пятилѣтіе по избранію $^2/_3$ голосовъ и утвержденію Министромъ, при чемъ, въ случаѣ избранія и утвержденія, онъ считается штатнымъ преподавателемъ, пользуется всѣми правами, присвоенными членамъ факультета и Совѣта, и получаетъ добавочное содержаніе въ размѣрѣ 3600 руб. Профессоръ, выслужившій тридцать лѣтъ и неизбранный Совѣтомъ на новое пятилѣтіе или отказавшійся отъ баллотировки, можетъ по собственному желанію оставаться сверхштатнымъ профессоромъ, читать лекціи и получать за нихъ вознагражденіе по усмотрѣнію факультета и Совѣта, но каѳедра его считается вакантной, и завѣдываніе учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ переходитъ къ новому профессору. Сверхштатный профессоръ имѣетъ право присутствовать въ засѣданіяхъ факультета и Совѣта, но только съ правомъ *совѣщательнаго голоса*. Подобное ограниченіе права профессоровъ, прослужившихъ 30 лѣтъ и неизбранныхъ на новое пятилѣтіе на штатную должность, является по моему мнѣнію

существенно необходимымъ при проектируемомъ расширенiи правъ Совѣта и факультета (п. 2). Когда по уставу 1884 г. профессора назначались Министромъ Народнаго Просвѣщенiя, и собранiя Совѣта и факультета играли въ жизни Университета подчиненную роль, а для законности постановленiя этихъ собранiй требовалось присутствiе только $^1/_2$ наличныхъ членовъ, тогда § 105 устава 1884 г. можно было считать вполнѣ безобиднымъ для дѣятельности Университетовъ. При востановленiи же значенiя факультета и Совѣта въ духѣ устава 1863 г. приходится вернуться и къ тому требованiю сего устава, по которому для рѣшенiя дѣлъ въ факультетѣ и Совѣтѣ требуется присутствiе не менѣе $^2/_3$ наличныхъ членовъ, ибо нельзя предоставить рѣшенiе столь важныхъ дѣлъ, какъ избранiе профессоровъ, ректора, составленiе учебныхъ плановъ, раздѣленiе факультета на отдѣленiя и т. п. одной четверти всей коллегiи. Если поэтому профессорамъ, не занимающимъ штатныхъ должностей, будутъ предоставлены всѣ права членовъ факультета и Совѣта въ духѣ устава 1884 г., то факультетскiя и совѣтскiя собранiя могутъ часто не состояться за неприбытiемъ требуемаго числа ($^2/_3$) членовъ, ибо отъ профессоровъ, не занимающихъ штатныхъ должностей и не получающихъ вознагражденiя, трудно требовать аккуратнаго посѣщенiя собранiй, принимая во вниманiе ихъ возрастъ и связанное съ нимъ здоровье. Кромѣ того, участiе профессоровъ, не занимающихъ штатныхъ должностей, въ баллотировкахъ могло бы повлечь за собою многiя ненормальныя и нежелательныя явленiя.

Въ заключенiе замѣчу, что указанный мною способъ оставленiя профессоровъ, выслужившихъ 30 лѣтъ, на новое пятилѣтiе устранитъ одно весьма странное явленiе, вызванное уставомъ 1884 г., а именно существованiе во всѣхъ Университетахъ большого числа каѳедръ, вакантныхъ *оффицiально, но въ дѣйствительности* вполнѣ достойно замѣщенныхъ профессорами, выслужившими тридцать лѣтъ (и болѣе) и получающими добавочное содержанiе.

Во время дѣйствiя устава 1863 г. избранiе профессоровъ Совѣтомъ на новыя пятилѣтiя, вновь мною предлагаемое, подвергалось сильному осужденiю, при чемъ указывали, что предстоящее избранiе лишало профессоровъ самостоятельности, заставляло ихъ „заискивать" передъ большинствомъ коллегiи, влекло за собою агитацiю, вело къ компромиссамъ и т. д. Состоя членомъ Совѣта Университета при уставѣ 1863 г. съ 1871 по 1884 г. т. е. 13 лѣтъ, я не могу подтвердить этого мнѣнiя на основанiи личныхъ наблюденiй, а, напротивъ того, рѣшаюсь утверждать, что Совѣтъ (по край-

ней мѣрѣ въ Университетѣ Св. Владиміра), всегда съ полнѣйшимъ вниманіемъ относился къ своимъ сочленамъ, и что профессоръ съ независимымъ мнѣніемъ и безъ всякаго искательства могъ вполнѣ разсчитывать быть избраннымъ Совѣтомъ на новое пятилѣтіе, если онъ продолжалъ заниматься наукой и добросовѣстно исполнялъ свои обязанности. Если избраніе профессоровъ на новыя пятилѣтія при уставѣ 1863 г. представляло неудобства, то они вызывались главнымъ образомъ тѣмъ, что предѣльный срокъ службы профессора былъ слишкомъ коротокъ (25 лѣтъ), что пенсія послѣ выслуги 25 лѣтъ была значительно меньше профессорскаго содержанія, и что не избранный на пятилѣтіе профессоръ или профессоръ, отказавшійся отъ выборовъ, вполнѣ устранялся отъ дальнѣйшей дѣятельности въ Университетѣ. Всѣ эти условія заставляли коллегію относиться, быть можетъ, съ излишней снисходительностью къ старѣйшимъ своимъ членамъ, не желая безъ крайней необходимости поставить ихъ иногда въ весьма затруднительное положеніе. Проектируемое мною избраніе профессоровъ на новыя пятилѣтія устраняетъ всѣ указанныя неблагопріятныя обстоятельства, давая, съ одной стороны, Университету возможность удержать въ своей средѣ выдающихся профессоровъ и послѣ выслуги 30 лѣтъ въ качествѣ полноправныхъ членовъ Университета и предоставляя, съ другой стороны, профессорамъ, прослужившимъ 30 и болѣе лѣтъ, возможность добровольно отказаться отъ штатной должности и, въ качествѣ опытныхъ совѣтниковъ, мирно продолжать свою ученую дѣятельность въ Университетѣ.

5. Даже при значительномъ увеличеніи штатнаго содержанія профессоровъ не слѣдуетъ запрещать имъ, *съ разрѣшенія Совѣта Университета*, занятіе другихъ должностей помимо Университета, такъ какъ запретъ подобнаго рода строго проведенъ быть не можетъ (практика профессоровъ-врачей, участіе въ городскомъ самоуправленіи, изданіе газетъ и журналовъ и т. д.) и останется мертвой буквой, и, кромѣ того, опытъ показалъ, что люди способные и трудолюбивые могутъ совмѣщать нѣсколько должностей безъ всякаго вреда для Университета и часто съ большою пользою для общества. Тѣмъ не менѣе есть полное основаніе предполагать, что при увеличеніи штатнаго содержанія профессоровъ огромное большинство профессоровъ не станетъ обременять себя посторонними Университету занятіями, такъ какъ и въ настоящее время многіе изъ нихъ принимаютъ на себя постороннія обязанности не изъ жажды къ наживѣ, а по крайней необходимости, въ виду недостаточнаго университетскаго содержанія. Съ дарованіемъ Университе-

тамъ самоуправленія усилится, кромѣ того, контроль Совѣта за своими членами, что еще болѣе уменьшить стремленіе у профессоровъ обременять себя занятіями, влекущими за собою уменьшеніе ихъ ученой и преподавательской дѣятельности въ Университетѣ.

6. Самоуправленіе Университетовъ въ духѣ устава 1863 г. даетъ достаточную гарантію живого и дѣятельнаго контроля факультетовъ надъ полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія отдѣльныхъ преподавателей.

7. Установленіе новой должности помощниковъ профессоровъ я не считаю необходимымъ, такъ какъ на физико-математическомъ и медицинскомъ факультетахъ таковыми являются лаборанты, прозекторы и ординаторы, а на другихъ факультетахъ могутъ быть приглашаемы для этой цѣли приватъ-доценты съ назначеніемъ имъ опредѣленнаго содержанія. Если въ учрежденіи должности помощниковъ профессоровъ я не вижу необходимости, то считаю весьма желательнымъ возобновленіе должности штатнаго доцента, согласно уставу 1863 г., съ опредѣленнымъ содержаніемъ въ размѣрѣ, примѣрно, въ 3600 руб. въ годъ. Эта мѣра дала бы возможность привлекать въ Университеты молодыхъ ученыхъ, пріобрѣвшихъ уже ученую степень магистра, изъ которыхъ затѣмъ могли бы быть избираемы профессора.

8. Широкое развитіе у насъ института приватъ-доцентовъ крайне желательно, такъ какъ онъ является самымъ естественнымъ учрежденіемъ для подготовки профессоровъ. Тѣмъ не менѣе при системѣ обязательнаго слушанія лекцій, курсовомъ распредѣленіи преподаванія и обязательныхъ курсовыхъ экзаменахъ, производимыхъ штатными преподавателями, трудно разсчитывать на сколько нибудь широкое развитіе приватъ-доцентуры, такъ какъ при названныхъ условіяхъ положеніе приватъ-доцентовъ будетъ, какъ оно и теперь, крайне незавидное. Студенты настолько обременены *обязательными* лекціями, практическими занятіями и экзаменами, что у нихъ не хватаетъ времени и охоты слушать *необязательныя* лекціи у приватъ-доцентовъ, которые, при указанныхъ выше условіяхъ (по крайней мѣрѣ при полномъ комплектѣ штатныхъ преподавателей) остаются (за рѣдкимъ исключеніемъ) при весьма ограниченномъ числѣ слушателей, въ особенности въ провинціальныхъ Университетахъ. Только при замѣнѣ обязательнаго слушанія лекцій свободнымъ и курсовой системы преподаванія предметной (см. ниже) можно разсчитывать на весьма желательное развитіе у насъ института приватъ-доцентовъ. Съ цѣлью, однако, развить по возможности

этотъ институтъ, весьма желательно облегчить условія пріобрѣтенія званія приватъ-доцента, а именно дозволить пріобрѣтать его лицамъ, окончившимъ Университетъ или другое высшее учебное заведеніе, по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій и по представленіи и защитѣ диссертаціи (pro venia legendi), какъ это допускаемо было уставомъ 1863 г. для кандидатовъ Университета.

9. Самой правительной и самой естественной мѣрой для правильнаго и успѣшнаго приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію есть, какъ уже сказано выше, широкое развитіе института приватъ-доцентовъ. До развитія, однако, этого института приходится прибѣгнуть къ искусственнымъ мѣрамъ для приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію, и одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ подобнаго рода, какъ показалъ опытъ, слѣдуетъ считать оставленіе при Университетахъ талантливыхъ молодыхъ людей, окончившихъ Университетъ, въ качествѣ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію. Чтобы мѣра эта оказала надлежащее дѣйствіе необходимо значительно увеличить число стипендіатовъ, а размѣръ стипендій возвысить до 1800 р. въ годъ, дабы избавить стипендіатовъ отъ необходимости обременять себя посторонними занятіями. Для названной цѣли каждому Университету должна быть ассигнуема опредѣленная сумма, которой каждый Университетъ располагаетъ по своему усмотрѣнію, съ утвержденія Попечителя Учебнаго Округа.

10. Чтобы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ, занятіямъ, по моему мнѣнію необходимо:

А. Всѣми мѣрами содѣйствовать къ привлеченію въ Университеты даровитыхъ, высокообразованныхъ и преданныхъ своему дѣлу профессоровъ, ибо только такіе профессора могутъ внушить молодымъ людямъ любовь и уваженіе къ наукѣ, безъ чего немыслимы серіозныя занятія учащихся въ Университетахъ и вообще въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мѣрами для привлеченія въ Университеты выдающихся профессоровъ должны служить: а) дарованіе Университетамъ самоуправленія въ духѣ устава 1863 г., б) значительное увеличеніе содержанія профессоровъ и в) расширеніе контингента, изъ котораго могли бы быть избираемы профессора. Для сего послѣдняго необходимо: а) увеличить число стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію, б) развить институтъ приватъ-доцентовъ, в) уничтожить ученую степень магистра и оставить одну степень доктора, пріобрѣтаемую по устному испытанію и защитѣ диссертаціи, г) дозволить пріобрѣтать ученую

степень доктора (или магистра, въ случаѣ сохраненія этой степени) не только лицамъ, окончившимъ Университетъ, но и лицамъ, окончившимъ любое другое высшее учебное заведеніе въ Россіи или заграницей (по усмотрѣнію факультета), д) увеличить число среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній съ цѣлью увеличить общее число образованныхъ людей въ Россіи и тѣмъ одновременно увеличить и общее число даровитыхъ ученыхъ и профессоровъ по призванію, ибо природа очень скупа на дарованія, которыя, кромѣ того, выясняются поздно, а потому приходится обучать тысячи, чтобы дать обществу десятки выдающихся дѣятелей.

Б. Значительно увеличить штатныя суммы на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, увеличить число лаборантовъ и возвысить имъ содержаніе до 2400 р. для старшихъ, прослужившихъ уже 5 лѣтъ, и до 1800 р. для младшихъ, только что назначенныхъ, чтобы дать имъ возможность безбѣдно существовать, помимо всякихъ постороннихъ занятій.

В. Всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію въ обществѣ и между учащимися убѣжденія, что цѣль ученія состоитъ не въ пріобрѣтеніи *диплома*, а въ пріобрѣтеніи основательныхъ *знаній*. Важнѣйшими мѣрами къ тому могли бы служить: а) уничтоженіе служебныхъ правъ, которыми пользуются окончившіе высшія учебныя заведенія, б) предоставленіе студентамъ свободы посѣщенія лекцій и уничтоженіе обязательныхъ курсовыхъ испытаній, т. е. переходъ отъ принудительной курсовой системы ученія къ свободной предметной. Польза этой послѣдней мѣры многими оспаривается, а такъ какъ она является однимъ изъ краеугольныхъ камней всей университетской жизни, то требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

До настоящаго времени многіе, къ сожалѣнію, держатся того мнѣнія, что въ Россіи образованіе и культура находятся еще на столь низкой степени развитія, что главная часть образованнаго общества не имѣетъ серіознаго стремленія къ наукѣ, а такъ какъ для Россіи необходимы ученые спеціалисты и основательно образованные люди вообще, то для подготовки таковыхъ необходимо прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ и *заставлять* молодыхъ людей учиться. Исходя изъ этого положенія многіе и до настоящаго времени желаютъ видѣть въ Университетахъ высшую гимназію, а въ учащихся въ Университетахъ учениковъ, мало чѣмъ отличающихся отъ гимназистовъ. Они настаиваютъ на обязательности для студентовъ посѣщать лекціи и практическія занятія согласно расписанію, составленному факультетомъ, на производствѣ испытаній при не-

реходѣ съ одного курса на другой по назначеннымъ факультетомъ предметамъ, карая каждаго не исполнившаго всѣхъ этихъ требованій оставленіемъ на второй годъ на курсѣ, а въ случаѣ двукратной неуспѣшности—и удаленіемъ изъ Университета. Въ этомъ чисто понудительномъ режимѣ они видятъ не только залогъ успѣшности занятій студентовъ, но и также залогъ возможнаго спокойствія въ Университетахъ.

Съ подобнымъ взглядомъ едва-ли можно согласиться. Я думаю, что въ настоящее время трудно утверждать, что Россія находится все еще на такой низкой ступени развитія, что для того, чтобы обезпечить ее спеціалистами и образованными людьми, необходимо прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ томъ числѣ въ Университетахъ. Громадный наплывъ лицъ, желающихъ поступить въ высшія учебныя заведенія, далеко превышающій число свободныхъ мѣстъ въ послѣднихъ, ясно противорѣчитъ этому мнѣнію. Напрасно приписываютъ это явленіе служебнымъ правамъ, даваемымъ учебными заведеніями, такъ какъ можно смѣло утверждать, что, и послѣ отнятія этихъ правъ, число желающихъ поступить въ высшія учебныя заведенія не только не уменьшится, но будетъ ежегодно возростать по мѣрѣ увеличенія числа низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, число которыхъ у насъ еще очень незначительно и далеко не удовлетворяетъ существующему на нихъ спросу. Не уменьшилось же число желающихъ поступить въ высшія учебныя заведенія послѣ лишенія льготы по воинской повинности, первоначально предоставленной окончившимъ эти заведенія, не смотря на одновременное увеличеніе платы за слушаніе лекцій болѣе, чѣмъ вдвое. Ясно, что въ нашемъ обществѣ созрѣло уже сознаніе, что ученіе и знаніе необходимы для жизни и что *знаніе само по себѣ* есть огромная привилегія и сила, помимо всякихъ постороннихъ придатковъ. Если это сознаніе у насъ, быть можетъ, не достаточно окрѣпло, и многие въ учебныхъ заведеніяхъ ищутъ не столько знанія, сколько диплома, то это обусловливается въ значительной степени чисто бюрократическимъ строемъ, царствующимъ не только въ средней, но и въ высшей нашей школѣ, и направляющимъ учащихся не на изученіе науки, а на заучиваніе записокъ и краткихъ руководствъ для экзамена и для перехода изъ одного класса или курса на другой. Болѣе чѣмъ пора, поэтому, устранить, по крайнеѣ мѣрѣ въ Университетахъ, этотъ чисто гимназическій режимъ, не соотвѣтствующій ни возрасту учащихся, ни достоинству университетской науки, и

скорѣе вредящему, чѣмъ содѣйствующему мирному теченію университетской жизни.

И дѣйствительно. Въ университетъ поступаютъ молодые люди 19—21 года съ *аттестатами зрѣлости*, т. е. въ возрастѣ, близкомъ къ совершеннолѣтію, котораго они всѣ безъ исключенія достигаютъ во время университетскаго пребыванія. Возрастъ этотъ дѣлаетъ ихъ полноправными гражданами: они могутъ поступать на государственную службу, пользуются избирательнымъ правомъ, могутъ продавать и покупать недвижимыя имущества, но, поступивъ въ Университетъ, они должны считать себя *школьниками*, не способными располагать своимъ временемъ и занятіями и не могущими учиться по доброй волѣ, а только по *принужденію*. Но выполнимо и желательно ли это? Я думаю, что оно выполнимо только въ заведеніяхъ съ ограниченнымъ числомъ слушателей, при весьма большомъ числѣ надзирателей и при почти что военной дисциплинѣ, но что оно невыполнимо въ Университетахъ и во всѣхъ случаяхъ не желательно, такъ какъ пріучаетъ учащихся формально относиться къ дѣлу, вызываетъ съ ихъ стороны противодѣйствіе и не достигаетъ цѣли.

Обязательное посѣщеніе лекцій не можетъ принести пользы. Студентъ, пришедшій противъ воли въ аудиторію, мало или даже ничего изъ нея не выноситъ, такъ какъ дисциплинарными мѣрами можно, пожалуй, заставить студента сидѣть на лекціяхъ, но не слушать ихъ. Съ другой стороны, профессоръ, аудиторія котораго наполняется дисциплинарными мѣрами, легко обленивается, зная, что какъ бы онъ ни читалъ свой предметъ, у него всегда будутъ слушатели. При такихъ условіяхъ можетъ страдать не только наука, но и дисциплина, ибо слушатели, потерявъ терпѣніе, могутъ выразить профессору свое порицаніе...

При необязательности посѣщенія лекцій, въ аудиторію пойдутъ только тѣ, которые желаютъ слушать профессора, и учащимся не будетъ причины выражать неудовольствіе профессору, лекціи котораго они находятъ для себя безполезными, по крайней мѣрѣ, въ данное время [1]). Нѣтъ никакого основанія предполагать, что при

[1]) Я далекъ отъ мысли считать студентовъ компетентными и безпристрастными судьями профессорскихъ лекцій Всякій, долго прослужившій въ Университетѣ, знаетъ, что число слушателей въ его аудиторіи въ различные періоды его преподавательской дѣятельности подвергалось колебаніямъ, независимо отъ достоинствъ его лекцій, но въ зависимости отъ постороннихъ, иногда даже трудно объяснимыхъ, причинъ. „Число

необязательности посѣщенія лекцій аудиторіи останутся пустыми. Если студенты теперь безъ особеннаго усердія посѣщаютъ лекціи (хотя далеко не всѣ), то это обусловливается до значительной степени ихъ обязательностью. По принятому росписанію студенты должны одновременно слушать лекціи по значительному числу предметовъ, подготовляться къ которымъ даже лучшимъ студентамъ не подъ силу, слушаніе же лекцій безъ предварительной подготовки къ нимъ совершенно не мыслимо, да и безполезно. Не говоря уже про математику, даже слушаніе лекцій по химіи, физикѣ и др. предметамъ совершенно не мыслимо, если студентъ послѣ каждой лекціи не усвоитъ себѣ самостоятельно прочитаннаго, ибо безъ подобной подготовки онъ не будетъ въ состояніи сознательно слушать дальнѣйшія лекціи, и сидѣть ему на нихъ будетъ скучно и безполезно. Если же студенту будетъ предоставлено право слушать одновременно только то число лекцій, съ которымъ онъ по собственному усмотрѣнію можетъ дѣйствительно справиться, то тогда онъ конечно будетъ съ удовольствіемъ и съ усердіемъ слушать лекціи, если онѣ ему будутъ казаться полезными.

То же, что и объ обязательности слушанія лекцій въ опредѣленное для всѣхъ время и въ опредѣленномъ для всѣхъ количествѣ, еще съ большимъ правомъ можно сказать и объ обязательности посѣщенія *практическихъ занятій.*

Обязательныя испытанія для перехода изъ курса на курсъ даже въ томъ случаѣ, если они и засчитываются въ *окончательныя*, не выдерживаютъ критики и являются прямо насиліемъ надъ молодымъ человѣкомъ, ставя его и экзаменатора часто въ весьма неудобное положеніе. И дѣйствительно, при обязательности курсовыхъ испытаній, молодой человѣкъ по необходимости долженъ приступать въ опредѣленный срокъ къ экзамену даже въ томъ случаѣ, если онъ не чувствуетъ себя достаточно подготовленнымъ по всѣмъ предметамъ испытанія, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ будетъ аттестованъ и Университетомъ, и обществомъ, какъ неисправный студентъ, и рискуетъ остаться на томъ же курсѣ или даже

слушателей въ моей аудиторіи, сказалъ мнѣ однажды Н. Х. Бунге, колебалось въ различное время между единицами и сотнями, хотя я всегда читалъ лекціи *одинаково хорошо или одинаково дурно*". Съ этимъ фактомъ серіозному профессору приходится мириться и спокойно ждать измѣненія „теченія", которое вновь наполнитъ его аудиторію. Насильственныя мѣры не помогутъ дѣлу, а только ухудшатъ его и могутъ вызвать противодѣйствіе со стороны учащихся. Насильно милъ не станешь.

быть исключеннымъ изъ Университета, если случайныя обстоятельства (болѣзнь, семейныя невзгоды и т. д.) заставили его остаться на курсѣ второй годъ. Не удивительно поэтому, что въ теченіе года студенты мало интересуются изученіемъ наукъ и пріобрѣтеніемъ основательныхъ знаній, а все вниманіе ихъ обращено только на пріобрѣтеніе хотя бы поверхностныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для экзамена. Да и положеніе экзаменатора при указанныхъ условіяхъ крайне непріятное и тяжелое, такъ какъ онъ знаетъ, что студентъ приступилъ къ экзамену не по доброй волѣ, а по необходимости, и что неудовлетворительная отмѣтка по одному предмету не только лишитъ студента (по крайней мѣрѣ на основаніи существующихъ правилъ) уже полученныхъ хорошихъ отмѣтокъ по другимъ предметамъ, но заставитъ его потерять цѣлый годъ, или даже лишитъ его права продолжать университетское образованіе. При такой постановкѣ экзаменовъ неудивительны унизительныя для студента „экзаменаціонная лихорадка", „экзаменаціонныя уловки" и даже „выпрашиванія" отмѣтки у профессора, и во многихъ случаяхъ чрезмѣрная снисходительность послѣдняго, въ ущербъ самому дѣлу. Мало того, при обязательныхъ курсовыхъ испытаніяхъ сегодняшній профессоръ становится завтрашнимъ „страшнымъ экзаменаторомъ", а потому трудно разсчитывать на полную откровенность, близкія и непринужденныя отношенія между студентами и профессорами во время практическихъ занятій и научныхъ бесѣдъ: студентъ стѣсняется обращаться къ профессору съ вопросомъ, опасаясь какъ бы неудачный вопросъ не обнаружилъ его незнанія, которое завтра же можетъ быть ему поставлено въ вину на экзаменѣ... Въ виду этого, я высказываюсь рѣшительно противъ обязательнаго посѣщенія лекцій, обязательности курсовыхъ испытаній и вообще противъ курсовой (гимназической) принудительной системы ученія, несостоятельной даже въ гимназіяхъ и вполнѣ вредной въ Университетѣ.

Университетъ, по моему мнѣнію, долженъ быть высшимъ учебнымъ учрежденіемъ, въ которомъ молодые люди, окончившіе среднее образованіе (и другія лица въ качествѣ вольнослушателей), пріобрѣтаютъ, подъ руководствомъ профессоровъ и по *собственному побужденію*, основательныя научныя знанія и пользуются ими затѣмъ для той или другой цѣли. При „свободѣ ученія" въ Университетѣ, факультетъ рекомендуетъ студентамъ опредѣленный порядокъ слушанія лекцій, опредѣляетъ *обязательную* послѣдовательность экзаменовъ для пріобрѣтенія званія дѣйствительнаго студента и ученой степени кандидата, но студентъ въ правѣ слушать лекціи въ той послѣдовательности и въ томъ Университетѣ, въ которыхъ онъ это

найдетъ болѣе для себя удобнымъ, и приступитъ къ экзаменамъ въ послѣдовательности, опредѣленной факультетомъ, но въ томъ Университетѣ, въ какомъ пожелаетъ, и тогда, когда будетъ считать себя достаточно подготовленнымъ. Чтобы студенты не оставались слишкомъ долго въ Университетѣ и тѣмъ не тормозили пріема новыхъ, можно было бы ограничить время пребыванія студентовъ въ Университетѣ 6 годами, если это стѣсненіе окажется *дѣйствительно необходимымъ*. Этотъ порядокъ не только дастъ студентамъ возможность свободно заниматься наукой, но, кромѣ того, будетъ прямо указывать имъ, что цѣль пребыванія ихъ въ Университетѣ состоитъ въ пріобрѣтеніи знанія, а не въ переходѣ съ курса на курсъ и пріобрѣтеніи диплома. Порядокъ этотъ сблизитъ студентовъ съ профессорами, разовьетъ нѣкоторую конкуренцію между профессорами различныхъ Университетовъ, облегчитъ положеніе приватъ-доцентовъ (§ 8), дастъ возможность производительнѣе пользоваться учебновспомогательными учрежденіями [1], значительно увеличитъ время для чтенія лекцій и практическихъ занятій въ Университетѣ [2], и, наконецъ, уменьшитъ всегда возможныя столкновенія студентовъ съ инспекціею и профессорами.

Указанные два взгляда на Университетъ, какъ на высшую

[1]) При курсовой системѣ студентъ одновременно долженъ заниматься въ нѣсколькихъ лабораторіяхъ и, кромѣ того, слушать большое число лекцій, а потому въ каждой изъ лабораторій онъ ежедневно можетъ проводить только небольшое число часовъ, все же остальное время лабораторія остается пустою. При предметной и свободной системѣ занятій студентъ занимается одновременно только въ одной лабораторіи и можетъ усердно заниматься въ лабораторіи съ 8 час. утра до 7 час. веч., какъ это мы видимъ въ Германіи. Правда, при курсовой системѣ болѣе производительное пользованіе лабораторіями можетъ быть достигнуто дѣленіемъ студентовъ на группы, но подобный порядокъ занятій очень неудобенъ, такъ какъ при немъ на одномъ и томъ же мѣстѣ должны работать въ теченіе дня послѣдовательно нѣсколько студентовъ, и все, приготовленное однимъ изъ нихъ, должно быть убрано и часто разобрано передъ приходомъ другого, на что тратится непроизводительно много времени и что влечетъ за собою отсутствіе должнаго порядка въ лабораторіи и надлежащаго контроля за приборами, употребляемыми студентами.

[2]) При существованіи курсовыхъ испытаній, обязательныхъ для всѣхъ студентовъ въ *одно и то же время*, въ весеннемъ семестрѣ аудиторіи и лабораторіи замѣтно пустѣютъ, и профессорамъ по необходимости приходится прекращать занятія съ наступленіемъ Пасхи. При предоставленіи студентамъ свободы въ выборѣ времени для экзаменовъ, только часть будетъ занята приготовленіемъ къ экзаменамъ, другая же часть будетъ слушать лекціи и заниматься въ лабораторіяхъ, какъ мы это видимъ въ Германіи.

гимназію (даже закрытую) и какъ на высшее учебное учрежденіе (даже образовательно ученое, открытое для всѣхъ возрастовъ и званій — Н. И. Костомарова) для „свободнаго" изученія науки, были высказаны во время составленія устава 1863 г., и оба эти взгляда нашли себѣ тогда горячихъ поборниковъ и противниковъ. Не желая предрѣшать этого важнаго для Университета вопроса, составители устава 1863 г. оставили рѣшеніе его самимъ Университетамъ и предоставили факультетамъ распредѣленіе предметовъ и порядокъ ихъ преподаванія (съ утвержденія Совѣта), составленіе правилъ о срокѣ и порядкѣ производства испытаній, а также раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія (съ утвержденія Министра). Во время дѣйствія этого устава Университетъ Св. Владиміра придерживался золотой середины — не настаивая на обязательномъ посѣщеніи лекцій и практическихъ занятій студентами, предоставляя имъ относительно большую свободу въ занятіяхъ, онъ установилъ только два испытанія — одно при переходѣ со второго курса на третій (полукурсовое, сначала даже не обязательное) и другое — при окончаніи курса (окончательное). Уставъ 1884 г. сулилъ Университетамъ полную свободу преподаванія и слушанія лекцій, но затѣмъ цѣлымъ рядомъ распоряженій Министра эта свобода была ограничена до крайней степени, и весь университетскій строй приведенъ къ чисто школьному, принудительному.

Будучи близкимъ и продолжительнымъ свидѣтелемъ жизни Университета при дѣйствіи уставовъ 1863 и 1884 гг., я смѣло могу утверждать, что при дѣйствіи устава 1863 г., когда студентамъ была предоставлена хотя нѣкоторая свобода въ своихъ занятіяхъ, занятія эти были гораздо основательнѣе и серіознѣе, чѣмъ при уставѣ 1884 г., когда занятія студентовъ старались подчинить „строгому контролю", и что, не смотря на все стараніе подчинить студентовъ этому контролю, достигнуть этого не удалось. И дѣйствительно, не смотря на то, что по правиламъ посѣщеніе лекцій было обязательно для студентовъ, и инспекція съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, считала шинели и шапки въ гардеробныхъ, студенты посѣщали лекціи едва-ли еще не менѣе исправно, чѣмъ во время дѣйствія устава 1863 г., когда инспекція не занималась этимъ непроизводительнымъ дѣломъ. По существующимъ правиламъ студентъ при переводѣ изъ одного курса на другой долженъ былъ выдержать установленное испытаніе по опредѣленному числу предметовъ, опытъ-же показалъ, что строго исполнить это правило нельзя, и пришлось переводить студентовъ, не выдержавшихъ экзамена по одному изъ предметовъ испытанія, условно на

слѣдующій курсъ, а оставшимся на томъ же курсѣ студентамъ зачитывать хорошія отмѣтки, полученныя ими по одному или нѣсколькимъ предметамъ невыдержаннаго испытанія, т. е. дѣлать то для малоуспѣшныхъ студентовъ, что я рекомендую сдѣлать общимъ правиломъ для всѣхъ. Повторяю, что молодые люди 20—24 лѣтъ *могутъ и будутъ* серіозно учиться только по *собственному побужденію*, принудить же ихъ къ тому насильно дисциплинарными мѣрами нельзя и не слѣдуетъ, ибо, какъ уже замѣтила *Екатерина II*, „Мы ничего лучше не сдѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной нашей склонности".

Въ виду этого, я считалъ бы вполнѣ своевременнымъ сдѣлать свободу слушанія лекцій и экзаменовъ (въ указанномъ выше смыслѣ) обязательнымъ во всѣхъ Университетахъ и внести главныя основанія этой системы въ уставъ Университетовъ, предоставивъ факультетамъ разработку частностей. Зная, однако, съ какимъ недовѣріемъ даже многіе профессора относятся къ свободѣ ученія въ Университетахъ, я боюсь, что предложеніе мое не будетъ принято, а потому рѣшаюсь обратить вниманіе на предложеніе, сдѣланное Н. Х. Бунге еще въ 1858 г.: оставить „принудительную систему ученія" на 1-мъ и 2-мъ курсахъ, и допустить „свободу ученія" на 3-му и 4-му курсахъ. И это было бы уже нѣкоторымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ серіознаго ученія въ Университетахъ. Слѣдуетъ, однако, не забывать, что Н. Х. Бунге рекомендовалъ указанную мѣру 43 года тому назадъ, когда уровень общаго развитія въ Россіи былъ гораздо ниже, а возрастъ студентовъ меньше, чѣмъ теперь, и что онъ рекомендовалъ эту полумѣру болѣе вслѣдствіе свойственной ему осторожности, чѣмъ вслѣдствіе полнаго къ ней сочувствія. „Должно сознаться, пишетъ онъ, что при обязательномъ порядкѣ число студентовъ на скамьяхъ аудиторій было гораздо значительнѣе, но нельзя сказать это о числѣ слушателей. Сидѣніе и слушаніе двѣ вещи разныя. Первое легко подчиняется надзору, второе остается отъ него независимымъ, и мы сохранили живое воспоминаніе о невнимательной, скучающей и занятой постороннимъ дѣломъ многолюдной аудиторіи стараго времени [1], рѣзко отличающейся отъ на-

[1] До 1842—43 учеб. года въ Университетѣ Св. Владиміра, имѣвшемъ тогда всего 320 студентовъ, посѣщеніе лекцій было обязательно. Каждый студентъ занималъ въ аудиторіи принадлежащій ему нумеръ; помощникъ инспектора обходилъ аудиторіи во время чтенія лекцій и записывалъ всѣ нумера, оставшіеся пустыми. Неявившихся безъ уважительныхъ причинъ подвергали штрафу. Съ 1842—43 уч. года посѣщеніе лекцій стало болѣе сво-

стоящей, въ которой профессоръ дѣйствительно видитъ нѣкоторое вниманіе къ предмету чтенія. Вотъ почему мы отдаемъ рѣшительное предпочтеніе свободному слушанію".

11) Согласно вышеизложенному возстановлять курсовые экзамены по моему мнѣнію не только не желательно, но вредно для серіозныхъ занятій студентовъ въ Университетахъ. Если въ Университетъ будетъ допущена „свобода ученія", то проектировать отдѣльно правила для экзаменовъ для постороннихъ слушателей (экстерновъ) нѣтъ необходимости; если же въ Университетахъ останется „обязательное" слушаніе лекцій и курсовыя испытанія, въ такомъ случаѣ весьма желательно допустить къ испытаніямъ постороннихъ слушателей на основаніяхъ аналогичныхъ тѣмъ, которыя были проектируемы физико-математическимъ факультетомъ Университета Св. Владиміра для допущенія экстерновъ къ государственному экзамену, а именно допускать къ этимъ испытаніямъ всѣхъ лицъ, если они представятъ въ факультетъ:

а) Аттестатъ объ окончаніи одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи.

б) Удостовѣреніе профессоровъ о слушаніи лекцій и успѣшности практическихъ занятій по предметамъ испытанія въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи или за границей и сочиненіе или работу по одному изъ главныхъ предметовъ испытанія и если факультетъ найдетъ названные аттестатъ, свидѣтельство и сочиненіе достаточными.

Факультету должно быть также предоставлено право засчитывать экзаменующемуся въ качествѣ экстерна, выдержанныя послѣднимъ въ одномъ изъ русскихъ высшихъ заведеній испытанія по одному или нѣсколькимъ предметамъ, входящимъ въ составъ испытанія.

Для того, чтобы вышеизложенная мѣра принесла дѣйствительную пользу, необходимо облегчить доступъ въ Университеты постороннимъ слушателямъ, допустить къ слушанію лекцій и къ другимъ университетскимъ занятіямъ всѣхъ лицъ, окончившихъ одно изъ русскихъ среднихъ заведеній, а не только тѣхъ, которыя состоятъ на государственной службѣ или имѣютъ „общественное положеніе", какъ это требуется по нынѣ дѣйствующимъ правиламъ, выработаннымъ на основаніи § 120 Устава Университетовъ.

больнымъ, прежній надзоръ послѣ открытія медицинскаго факультета сталъ труднѣе, попытки поручить наблюденіе профессорамъ не имѣли успѣха и наконецъ, какъ безполезныя, были отмѣнены (Н. Х. Бунге, 1858 г.).

12) Предоставленіе служебныхъ правъ окончившимъ университетскій курсъ нежелательно, какъ было уже сказано выше; но лишеніе этого права окончившихъ Университетъ, безъ одновременнаго лишенія его окончившихъ всѣ другія высшія учебныя заведенія, явилось бы несправедливою и нежелательною мѣрою по отношенію къ Университетамъ.

13) Государственные экзамены въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ настоящее время, должны быть отмѣнены, такъ какъ опытъ показалъ полную ихъ несостоятельность, въ чемъ повидимому никто не сомнѣвается. Университетамъ должно быть возвращено право присуждать окончившимъ Университетъ *званіе дѣйствительнаго студента и ученую степень кандидата на основаніи испытаній по предметамъ и программамъ, устанавливаемымъ факультетомъ и утверждаемымъ Министромъ. Правительство можетъ*, если найдетъ нужнымъ, установить, кромѣ того, особенное испытаніе на право полученія опредѣленной должности, но испытанія эти должны находиться внѣ всякой связи съ Университетомъ и имѣть спеціальный, практическій характеръ. Испытанія подобнаго рода установлены уже въ нѣкоторыхъ Вѣдомствахъ и могутъ быть устанавливаемы и въ другихъ Вѣдомствахъ по мѣрѣ необходимости. Установленіе подобныхъ испытаній даже желательно, такъ какъ они могутъ содѣйствовать серьезнымъ занятіямъ студентовъ въ Университетахъ.

14) Единственная твердая почва, на которой возможно сближеніе профессоровъ съ студентами въ Университетѣ — это *наука*, и чѣмъ менѣе профессору будетъ навязана роль „школьнаго учителя, репетитора и экзаменатора", а студенту роль пассивная „школьника", тѣмъ сильнѣе и плодотворнѣе будетъ вліяніе этого весьма желательнаго сближенія на *образованіе* студентовъ. Въ виду этого, важнѣйшей мѣрой для сближенія профессоровъ съ студентами я считаю уничтоженіе „принудительнаго ученія" въ Университетахъ. Воспитательное воздѣйствіе профессоровъ на студентовъ, по-мимо науки, не можетъ быть регулировано внѣшними мѣрами и потому можетъ быть выражено только въ формѣ добраго пожеланія.

15) Съ допущеніемъ въ Университетъ „свободы ученія" въ выше указанномъ смыслѣ, необходимость въ курсовой организаціи студентовъ и въ курсовыхъ старостахъ падаетъ сама собой. Въ этомъ я вижу еще одно изъ преимуществъ „свободы ученія" въ Университетахъ, такъ какъ *обязательная, учрежденная сверху*, курсовая организація будетъ отвлекать *всѣхъ* студентовъ отъ главнаго

ихъ дѣла *изученія науки*—и явится въ то же время ничѣмъ неоправдываемымъ насиліемъ надъ личностью студента, заставляя каждаго студента участвовать въ корпораціи помимо его желанія и подчиняться затѣмъ рѣшенію большинства даже въ томъ случаѣ, если онъ ему вполнѣ не сочувствуетъ. Курсовая организація подобнаго рода едва ли можетъ содѣйствовать развитію правильно понятаго товарищества между студентами, такъ какъ одно изъ главныхъ условій товарищества то, чтобы оно не было превращено въ деспотизмъ массы, который въ сущности всегда бываетъ деспотизмомъ немногихъ и при томъ очень часто не лучшихъ. Товарищество лишь тогда хорошо и терпимо, когда оно не подавляетъ личной самостоятельности товарищей и не препятствуетъ имъ заниматься своимъ дѣломъ, въ данномъ случаѣ наукой. Кромѣ того, обязательная курсовая организація будетъ также мало содѣйствовать самообразованію студентовъ, такъ какъ она будетъ сближать всего болѣе лицъ одинаковаго возраста и одинаковой спеціальности, между тѣмъ какъ самообразованіе и предохраненіе человѣка отъ излишней односторонности можетъ быть всего полнѣе достигнуто добровольнымъ сближеніемъ лицъ различнаго возраста и различныхъ спеціальностей—что возможно именно для учащихся въ Университетахъ, и что составляетъ одно изъ главныхъ преимуществъ Университетовъ передъ другими спеціальными высшими учебными заведеніями.

Высказываясь, такимъ образомъ, вполнѣ опредѣленно противъ *обязательной, узаконенной* курсовой организаціи студентовъ, я въ то же время считаю вполнѣ желательнымъ дозволить студентамъ, какъ полноправнымъ гражданамъ, участвовать въ уже существующихъ ученыхъ и другихъ дозволенныхъ обществахъ, въ случаѣ выбора ихъ въ эти общества, а также на общихъ основаніяхъ (или, если возможно, порядкомъ болѣе упрощеннымъ при содѣйствіи Университета) основывать новые общества или кружки для научныхъ занятій и самообразованія, для взаимопомощи, спорта и т. д., вполнѣ добровольно и безъ всякаго предписанія. Для большей успѣшности этихъ кружковъ было бы желательно дозволить участвовать въ нихъ не только наличнымъ, но и бывшимъ студентамъ того же Университета. Этимъ поддерживалась бы болѣе тѣсная связь между Университетомъ и обществомъ, которая теперь весьма слаба.

Право свободнаго образованія ассоціацій и право „сходокъ" не можетъ быть предоставлено студентамъ, пока правами этими не будутъ пользоваться всѣ остальные граждане Имперіи. Предоставленіе этихъ правъ студентамъ было бы равносильно или предо-

ставленію младшимъ, менѣе опытнымъ и менѣе заслуженнымъ членамъ общества болѣе правъ, чѣмъ старшимъ, болѣе опытнымъ и болѣе заслуженнымъ—на что нѣтъ никакого основанія, или же признанію студентовъ не за полноправныхъ гражданъ, а за „школьниковъ", которымъ подчасъ можетъ быть дозволено поиграть въ „сходку", что обидно для самихъ студентовъ и весьма нежелательно. „Мы очень дорого платимъ и заплатили, замѣтилъ М. М. Стасюлевичъ [1]), за удовольствіе считать студентовъ мальчиками: мы были вынуждены признать ихъ за болѣе взрослыхъ, нежели мы сами".

Мнѣніе, что студенты, не смотря на всѣ запрещенія, все таки собирали и будутъ собирать „сходки", а потому лучше допустить *законныя* студенческія сходки, чѣмъ терпѣть *незаконныя*, я не раздѣляю, ибо думаю, что при существующихъ условіяхъ допущеніе *законныхъ сходокъ*, т. е. сходокъ, разрѣшенныхъ университетской властью, не устранятъ *незаконныхъ*, и что студенческія сходки являются вообще ненормальнымъ явленіемъ университетской жизни, къ которому можно и должно относиться снисходительно, но не слѣдуетъ его поддерживать и узаконивать, для блага самихъ студентовъ и достоинства Университета. Если тѣмъ не менѣе найдено будетъ необходимымъ, въ видѣ частной мѣры, допустить студенческія сходки для обсужденія переходящихъ вопросовъ, касающихся студенческой жизни, то по моему мнѣнію сходки эти могутъ быть допускаемы только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы почипъ сходокъ исходилъ свободно отъ той или другой группы студентовъ, и чтобы участіе въ сходкахъ и рѣшеніе сходокъ ни въ какомъ случаѣ не было обязательно для всѣхъ студентовъ. Полагаю даже, что сходки подобнаго рода—какъ временныя будутъ отвлекать студентовъ менѣе отъ научныхъ занятій и болѣе удовлетворять студентовъ, чѣмъ курсовая организація безъ права сходокъ.

16) Университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ желательно возстановить въ духѣ устава 1863 г., такъ какъ рѣшеніе подобнаго суда будетъ пользоваться у студентовъ значительно большимъ авторитетомъ, чѣмъ рѣшеніе Правленія Университета при уставѣ 1884 г.

17) При отсутствіи курсовой организаціи и съ введеніемъ „свободы ученія" въ Университетахъ, устройство студенческаго (това-

---

[1]) Замѣч. на проектъ общаго устава Императорскихъ Университетовъ ч. II, стр. 113. Спб. 1862 г.

рищескаго) суда спеціально для разбора поступковъ студентовъ, противныхъ чести, я считаю излишнимъ и полагаю, что разборъ поступковъ подобнаго рода можетъ быть предоставленъ Университетскому суду.

18) Постановка университетской инспекціи должна быть измѣнена согласно уставу 1863 г., возложивъ на инспекцію не столько полицейскія обязанности, сколько изученіе быта студентовъ и ходатайства о нуждахъ студентовъ передъ Правленіемъ и Совѣтомъ.

Профессоръ **Н. Бунге.**

Іюль 1901 г.

Отдѣльное мнѣніе по нѣкоторымъ изъ вопросовъ, касающихся устройства Университетовъ,

заслуженнаго профессора Универверситета Св. Владиміра Іосифа Баранецкаго.

1. По вопросу 5-му.

При нынѣшнемъ штатномъ содержаніи, получаемомъ профессоромъ, совмѣстительство вызывается прямо необходимостью добыть средства для безбѣднаго существованія въ дорогихъ нашихъ городахъ. Совѣтъ Университета Св. Владиміра и высказался единодушно за необходимость значительнаго увеличенія профессорскаго содержанія. Но если содержаніе это будетъ дѣйствительно доведено до такого размѣра, чтобы оно одно обезпечивало покойную жизнь, избавляя отъ мелочныхъ ежедневныхъ заботъ, причиняемыхъ скудостью средствъ, то при такихъ условіяхъ совмѣстительство, даже въ формѣ преподаванія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, является, по моему мнѣнію, крайне нежелательнымъ. Въ пользу допущенія подобнаго совмѣстительства въ Совѣтѣ Университета высказано было, главнымъ образомъ, то соображеніе, что, ограничивая всякаго ученаго правомъ преподавать въ одномъ только учебномъ заведеніи, значило бы лишать разныя другія учебныя заведенія возможности пользоваться услугами особенно талантливыхъ и выдающихся лицъ; что если, какъ это иногда встрѣчается, выдающійся умъ соединенъ съ столь же выдающейся энергіей и продуктивностью труда, то многочисленность и многосторонность занятій можетъ въ то же время и не идти въ ущербъ интенсивности и качеству этихъ занятій. Едва ли, однако, можно оспаривать, что

подобная неутомимость и трудоспособность, въ особенности въ славянскомъ племени, представляетъ лишь явленіе исключительное. Принимая же въ соображеніе лишь средніе случаи, каковые всякая регламентація только и можетъ имѣть въ виду, я прихожу къ убѣжденію, что совмѣстительство профессорскихъ должностей въ разныхъ отношеніяхъ можетъ оказывать очень вредное вліяніе.

Лица, занимающія уже въ теченіе нѣкотораго времени профессуру въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ особенности чисто научныхъ, каковы Университеты, пріобрѣтаютъ уже тѣмъ самымъ извѣстность, иногда даже независимо отъ ихъ научныхъ заслугъ и преподавательскаго таланта. Съ другой стороны, различныя спеціальныя учебныя заведенія при необходимости замѣстить профессуру по какому либо теоретическому предмету, часто не считаютъ себя даже компетентными для сужденія о возможныхъ свободныхъ кандидатахъ на данную профессуру и естественно обращаются поэтому прямо къ извѣстному уже профессору какъ лицу, представляющему во всякомъ случаѣ весь необходимый цензъ. Потому профессора разныхъ чисто научныхъ предметовъ преподаютъ, какъ извѣстно, часто во многихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ одновременно и это имѣетъ, прежде всего, ту очень дурную сторону, что загражаетъ въ значительной степени дорогу начинающимъ ученымъ. Не смотря на значительное число однородныхъ профессуръ по разнымъ высшимъ заведеніямъ столицъ, въ дѣйствительности число профессорскихъ *должностей*, благодаря совмѣстительству, бываетъ обыкновенно очень ограничено. Это обстоятельство и трудность, вслѣдствіе этого, получить преподавательскую должность можетъ въ значительной степени обезкураживать многихъ, чувствующихъ влеченіе къ научной дѣятельности, но видящихъ въ то же время трудность достигнуть на этомъ пути сколько нибудь обезпеченнаго положенія. Между тѣмъ въ различныхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ нѣкоторые чисто научные предметы имѣютъ лишь второстепенное значеніе и преподаваніе такихъ предметовъ, по извѣстнымъ обязательнымъ программамъ, слѣдовало бы тѣмъ болѣе поручать различнымъ начинающимъ ученымъ, что это являлось бы для нихъ подготовительной степенью къ переходу на профессуры болѣе отвѣтственныя. Съ другой стороны, всякій изъ насъ, профессоровъ, согласится, что чтеніе лекцій или практическія занятія со студентами представляютъ уже въ чисто физическомъ смыслѣ трудъ далеко не легкій. Шесть или восемь часовъ недѣльныхъ чувствуются уже въ достаточной мѣрѣ; если же при совмѣстительствѣ число этихъ часовъ иногда, быть

можетъ удваивается противъ сказаннаго, то это даже въ выносливомъ организмѣ должно вызывать значительное утомленіе, что не можетъ не отозваться на самомъ качествѣ лекцій, не говоря уже о самостоятельныхъ научныхъ занятіяхъ профессора.

Столь же мало, отчасти по причинамъ этическаго характера, отчасти по причинѣ необходимости жертвовать въ подобныхъ случаяхъ значительнымъ количествомъ времени, можетъ быть совмѣстима должность профессора, какъ ученаго съ такими, наприм., занятіями, какъ директорство въ банкахъ или другихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ. Но профессора не должны быть лишаемы права трудиться въ качествѣ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ общества, въ особенности если при этомъ обязанности не связаны съ содержаніемъ, какъ наприм. обязанности земскихъ и городскихъ гласныхъ. Изъ платныхъ общественныхъ должностей, имѣющихъ мало общаго съ научной дѣятельностью профессора, слѣдовало бы, по моему мнѣнію, допустить только принятіе должности городскаго головы, но безъ права быть избираемымъ въ эту должность на нѣсколько сроковъ *подъ рядъ* и съ лишеніемъ на время общественной службы извѣстной части профессорскаго содержанія. Въ нѣсколько особомъ положеніи находятся университетскіе профессора медицинскаго факультета по предметамъ практической медицины. Частная практика такихъ профессоровъ отнимаетъ у нихъ, конечно, очень много времени и силъ. Но медицинская терапія представляетъ собою, прежде всего, область практическихъ свѣдѣній, обоснованныхъ большей частью научно лишь въ слабой степени и потому обширная врачебная практика даетъ самому профессору ту опытность, которая, помимо врожденнаго таланта, играетъ въ дѣлѣ удачнаго леченія весьма важную роль и вырабатываетъ ту школу, которая воспитываетъ затѣмъ клиническихъ учениковъ профессора.

Дальнѣйшимъ и очень важнымъ, по моему мнѣнію, мотивомъ противъ совмѣстительства является то дурное нравственное вліяніе, какое иные факты совмѣстительства способны оказывать на учащуюся молодежь. Если столь развитое нынѣ совмѣстительство и явилось первоначально въ силу необходимости пополнить свое скудное содержаніе, то нельзя не согласиться, что стремленіе къ увеличенію своихъ доходовъ не всегда ограничивается предѣлами дѣйствительной потребности, границы которой, конечно, совершенно неопредѣленны. Потому легко возможны случаи, гдѣ совмѣстительство принимаетъ уже явно характеръ жадности къ пріобрѣтенію. Если нынѣ въ самой учащейся молодежи стремленія болѣе идеальныя, интересъ къ самой наукѣ отошли въ значительной степени на

послѣдній планъ и интересы ея сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на соображеніяхъ чисто практическаго свойства, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Университеты держатъ въ своихъ рукахъ средство для борьбы съ этимъ нежелательнымъ направленіемъ молодежи, такъ какъ Университеты одни имѣютъ своею цѣлью культивированіе и распространеніе чистой науки, -какъ одного изъ идеаловъ жизни. Университеты должны поэтому употребить всѣ средства къ тому, чтобы поднять достоинство науки и тѣмъ возбуждать въ учащихся любовь и уваженіе къ ней. Но для этого, прежде всего, нужно, чтобы и представители этой науки въ Университетахъ являли собою если и не образцы безкорыстнаго служенія ей, то, во всякомъ случаѣ, не подавали примѣра жажды обогащенія, каковую форму можетъ нерѣдко принять возможность неограниченнаго совмѣстительства.

Достаточнымъ регуляторомъ въ дѣлѣ совмѣстительства Совѣтъ признаетъ необходимость для принятія профессоромъ другой платной должности испрашивать каждый разъ разрѣшеніе высшаго начальства. Но, очевидно, что такое требованіе нисколько не измѣнитъ нынѣшняго положенія дѣла, такъ какъ господину Министру придется рѣшать каждый разъ довольно щекотливый личный вопросъ. Подобные же вопросы должны быть напередъ точно регламентированы, иначе рѣшеніе ихъ для каждаго отдѣльнаго случая будетъ крайне стѣснять одну сторону и вести къ частымъ неудовольствіямъ другой стороны. Если же штатное содержаніе профессоровъ Университета будетъ увеличено въ достаточной степени, то приведенные мною мотивы говорятъ, по моему мнѣнію, настоятельно за ограниченіе совмѣстительства для этихъ лицъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Иногда указываютъ на то, что частныя занятія кого бы то ни было, а слѣдовательно и профессоровъ ограничить невозможно, а что поэтому и вообще регламентировать и ограничить совмѣстительство невозможно. Подобный взглядъ не выдерживаетъ, однако, никакой критики, такъ какъ несомнѣнно, что во всѣхъ обыкновенныхъ случаяхъ границу между опредѣленной *должностью*, государственною или частною, съ одной стороны, и частнымъ занятіемъ съ другой, можно провести очень отчетливо. Невозможно допускать, чтобы профессора химіи или физики становились директорами химической фабрики или электрическаго предпріятія. Но если владѣлецъ фабрики химическихъ продуктовъ или даже акціонерное электрическое Общество будутъ обращаться къ профессорамъ химіи или физики за научными указаніями по отдѣльнымъ случаямъ и во-

просамъ своего производства, то это будетъ, очевидно, случайное, временное занятіе и потому частное дѣло профессора, умѣстность котораго въ состояніи уже контролировать и судить лишь общественное мнѣніе.

2. По вопросу 11-му.

При обсужденіи 11-го изъ предложенныхъ министерствомъ вопросовъ Совѣту университета представились двѣ возможныя системы въ дѣлѣ прохожденія студентами университетскаго курса. Нынѣ существующая, курсовая или школьная система, при которой студентъ въ теченіе каждаго послѣдовательнаго полугодія долженъ выслушивать опредѣленные курсы и въ концѣ академическаго года сдать по извѣстнымъ изъ нихъ экзамены для перехода на слѣдующій курсъ. При одной неудовлетворительной отмѣткѣ (исключенія изъ этого допускаются только на медицинскомъ факультетѣ) студентъ не переводится на высшій семестръ (въ дѣйствительности курсъ), при чемъ время пребыванія въ университетѣ ограничивается вообще 6 годами. Но возможна также система „предметная“, при которой дѣленія на курсы и слѣдовательно перевода изъ одного въ слѣдующій не существуетъ, студентъ слушаетъ свободно тѣ или другіе предметы и выдерживаетъ экзамены по тѣмъ изъ нихъ, по которымъ уже подготовился, при чемъ, однако, экзамены по отдѣльнымъ предметамъ могутъ быть сдаваемы лишь въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ, указываемомъ факультетами. Значительное большинство членовъ Совѣта и въ томъ числѣ весь медицинскій факультетъ высказались за курсовую систему. Мотивами для этого выставлялись тѣ соображенія, что студенты нашихъ университетовъ выказываютъ слишкомъ мало самодѣятельности, чтобы ихъ можно было предоставить ихъ собственному усмотрѣнію. Что при переводахъ на высшій курсъ лишь по экзаменамъ, страхъ передъ этими послѣдними принуждаетъ студентовъ прилежнѣе заниматься, хотя бы съ цѣлью подготовки къ этимъ экзаменамъ. Для медицинскаго же факультета является особенно важнымъ, чтобы, приступая къ спеціально медицинскимъ предметамъ, студенты имѣли уже достаточныя познанія по всѣмъ основнымъ предметамъ.

Мотивы эти по моему мнѣнію не на столько убѣдительны, чтобы перевѣсить соображенія, какія можно привести въ пользу предметной системы. При курсовой системѣ студенты обязываются дѣйствительно почти каждый годъ держать извѣстные экзамены, но, судя по результатамъ этихъ экзаменовъ и въ особенности по по-

сѣщенію студентами лекцій едва ли можно утверждать, чтобы предстоящіе обязательные экзамены особенно воодушевляли студентовъ къ занятіямъ. Если студентъ остается на курсѣ уже второй годъ, то экзаменаторъ не мало стѣсненъ правиломъ о невозможности для студента оставаться на курсѣ болѣе 2 лѣтъ, вслѣдствіе чего приходится дѣлать при экзаменѣ всевозможныя послабленія и пропускать на высшій курсъ студентовъ завѣдомо плохо подготовленныхъ. Еще болѣе въ состояніи связывать экзаменаторовъ допускаемое на медицинскомъ факультетѣ Университета Св. Владиміра откладываніе экзамена по нѣкоторымъ предметамъ до слѣдующаго курса, а также условный переходъ на высшій курсъ съ одной неудовлетворительной отмѣткой. Съ другой стороны, приходится часто слышать жалобы отъ самихъ студентовъ, что ихъ сильно затрудняетъ требованіе готовиться къ одному сроку къ экзамену по нѣсколькимъ, иногда обширнымъ, предметамъ.

Предметная система прохожденія университетскаго курса, сложившаяся исторически въ западныхъ Университетахъ, обѣщаетъ и у насъ результаты благопріятнѣе нынѣшнихъ уже по вѣроятному нравственному вліянію на университетскую молодежь. Молодые люди, окончивъ гимназію и поступая въ Университетъ, считаютъ себя уже въ извѣстной степени зрѣлыми и, повидимому, очень дорожатъ тѣмъ, чтобы за ними признавалось нѣкоторое право на это. Стремленіе университетской молодежи къ извѣстной самостоятельности видно уже изъ того упорства и настойчивости, съ какими добиваются они права свободно обсуждать свои студенческія дѣла. Скажу мимоходомъ, что по моему мнѣнію, какъ и по мнѣнію большинства Совѣта, нѣтъ никакого повода опасаться, чтобы предоставленіе студентамъ такого права могло привести къ какимъ либо дурнымъ послѣдствіямъ. Если въ настоящее время на недозволенныхъ студенческихъ сходкахъ подымаются и обыкновенно дебатируются такіе вопросы, рѣшеніе которыхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предоставлено студентамъ, то въ этомъ слѣдуетъ уже видѣть результатъ общаго недовольства своимъ положеніемъ, вызваннаго излишнимъ стѣсненіемъ корпоративной и личной свободы студентовъ. Я думаю, что нѣкоторое расширеніе этой свободы, предоставленіе студентамъ нѣкоторой самостоятельности въ обсужденіи наприм. извѣстныхъ потребностей своей среды вообще и отдѣльныхъ товарищей, однимъ словомъ признаніе за студентами въ извѣстной мѣрѣ правъ зрѣлыхъ людей, поднявъ ихъ нравственное самосознаніе, не только отклонило бы студентовъ отъ занятія вопросами, превосходящими очевидно ихъ компетенцію, но также

усилило бы ихъ самодѣятельность и интересъ къ научнымъ занятіямъ. Нужно согласиться, что лишеніе взрослаго человѣка всякой свободы въ распоряженіи своими занятіями и своимъ трудомъ вселяетъ лишь недовольство и внушаетъ апатію къ занятіямъ, которыя въ данное время дѣлаютъ для него обязательными. Я и думаю поэтому, что столь распространенное даже между профессорами Университета мнѣніе, что только обязательностью извѣстныхъ экзаменовъ въ извѣстные сроки можно принудить нашихъ студентовъ сколько нибудь усерднѣе заниматься наукой, весьма ошибочно и что, напротивъ, эта система принужденія и обусловливаетъ въ значительной мѣрѣ то пониженіе научнаго интереса, какое приходится нынѣ констатировать. Слѣдуетъ ожидать, что рядомъ съ другими желательными мѣрами, направленными къ подъятію нравственнаго самосознанія студентовъ, введеніе предметной системы, при которой студентъ былъ бы въ правѣ въ концѣ каждаго полугодія держать въ извѣстной послѣдовательности экзамены по предметамъ имъ уже вполнѣ усвоеннымъ, устраняя принужденіе нынѣшней курсовой системы, подняло бы и научную самодѣятельность нашихъ студентовъ. Необходимость извѣстной послѣдовательности въ порядкѣ выслушиваемыхъ и сдаваемыхъ предметовъ не представляла бы при этомъ ничего подобнаго нынѣшнему курсовому порядку, такъ какъ эта послѣдовательность можетъ быть намѣчена въ очень широкихъ предѣлахъ. По естественно-историческому отдѣленію, напримѣръ, раньше всѣхъ другихъ предметовъ должны быть обязательно усвоены только физика и химія. Порядокъ же занятія біологическими науками, а равно минералогіей съ геологіей можетъ быть вполнѣ предоставленъ вкусу и желанію каждаго отдѣльнаго студента. Подобная система, предоставляя студентамъ свободу въ ихъ научныхъ занятіяхъ, освобождала бы и университетскихъ экзаменаторовъ отъ того стѣсненія, какое они испытываютъ нынѣ, имѣя дѣло со студентомъ, которому неудовлетворительная отмѣтка грозитъ исключеніемъ изъ Университета. При предметной системѣ, конечно, всякій неудачный экзаменъ студентъ могъ бы повторить опять безъ того, чтобы это влекло уже само по себѣ продленіе срока пребыванія его въ Университетѣ. Способные и трудолюбивые молодые люди на теоретическихъ факультетахъ, юридическомъ и филологическомъ, могли бы легко проходить весь университетскій курсъ въ теченіе 3 лѣтъ. Что же касается максимальнаго срока пребыванія студента въ Университетѣ, то такой срокъ, по моему мнѣнію, не долженъ быть ограниченъ вовсе. Всякое ограниченіе въ этомъ отношеніи не соотвѣтствовало бы уже вовсе принципу свободы уче-

нія и той самостоятельности, какая должна быть предоставлена студентамъ въ видахъ поднятія ихъ собственнаго самосознанія. Четырьмя годами слѣдовало бы ограничить только срокъ полученія стипендій, которыя дольше этого срока одному лицу выдаваться не должны.

Введеніемъ предметной системы разрѣшился бы самъ собою и вопросъ объ „экстернахъ“, такъ какъ при этой системѣ не существовало-бы студентовъ въ нынѣшнемъ, школьномъ смыслѣ и всѣ слушатели Университетовъ состояли бы на правахъ такъ называемыхъ нынѣ вольнослушателей или экстерновъ. Предметная система гармонировала бы и съ той реформой, какую, по моему мнѣнію, желательно бы ввести въ отношеніи служебныхъ правъ, предоставляемыхъ нынѣ Университетами, объ чемъ я и высказываюсь ниже.

3. По вопросамъ 12-му и 13-му.

Такъ называемыя „государственныя экзаменаціонныя комиссіи“, существующія по уставу 1884 года, не имѣютъ въ этомъ видѣ никакого значенія и должны быть безусловно отмѣнены. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могу согласиться съ большинствомъ Совѣта Университета Св. Владиміра, что по вопросамъ, намѣченнымъ въ 12-мъ и 13-мъ пунктамъ слѣдуетъ просто возвратиться къ уставу 1863 года. Практиковавшаяся по прежнему уставу и нынѣ практикуемая выдача Университетами дипломовъ съ правами на льготы по государственной службѣ не соотвѣтствуетъ, по моему мнѣнію, вовсе цѣлямъ и духу чисто научныхъ учрежденій, каковыми являются Университеты и очень дурно вліяютъ на взглядъ и отношеніе къ наукѣ самой университетской молодежи. Высшія учебныя заведенія у насъ проходятъ вообще почти исключительно съ цѣлью поступленія затѣмъ на частную или государственную службу. Лицо, предъявляющее дипломъ инженера, техника, агронома считается вполнѣ подготовленнымъ къ соотвѣтствующему дѣлу и можетъ получить тотчасъ занятіе соотвѣтственно своему диплому. При небольшой еще у насъ конкуренціи на всѣхъ почти поприщахъ дѣятельности само обладаніе извѣстнымъ дипломомъ является уже гарантіей извѣстной обезпеченности въ будущемъ и всѣ многолѣтнія усилія учащагося молодого человѣка сводятся окончательно къ факту полученія диплома. Пока сами Университеты будутъ непосредственно выдавать дипломы съ довольно крупными льготами по государственной службѣ, для которой при университетскомъ дипломѣ не требуется уже

никакихъ дальнѣйшихъ гарантій, до тѣхъ поръ полученіе диплома будетъ стоять всегда на первомъ планѣ при поступленіи молодыхъ людей въ Университетъ. Такой взглядъ на Университетъ, какъ на одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, дающее непосредственно дипломъ съ правами и льготами по государственной службѣ, является, по моему мнѣнію, одной изъ причинъ того малаго интереса къ наукѣ и чисто формальнаго къ ней отношенія, какія замѣчаются нынѣ у огромнаго большинства университетской молодежи. Если бы съ окончаніемъ Университета не были связаны непосредственно значительныя служебныя права (на чинъ извѣстнаго класса), то приведенный утилитарный взглядъ на Университетъ постепенно долженъ бы значительно возвыситься, а тѣмъ самымъ и отношеніе къ самой университетской наукѣ. Если разныя спеціальныя учебныя заведенія выдаютъ дипломы, обезпечивающіе извѣстныя права службы частной или государственной, то нельзя не замѣтить, что значеніе этихъ дипломовъ, съ одной стороны, и университетскихъ, съ другой, очень различны. Во всѣхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ дипломы выдаются лишь послѣ обязательнаго прохожденія учащимся очень обстоятельныхъ практическихъ работъ по своей спеціальности и потому лицо, получающее дипломъ инженера, техника, агронома дѣйствительно въ состояніи проектировать и построить мостъ или зданіе, вести извѣстное техническое производство или раціональное полевое хозяйство. Спеціальныя учебныя заведенія чувствуютъ себя отвѣтственными за практическую подготовку выпускаемыхъ ими спеціалистовъ, которая обнаруживается тотчасъ при поступленіи ихъ на отвѣтственныя должности и въ такихъ заведеніяхъ учебный режимъ установленъ достаточно суровый и требовательный. Сами же учащіеся подчиняются здѣсь этому режиму, отчасти дорожа пребываніемъ въ учебномъ заведеніи, доступъ въ которое довольно затруднителенъ, отчасти въ сознаніи того, что возводить постройки или конструировать машины нельзя будетъ впослѣдствіи по одному диплому и безъ дѣйствительныхъ практическихъ познаній. Совершенно другое обозначаетъ университетскій дипломъ, который признаетъ только за обладателемъ его извѣстную ученую степень по чистымъ наукамъ и не гарантируетъ никакой подготовки къ какой либо практической дѣятельности. Тѣмъ не менѣе съ однимъ университетскимъ дипломомъ молодые люди принимаются непосредственно на государственную службу по самымъ разнообразнымъ должностямъ, на которыхъ они впервые должны еще многому учиться, но при поступленіи на которыя они получаютъ уже сразу значительныя

служебныя преимущества. Это именно обстоятельство, т. е. сознаніе того, что для последующей практической деятельности (исключая развѣ отчасти учительскую карьеру) университетская наука даетъ непосредственно лишь очень мало, а между тѣмъ одинъ университетскій дипломъ открываетъ уже вполнѣ служебное поприще, сознаніе это, говорю, вліяетъ, по моему мнѣнію, на университетскую молодежь сильно деморализующимъ образомъ. Цѣлью поступленія въ Университетъ является не научное образованіе, безъ котораго въ последующей дѣятельности въ значительной мѣрѣ можно и обойтись, а полученіе университетскаго диплома, безъ котораго въ служебной карьерѣ обойтись трудно. Если къ этому прибавить, что званіе дѣйствительнаго студента по уставу 1863 г. и въ особенности дипломъ 2-ой степени по нынѣшнему уставу,—съ которыми все таки связаны служебныя преимущества,—соотвѣтствуютъ большей частью и въ чисто научномъ отношеніи лишь весьма слабымъ познаніямъ, то слѣдуетъ, по моему мнѣнію, придти къ заключенію, что предоставляемыя университетскими дипломами служебныя преимущества идутъ лишь во вредъ университетскому ученію и по характеру сообщаемыхъ здѣсь знаній не находятъ достаточнаго оправданія.

Дипломъ объ окончаніи университетскаго курса съ низшей ученой степенью (на каждомъ изъ чисто научныхъ факультетовъ должны читаться, кромѣ факультетскихъ предметовъ, и требоваться обязательно также философія и логика), свидѣтельствуя объ извѣстномъ научномъ образованіи, можетъ давать развѣ извѣстныя льготы по отбыванію воинской повинности, но права по государственной службѣ должны предоставляться только по особымъ экзаменамъ въ государственныхъ испытательныхъ комиссіяхъ. Въ програмы такихъ комиссій по данной области наукъ должны входить главнымъ образомъ вопросы, которые въ качествѣ прикладныхъ въ чисто научные университетскіе курсы обыкновенно не входятъ вовсе, но которые въ практической жизни одни имѣютъ значеніе. Въ виду этого въ Университетахъ должны бы читаться, въ качествѣ необязательныхъ для университетскаго экзамена, дополнительные курсы по вопросамъ или частямъ предметовъ, требуемымъ при государственномъ экзаменѣ и слушателямъ Университетовъ была бы предоставлена такимъ образомъ возможность въ Университетѣ же подготовиться и къ государственному экзамену.

При подобной системѣ государственныя испытательныя комиссіи должны представлять учрежденія постоянныя, совершенно независимыя отъ Университетовъ и члены которыхъ не должны быть

въ то же время профессорами Университетовъ. Можетъ возникнуть сомнѣніе удастся ли у насъ найти достаточное число спеціалистовъ, не состоящихъ профессорами Университетовъ для образованія въ разныхъ пунктахъ имперіи хотя 3—4 испытательныхъ комиссій по разнымъ областямъ наукъ. Для юридическихъ комиссій это не составило бы и сейчасъ особыхъ затрудненій, такъ какъ и въ настоящее время сама практика уже привела къ тому, что на различныя юридическія должности требуется особый экзаменъ и между юридически образованными судьями и администраторами нашлись бы лица для состава испытательныхъ комиссій. Что же касается физико-математическихъ и филологическихъ комиссій, то и эти можно было бы, вѣроятно, уже въ настоящее время почти укомплектовать сверхштатными профессорами, какіе, послѣ 17-лѣтняго дѣйствія устава 1884 г., имѣются нынѣ во всѣхъ Университетахъ и по всѣмъ почти основнымъ предметамъ. Обезпечивъ членовъ экзаменаціонныхъ комиссій достаточнымъ содержаніемъ, можно было бы на первое время, въ случаѣ необходимости, привлечь къ этимъ должностямъ и нѣкоторыхъ профессоровъ, не имѣющихъ еще званія заслуженныхъ, если бы, въ видѣ исключенія, гарантировать имъ полученіе пенсіи, при поступленіи на новую должность.

При испытательныхъ комиссіяхъ по естественно-историческимъ наукамъ потребовалось бы имѣть нѣкоторыя коллекціи, какъ напримѣръ, коллекціи растительныхъ паразитовъ, съѣдобныхъ и ядовитыхъ грибовъ, вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ и т. п. Подобныя коллекціи, не требующія быть особенно обширными, являются большей частью уже готовыми и пріобрѣтеніе ихъ сразу не потребуетъ большихъ расходовъ. Если же на поддержаніе такихъ коллекцій будетъ отпускаться ежегодно хоть небольшая сумма, то со временемъ онѣ могутъ разростись въ цѣлые музеи.

Не соглашаясь по нѣкоторымъ вопросамъ съ мнѣніемъ большинства Совѣта Университета Св. Владиміра, я считаю своимъ долгомъ изложить здѣсь лишь принципіальные мотивы, приводящіе меня къ другому мнѣнію по этимъ вопросамъ. Если мотивы эти будутъ признаны уважительными, то подробная разработка соотвѣтственныхъ организацій должна составить уже предметъ особаго труда.

Профессоръ **I. Баранецкій.**

Дополненія къ докладу Совѣта Университета Св. Владиміра по дѣлу о предполагаемомъ пересмотрѣ Университетскаго Устава.

Проф. І. Лециуса.

Къ вопросамъ № 1 и № 2.

1. Профессора должны быть избираемы не на основаніи конкурса, но путемъ приглашенія.

Мотивы: Тотъ и другой способъ — конкурсъ и приглашеніе — даетъ одинаковыя гарантіи или не-гарантіи, но второй дѣйствуетъ моментально, между тѣмъ какъ при первомъ вакантная каѳедра остается не занятой $1—1\frac{1}{2}$ года.

2. Ректоръ долженъ быть избираемъ на 2, 3 или 4 года, какъ хотятъ, деканы только на 1 или 2 года, при чемъ вторичное избраніе одного и того же лица допустимо, но безпрерывность должна быть исключена.

Мотивы: При исключеніи безпрерывности не будетъ случаевъ „забаллотированія“ ректора или декана. Если же безпрерывность допускается, а ректоръ или деканъ заранѣе не заявляетъ, что ни въ какомъ случаѣ не желаетъ вторичнаго избранія, то его неизбраніе можетъ считаться выраженіемъ недовѣрія и можетъ вести къ натянутымъ личнымъ отношеніямъ. Съ другой стороны vis inertiae или партійные интересы могутъ вести къ второму и дальнѣйшему избранію того-же лица, хотя и интересы Университета этого не позволяютъ. Далѣе, безпрерывность можетъ создавать профессіональныхъ университетскихъ администраторовъ, отчуждающихся отъ науки. Въ концѣ концовъ желательно имѣть въ факультетахъ и въ Совѣтѣ какъ можно больше членовъ опытныхъ и

знающихъ дѣла, т. е. какъ можно больше бывшихъ декановъ и ректоровъ.

3. Въ интересѣ средней и низшей школъ желательно прервать связь между Университетами и попечителями учебныхъ округовъ и создать особую должность университетскихъ попечителей.

Мотивы: Желательно, чтобы попечители учебныхъ округовъ, главная забота которыхъ и теперь должна быть направлена къ управленію средней и низшей школою, и по мѣрѣ возможности были назначаемы изъ числа выдающихся практическихъ педагоговъ, изъ лучшихъ директоровъ. Въ настоящее время это рѣдко практикуется, потому что попечители имѣютъ дѣло и съ Университетами; назначаются они поэтому или изъ числа профессоровъ, или изъ числа высокопоставленныхъ лицъ, во всякомъ случаѣ изъ числа лицъ, не особенно близко стоящихъ къ средней и низшей школѣ. Поэтому Университеты, по моему мнѣнію, должны быть изъяты изъ сферы учебнаго округа. Но такъ какъ извѣстныя функціи, исполняемыя теперь по отношенію къ Университетамъ попечителями, какъ непосредственными органами государственной власти, никоимъ образомъ не могутъ быть возложены на органы самоуправленія—на выборнаго ректора или на Совѣтъ Университета, то мы нуждаемся въ мѣстномъ правительственномъ органѣ, имѣющемъ прямое отношеніе къ Университету. А безпокоить центральную инстанцію всѣми тѣми мелочными, иногда, дѣлами, окончательное рѣшеніе которыхъ правительство все-таки всегда будетъ предоставлять лишь непосредственному своему органу, немыслимо. Поэтому желательно имѣть особыхъ университетскихъ попечителей, назначаемыхъ или изъ числа бывшихъ профессоровъ или изъ числа высокопоставленныхъ лицъ, и имъ, быть можетъ, для облегченія ректора и Правленія Университета, можетъ быть поручено завѣдываніе университетскимъ хозяйствомъ, какъ это принято въ прусскихъ Университетахъ.

Къ вопросу № 4.

Желательно ввести принципъ прибавокъ къ жалованію черезъ извѣстные сроки: доходы должны постепенно увеличиваться соотвѣтственно увеличенію расходовъ. При установленіи окладовъ надо исходить изъ того основного положенія, что профессоръ имѣетъ право жениться и имѣетъ право имѣть дѣтей, скажемъ 5 дѣтей. Теперь же за квартиру, въ которой могутъ помѣщаться профес-

соръ-отецъ, жена и 5 дѣтей, даже при отсутствіи всякихъ лишнихъ претензій, въ Кіевѣ платится около 1000 рублей въ годъ, рѣдко меньше, обыкновенно больше. Слѣдовательно, въ виду того, что отецъ, воспитывающій 5 дѣтей, по общему опыту, можетъ тратить на квартиру лишь $^1/_6$ всѣхъ своихъ доходовъ—а то весь его бюджетъ будетъ въ полномъ разстройствѣ,—выходитъ, что старшій ординарный профессоръ долженъ получать 6000 рублей въ годъ. Но отсюда не нужно давать столько денегъ молодому и начинающему свое хозяйство профессору. Имѣя въ виду свои собственные опыты—мое хозяйство велось и ведется очень осторожно,—я предлагаю слѣдующую градацію: экстраординарному сразу 3000,+500 черезъ 3 года,+500 черезъ 3 года,+500 черезъ 3 года до достиженія высшаго оклада въ размѣрѣ 4500 руб., ординарному сразу 5000,+500 черезъ 5 лѣтъ,+500 черезъ 5 лѣтъ, до достиженія высшаго оклада въ размѣрѣ 6000 руб. Полная пенсія въ размѣрѣ 3000 руб.$=^{30}/_{60}$ высшаго оклада дается черезъ 30 лѣтъ; но уже по окончаніи 10-ти лѣтъ службы въ случаѣ выхода въ отставку по болѣзни или другой уважительной причинѣ, дается пенсія въ размѣрѣ $^{10}/_{60}$=1000 руб., а за каждый дальнѣйшій годъ прибавляется $^1/_{60}$, такъ что за 25 лѣтъ дается $^{25}/_{60}$=2500 руб.

Къ вопросу № 6.

Контроль факультетовъ надъ научнымъ достоинствомъ преподаванія отдѣльныхъ профессоровъ и доцентовъ не возможенъ. Но достоинство преподаванія можетъ быть поднято установленіемъ принципа обязательной конкурренціи, гдѣ она осуществима. Въ настоящее время мы имѣемъ профессоровъ, читающихъ цѣлый циклъ курсовъ, напр., на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ, и профессоровъ, читающихъ изъ года въ годъ одинъ и тотъ-же предметъ, втиснутый въ рамки одного курса, повторяемаго до безконечности. Однѣ каѳедры обнимаютъ цѣлую группу предметовъ: напр., классическая филологія или чистая математика, славянская филологія и физика, сравнительное языковѣдѣніе и ботаника; другія заключаютъ въ себѣ одинъ только предметъ, излагаемый въ одномъ только курсѣ въ теченіе одного года. Особенно развито это дробленіе каѳедръ на Юридическомъ факультетѣ. По моему мнѣнію, желательно опредѣлить объемъ юридическихъ каѳедръ такимъ образомъ, чтобы каждая изъ нихъ обнимала извѣстный циклъ сродныхъ предметовъ. Напр., въ настоящее время одинъ профессоръ читаетъ только международное

право это слишкомъ мало для силъ одного человѣка, другой читаетъ только государственное право — это тоже слишкомъ мало, третій читаетъ энциклопедію и философію права — это тоже слишкомъ мало. Цѣлесообразнѣе было бы поручить каждому изъ нихъ обязательное чтеніе всѣхъ трехъ предметовъ въ полномъ объемѣ и заставить ихъ конкуррировать другъ съ другомъ, при чемъ они могутъ чередоваться. Далѣе: такой важный предметъ, какъ гражданскій процессъ, въ настоящее время въ Кіевскомъ Университетѣ читается только однимъ профессоромъ, между тѣмъ какъ онъ обязательно долженъ быть читаемъ нѣсколькими преподавателями. Напр.: одинъ или два профессора могутъ читать все римское право и еще гражданскій процессъ, или исторію русскаго права и еще гражданскій процессъ. Тутъ возможны разныя комбинаціи. Студенты же должны имѣть право слушать каждый предметъ по своему выбору у какого желаютъ профессора, чтобы была настоящая конкурренція. Конечно, они тутъ не должны быть прикрѣплены къ извѣстнымъ „курсамъ“ или, лучше говоря, классамъ. Такимъ же образомъ и на физико-математическомъ факультетѣ, гдѣ чуть не каждая каѳедра занята двумя профессорами и гдѣ извѣстная конкурренція уже теперь практикуется, она должна быть сдѣлана обязательной и, такимъ образомъ, быть лишена всякаго odium. Разъ мы имѣемъ двухъ ботаниковъ, двухъ зоологовъ, двухъ минералоговъ, то они не должны раздѣлять между собою чтеніе курсовъ, входящихъ въ составъ ботаники, зоологіи, минералогіи, но каждый изъ нихъ долженъ читать весь предписываемый учебнымъ планомъ циклъ. Гдѣ за неимѣніемъ достаточнаго количества штатныхъ профессоровъ—какъ на историко-филологическомъ и медицинскомъ факультетахъ—подобная обязательная конкурренція не можетъ быть установлена, по крайней мѣрѣ, предполагаемые штатные доценты или допущенные къ чтенію лекцій приватъ-доценты должны пользоваться безусловнымъ правомъ конкуррировать съ штатными профессорами, и ихъ свобода тутъ никакими мѣрами не должна быть стѣснена. Они должны имѣть право читать тѣ же самые предметы, даже въ то же самое время какъ профессора, и если правила о зачетѣ полугодій будутъ сохранены, то они должны также имѣть право зачитывать полугодіе, на такихъ же правахъ, какъ штатные профессора. Исключеніе конкурренціи пріятно только для лѣнивой человѣческой натуры; напротивъ, обязательная конкурренція намъ, профессорамъ, въ высшей степени полезна.

Къ вопросу № 9.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ отвѣта на 10-ый вопросъ. Если указанными мною ниже мѣрами уровень университетскаго образованія будетъ поднятъ, то число студентовъ, готовыхъ посвящать себя профессорской карьерѣ, само по себѣ увеличится. Касаться здѣсь можно только магистерскаго или докторскаго (у медиковъ) экзамена. Экзаменъ этотъ, какъ высшій ученый, слѣдуетъ какъ можно болѣе спеціализировать, въ особенности для медиковъ, гдѣ такой спеціализаціи еще нѣтъ. Пріобрѣтаемый титулъ при томъ долженъ быть общій: докторъ медицины, докторъ естественныхъ наукъ и т. д., но соотвѣтствующій экзаменъ можетъ производиться по хирургіи или физіологіи или внутренней медицинѣ, или же по зоологіи, ботаникѣ и т. д. При спеціализаціи титуловъ возможенъ такой случай, что докторъ химіи, занимавшійся впослѣдствіи исключительно минералогіей и издавшій цѣлый рядъ изслѣдованій по минералогіи, по формальнымъ причинамъ не будетъ считаться „спеціалистомъ“ по минералогіи и не можетъ претендовать на вакантную каѳедру, хотя всѣ фактическія данныя у него есть.

Къ вопросу № 10

По моему мнѣнію необходимы: 1) Расширеніе учебнаго времени въ связи съ уничтоженіемъ курсовой системы и съ основной реформою экзаменовъ; 2) Преобразованіе внѣшняго соединенія подъ одной кровлею 4-хъ высшихъ учебныхъ заведеній, соединенія, именуемаго Университетомъ, въ настоящій Университетъ въ связи съ введеніемъ принципа ученой спеціализаціи.

Мотивы: 1. Наши оба „семестра“, вмѣстѣ взятые, равняются зимнему семестру германскихъ университетовъ. Лекціи у насъ читаются лишь въ теченіе 100 дней$=^2/_7$ года. $^5/_7$ года лекціи не читаются, никакія практическія занятія не производятся, всѣ семинаріи, лабораторіи, институты, клиники закрыты. Студенты предоставлены самимъ себѣ, и если они занимаются, то занимаются безъ всякаго профессорскаго руководства. Сильнѣе всего такое положеніе дѣла отражается на подготовкѣ нашихъ медиковъ, но и у студентовъ другихъ факультетовъ оно самымъ чувствительнымъ образомъ понижаетъ уровень и достоинство пріобрѣтаемаго ими высшаго образованія. Поэтому я предлагаю вести всѣ занятія отъ 20-го января по 31-ое мая и отъ 1-го сентября по 10-ое декабря. Это минимумъ. Экзаменамъ должны быть отведены первые

и послѣдніе 10 дней каждаго семестра, т. е. отъ 10—19 января, отъ 1—10 іюня, отъ 20—31 августа и отъ 10—20 декабря. Такимъ образомъ, наши семестры должны считаться отъ 10-го января по 10-ое іюня и отъ 20-го августа по 20-ое декабря.

2. Студенты должны имѣть право являться на экзаменъ къ одному изъ перечисленныхъ выше 4-хъ сроковъ, когда себя чувствуютъ подготовленными; притомъ они въ одинъ день могутъ экзаменоваться изъ нѣсколькихъ предметовъ, передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, а не только изъ одного, какъ теперь. Для каждой спеціальности должны быть установлены 2 экзамена, первый полукурсовый — для подготовительныхъ предметовъ, второй окончательный — для строго-спеціальныхъ. На томъ и другомъ студенты должны экзаменоваться изъ извѣстныхъ предметовъ, имъ заранѣе извѣстныхъ, но слушать они ихъ могутъ, когда сами желаютъ и у кого желаютъ. Въ временномъ отношеніи они никоимъ образомъ не должны быть стѣснены, они не должны быть прикрѣплены къ извѣстнымъ курсамъ съ обязательнымъ слушаніемъ предписанныхъ имъ предметовъ „на“ томъ или другомъ „курсѣ“. Они также должны имѣть право оставаться въ Университетѣ сколько сами желаютъ лѣтъ, пока ихъ не требуетъ военный министръ. Предоставленіе студентамъ права экзаменоваться въ 4 срока по собственному выбору кромѣ того и гуманнѣе для студентовъ и будетъ смягчать псевдогуманные инстинкты экзаменаторовъ. Годовой порядокъ уже въ гимназіи очень жестокъ для учениковъ старшихъ классовъ, гдѣ вполнѣ возможенъ семестровый порядокъ. теперь они за неуспѣшность оставляются на цѣлый годъ, что очень много, но для студентовъ онъ, при нѣкоторой строгости на экзаменѣ, прямо варварство. На практикѣ онъ и ведетъ очень часто къ самой недозволительной филантропіи со стороны экзаменаторовъ. Такъ какъ студенты вынуждены являться на экзаменъ въ маѣ мѣсяцѣ, чтобы не терять цѣлаго года, то любезные экзаменаторы ихъ пропускаютъ „ради Христа“ даже при отсутствіи всякихъ познаній, лишь бы избѣгать odium-a оставленія студента на второй годъ. Курсовая система тутъ самымъ губительнымъ образомъ отражается на уровнѣ университетскаго образованія. Напротивъ, при рекомендуемомъ мною семестровомъ порядкѣ студентъ, потерпѣвшій неудачу, теряетъ гораздо меньше времени и не обязанъ вторично слушать въ теченіе цѣлаго года уже прослушанные имъ предметы. Но семестровый порядокъ требуетъ и двухъ настоящихъ семестровъ. Въ настоящее время ихъ нѣтъ: весенній „семестръ“ является такой же фикціей, какъ 4-я „четверть“ въ средней школѣ.

3. Университетъ въ настоящее время раздѣленъ на 4 факультета. Почему? Потому что когда-то, когда Университеты возникли въ Западной Европѣ, и когда историко-филологическія, государственныя и естественныя науки были менѣе развиты, дѣйствительно, если не считать отсутствующаго при русскихъ Университетахъ богословскаго факультета, имѣлись только 4 facultates, т. е. 4 научныя „способности", пріобрѣтаемыя въ Университетѣ: юриспруденція, медицина, филологія въ самомъ обширномъ смыслѣ и естественныя науки съ математикою.- Это время прошло безвозвратно. Науки развились и разрослись, и живнь теперь знаетъ куда больше „факультетовъ"=„способностей" или просто спеціальностей, нежели традиціонныя 4. Съ этимъ фактомъ надо считаться. Но такъ какъ привыкли къ представленію, что каждый „факультетъ" есть одно нераздѣльное цѣлое, олицетвореніе одной facultas, одной спеціальности, то организація университетскаго преподаванія отстала отъ развитія науки. Студентъ въ настоящее время считается студентомъ не Университета, избравшимъ себѣ извѣстную facultas, напр. химію или славянскую филологію, но онъ считается студентомъ „факультета", какъ будто бы всѣ предметы, преподаваемые напр. на историко-филологическомъ „факультетѣ", составляютъ одну facultas, одну спеціальность. Вслѣдствіе этого, напр. на томъ же историко-филологическомъ „факультетѣ", на младшихъ „курсахъ", мы, профессора, стѣсняемъ другъ друга, обременяемъ студентовъ разными обязательными „общеобразовательными" курсами и даемъ имъ лишь 2 года для спеціализаціи; мы имъ даемъ „факультетское" образованіе, но не даемъ имъ facultas въ истинномъ смыслѣ слова. Мы не выпускаемъ настоящихъ философовъ, историковъ, классическихъ филологовъ, славистовъ, германистовъ, романистовъ, мы не выпускаемъ астрономовъ, химиковъ, физиковъ, зоологовъ, ботаниковъ и т. д., мы не выпускаемъ политическихъ экономовъ, хотя потребность въ экономистахъ очень велика, но мы выпускаемъ людей съ „факультетскимъ" образованіемъ, которое уже давно не есть истинно-факультетское. Уровень университетскаго, т. е. научнаго образованія такъ низокъ, потому что мы влюблены въ ложный идеалъ „факультетскаго" образованія, хотя факультетъ и facultas давно уже не совпадаютъ. Въ сущности мы имѣемъ столько факультетовъ, сколько имѣется спеціальностей = facultates. Изученіе каждой изъ нихъ должно быть организовано раціонально и цѣлесообразно.- Итакъ, надо исходить отъ тѣхъ спеціальностей, которыя создались, и мы скажемъ:

Университетъ есть высшее научное учебное заведеніе, въ которомъ организовано преподаваніе и изученіе слѣдующихъ спеціальностей:

1) философіи, 2) исторіи, 3) индо-европейскаго языковѣдѣнія, 4) классической филологіи, 5) славяно-русской филологіи, 6) германской филологіи, 7) романской филологіи, 8) исторіи искусства, 9) математики, 10) астрономіи, 11) физики, 12) химіи, 13) зоологіи, 14) ботаники, 15) минералогіи, 16) агрономіи, 17) медицины, 18) фармаціи, 19) юриспруденціи, 20) административныхъ наукъ, 21) политической экономіи. Относительно нѣсколькихъ спеціальностей можно спорить: напр. исторія искусства можетъ быть исключена, а технологія можетъ быть включена и т. д. Но это менѣе важно. Важнѣе всего признаніе принципа ученой спеціализаціи, безъ котораго Университетъ не можетъ быть Университетомъ. Что же касается организаціи профессорской коллегіи, то послѣдняя лишь для административнаго удобства можетъ быть раздѣлена на 4 секціи, которыя и въ будущемъ пусть будутъ названы „факультетами", хотя названіе это уже невѣрно и сбивчиво. Студенты же вовсе не должны быть прикрѣплены къ „факультетамъ", но только къ той спеціальности, которую они сами себѣ избрали. Изученіе каждой изъ послѣднихъ должно быть организовано такимъ образомъ, что студентъ, желающій пріобрѣсть ту или другую facultas, долженъ подвергаться испытанію изъ извѣстнаго цикла предметовъ. Но при выборѣ послѣднихъ отнюдь не слѣдуетъ ограничиться курсами, читаемыми профессорами той секціи, къ которой принадлежатъ представитель или представители данной спеціальности. Курсы вообще должны читаться не на „факультетъ", какъ теперь, но въ Университетѣ, для студентовъ Университета. Напр. философы должны слушать лекціи и по естественнымъ наукамъ, напр., по физикѣ, политическіе экономы—у историковъ и т. д.

4. Уровень университетскаго образованія въ значительной степени зависитъ отъ уровня средней школы и отъ того *духа*, въ которомъ въ ней ведется преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ. Уровень же средней школы, либо гимназіи, либо реальнаго училища, либо новой единой школы, опять зависитъ отъ уровня низшей школы. А послѣдняя въ Россіи еще вовсе не организована, но элементарное обученіе будущихъ студентовъ предоставлено слѣпому случаю. Поэтому мы должны требовать:

а) сокращенія въ средней школѣ неучебнаго времени на половину въ связи съ уничтоженіемъ всѣхъ переходныхъ экзаменовъ

и съ обращеніемъ экзаменаціоннаго метода преподаванія въ истинно-учительскій;

б) прекращенія борьбы противъ „переутомленія“, благодаря которой молодые люди въ средней школѣ лишь отвыкаютъ отъ труда и поступаютъ въ Университетъ съ полнымъ нежеланіемъ серьезно заниматься;

в) открытія при каждомъ среднемъ учебномъ заведеніи 3-х-класснаго элементарнаго приготовительнаго училища, органически съ нимъ связаннаго, гдѣ дѣти отъ 7-го до 10-го года возраста будутъ получать основательное элементарное образованіе. Безъ такого элементарнаго училища средняя школа не можетъ быть средней, но первые 3 класса ея обратятся въ низшую, и средняя школа будетъ имѣть только 4-х-лѣтній курсъ. А что такой курсъ абсолютно недостаточенъ для подготовки будущихъ студентовъ, избирающихъ себѣ уже извѣстную ученую спеціальность, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Къ вопросамъ № 12 и № 13.

Желательно имѣть особыя университетскія испытанія для лицъ, желающихъ получить свидѣтельства о томъ, что они пріобрѣли себѣ высшій образовательный цензъ по той или другой спеціальности. Окончившіе курсъ Университета кандидаты и лѣкари—званіе кандидата слѣдуетъ возстановить, какъ болѣе удобное и краткое, вмѣсто нынѣшняго званія „окончившаго . . . . съ дипломомъ 1-ой или 2-ой степени“, должны имѣть право заниматься соотвѣтствующей свободной профессіей, напр. лѣкарь профессіей практическаго врача, юристъ профессіей адвоката, но служебныя права имъ не должны быть присвоены. Напротивъ, желательно установленіе особыхъ экзаменовъ на должность, по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, независимо отъ университетскихъ ученыхъ испытаній.

Мои *соображенія* по этому вопросу сводятся къ слѣдующему:

Если университетскимъ дипломамъ будутъ присвоены непосредственныя служебныя права, то такой порядокъ весьма невыгодно будетъ отражаться на уровнѣ университетскаго образованія, и мы будемъ имѣть то же самое зло, съ которымъ мы теперь боремся при такъ называемыхъ государственныхъ экзаменахъ, которые на дѣлѣ являются университетскими, но дающими служебныя права. Значительный процентъ студентовъ, какъ и теперь, будетъ искать не столько научнаго образованія, сколько служебныхъ правъ, ложная гуманность экзаменаторовъ будетъ имъ итти на встрѣчу, и

Университетъ останется фабрикою для изготовленія дипломовъ. Напротивъ, если не будетъ этого стимула, если университетскіе дипломы никакихъ правъ давать не будутъ, то матеріальные инстинкты у студентовъ и гуманные у экзаменаторовъ будутъ слабѣе, процентъ молодыхъ людей, ищущихъ высшаго образованія, увеличится, Университетъ станетъ храмомъ науки и будетъ выпускать благородныхъ дѣятелей, услугами которыхъ могутъ пользоваться государство и общество. Служебныя права должны быть пріобрѣтаемы будущими чиновниками на основаніи особаго государственнаго экзамена, организованнаго для каждаго вѣдомства отдѣльно. Напр., министръ юстиціи долженъ учредить особый судебный экзаменъ для будущихъ судей, при чемъ экзаменовать будутъ не профессора, а судьи. Министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ учредить особый экзаменъ для чиновниковъ своего вѣдомства, при чемъ экзаменовать будутъ опять не профессора, а чиновники—экзаменаторы. Министръ Народнаго Просвѣщенія учредитъ особый учительскій экзаменъ по отдѣльнымъ спеціальностямъ, а экзаменовать молодыхъ кандидатовъ будутъ лучшіе учителя и т. д. На экзаменѣ кандидатъ на извѣстную должность долженъ выказать не ученыя познанія, но тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы для успѣшнаго исполненія служебныхъ обязанностей по данному вѣдомству. Какія будутъ предъявлены требованія относительно образовательнаго ценза будущихъ чиновниковъ, это зависитъ отъ усмотрѣнія соотвѣтствующихъ министерствъ. Если они удовлетворятся среднимъ образованіемъ, то это ихъ дѣло; если они потребуютъ высшаго ценза, то это также ихъ дѣло. Въ послѣднемъ случаѣ они могутъ требовать, чтобы кандидаты на должность представляли свидѣтельства о четырехлѣтнемъ пребываніи въ Университетѣ, но никакъ не должны требовать университетскихъ, ученыхъ дипломовъ. Лишь при такомъ порядкѣ намъ, профессорамъ, уже нечего будетъ гуманничать, а университетское преподаваніе и университетскіе дипломы могутъ занять то почетное положеніе, какое имъ подобаетъ по идеѣ.

Къ вопросамъ № 15 и № 17.

Организація студентовъ нужна; притомъ, не только по факультетамъ и курсамъ,—если курсы въ ущербъ Университетамъ будутъ сохранены,—но и по кружкамъ и землячествамъ.

Мотивы: Разрѣшеніе одной лишь факультетской и курсовой организаціи не достигло бы желаемой цѣли. Всѣмъ извѣстно, что мы до сихъ поръ имѣли 2 параллельныхъ организаціи, курсовую и

союзный совѣтъ отдѣльныхъ кружковъ и землячествъ. Притомъ, вторая организація, хотя она и обнимала только меньшинство студентовъ, всегда оказывалась сильнѣе; постановленія курсовъ были фиктивны и соотвѣтствовали предварительнымъ постановленіямъ землячествъ, и то же самое надо сказать о постановленіяхъ общихъ сходокъ. Поэтому, если мы допустимъ курсовую организацію, но не допустимъ организаціи по кружкамъ и землячествамъ или ее будемъ игнорировать, то мы ничего не выигрываемъ. Кружки и землячества по прежнему будутъ существовать, и мы по прежнему будемъ имѣть дѣло не съ оффиціальной курсовой организаціей, но съ тайной. Я думаю, что съ фактомъ существованія кружковъ и землячествъ надо мириться: они сами по себѣ вовсе не опасны, слѣдуетъ ихъ только сдѣлать легальными и эту уже существующую организацію положить въ основу проектируемой общей организаціи.

Я намѣчу здѣсь только нѣсколько пунктовъ.

Слѣдуетъ сказать:

1. Студенты имѣютъ право съ разрѣшенія ректора образовывать всякаго рода корпораціи: землячества, кружки и т. д.—Заниматься политикою имъ нельзя.

2. Корпорація, претендующая на право участія въ обще-студенческихъ дѣлахъ, должна имѣть извѣстное минимальное число членовъ (30, 40 или 50).

3. Всѣ корпораціи составляютъ союзный совѣтъ, въ которомъ каждая, въ лицѣ своего предсѣдателя, имѣетъ по одному голосу.

4. Всѣ корпораціи въ началѣ каждаго академическаго года (или каждаго семестра) представляютъ ректору списокъ своихъ членовъ и должностныхъ лицъ; послѣднія избираются только изъ числа старшихъ студентовъ, пребывавшихъ въ Университетѣ уже 2 года.

5. Студенты, не принадлежащіе ни къ какой корпораціи, этимъ самимъ отказываются отъ права участія въ студенческихъ дѣлахъ —таких студентовъ будетъ довольно много,—или же они должны образовать новыя корпораціи.

6. Въ союзномъ совѣтѣ, т. е. въ собраніи предсѣдателей отдѣльныхъ корпорацій, предсѣдательство чередуется между корпораціями.

7. Собраніе предсѣдателей можетъ служить и студенческимъ судомъ чести.—Дальнѣйшихъ подробностей я здѣсь не касаюсь.

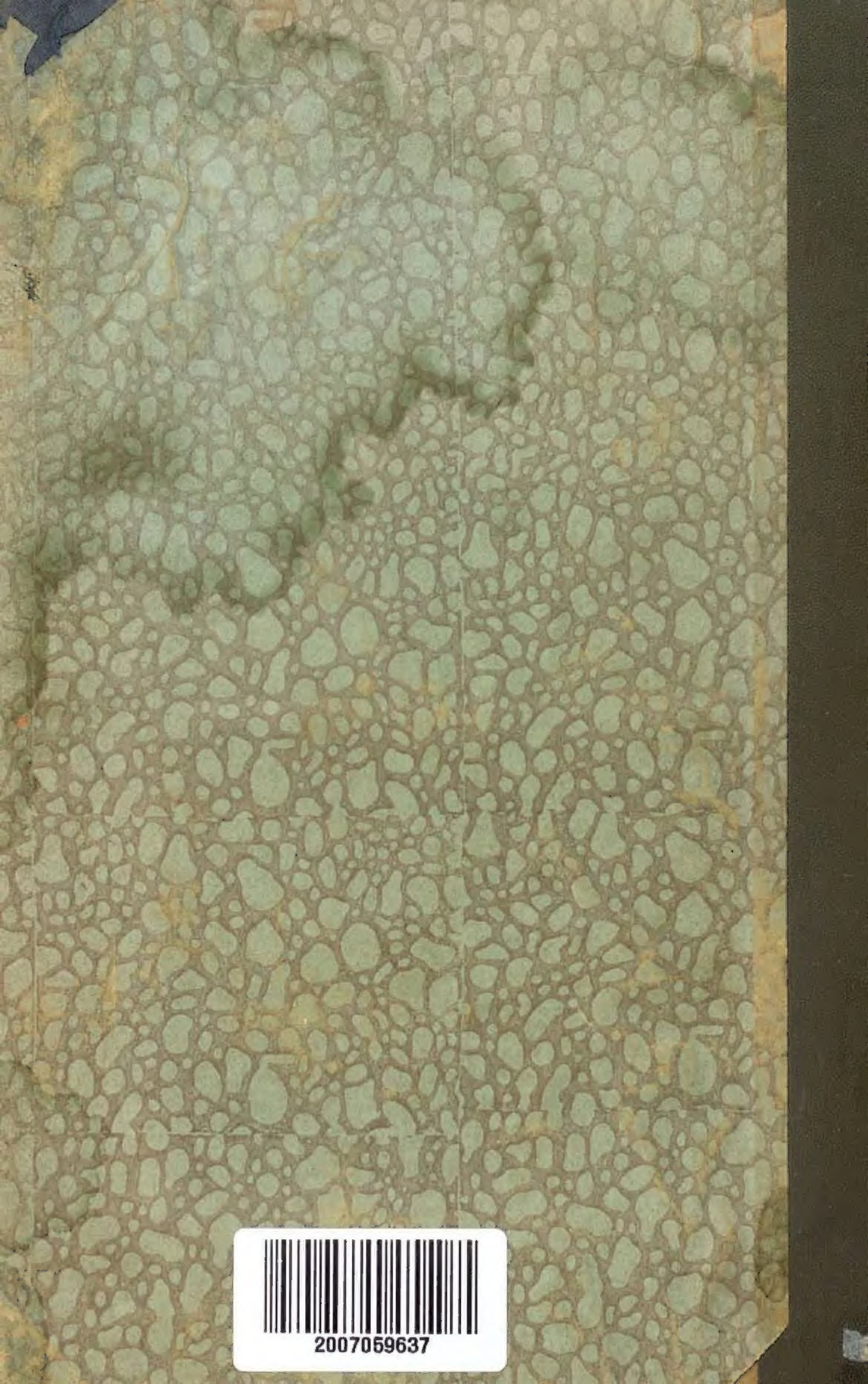
8. Подымается вопросъ: гдѣ будутъ происходить собранія корпорацій и собранія студенческаго суда и союзнаго совѣта? Тутъ представляются двѣ возможности. Или каждый кружокъ будетъ имѣть свою особую частную квартиру, гдѣ члены его могутъ сво-

бодно собираться, какъ это принято во французскихъ и нѣмецкихъ университетахъ и какъ это давно дозволено нѣмецкимъ корпораціямъ студентовъ бывшаго Дерптскаго Университета, или же правительство по скандинавскому образцу можетъ выстроить въ каждомъ университетскомъ городѣ особый студенческій домъ, спеціально назначенный для нуждъ студентовъ, съ однимъ большимъ заломъ для баловъ и общихъ увеселеній и цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ помѣщеній, отводимыхъ отдѣльнымъ корпораціямъ.

9. Всякія сходки въ университетскихъ аудиторіяхъ лишь при такой организаціи могутъ и должны быть запрещаемы. Да и не будетъ никакой потребности въ нихъ. Если же студенты не будутъ имѣть права собираться внѣ аудиторій въ частныхъ квартирахъ или въ предполагаемомъ мною студенческомъ домѣ, то они по прежнему будутъ собираться въ аудиторіяхъ и никакіе запреты тутъ ничего не помогутъ.

Такимъ образомъ, я повторяю, разрѣшеніе факультетской и курсовой организаціи не поможетъ, если мы не разрѣшимъ организаціи по кружкамъ и землячествамъ.

Профессоръ **І. Леціусъ**.

2007059637